

Федеральное агентство по образованию
ГОУ ВПО «Нижевартовский государственный гуманитарный университет»
Лаборатория проблем региональной культуры

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**Тезисы докладов Всероссийской
научно-практической конференции**

г.Нижевартовск, 16 апреля 2009 года

**Нижевартовск
2010**

ББК 94я43
А 43

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного гуманитарного университета

Ответственные редакторы:

д.ф.н., профессор НГГУ, вед. науч. сотрудник *В.И.Полищук*;
к.ф.н., доцент ННГУ, ст. науч. сотрудник *Е.В.Гутов*

А 43 **Актуальные проблемы региональной культуры:** Тезисы докладов
Всероссийской научно-практической конференции (г.Нижевартовск, 16 ап-
реля 2009 года) / Отв. ред. В.И.Полищук, Е.В.Гутов. — Нижевартовск:
Изд-во Нижеварт. гуманит. ун-та, 2010. — 186 с.

ISBN 978–5–89988–740–0

Сборник содержит тезисы и статьи докладов участников Всероссий-
ской научно-практической конференции Лаборатории проблем регио-
нальной культуры Нижевартовского государственного гуманитарного
университета (г.Нижевартовск, 16 апреля 2009 года).

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заве-
дений.

ББК 94я43

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 21.06.2010
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 11,7
Тираж 500 экз. Заказ 1107

*Отпечатано в Издательстве
Нижевартовского государственного гуманитарного университета
628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*

ISBN 978–5–89988–740–0

© Издательство НГГУ, 2010

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛАБОРАТОРИИ ПРИКЛАДНОЙ ДИДАКТИКИ НИЖНЕВАРТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

На протяжении веков одной из актуальных проблем образования, как в России, так и за рубежом остается проблема, связанная с постановкой целей и поиск путей их достижения. Цель имеет системообразующий характер деятельности любой социальной системы. Без цели деятельность становится бессмысленной, лишенной ориентира.

В разные века и эпохи цели образования формулировались в соответствии с социально-экономической обстановкой. Например, в средневековых западноевропейских странах цель образования – служение Богу, в советский период в СССР – формирование гармонично развитой личности и т.д. Особенно острый характер проблема целей приобретает в период перехода от одной социально-экономической системы к другой. При этом происходит смена парадигм образования. В настоящее время происходит процесс переоценки традиционной педагогики, для которой характерно: преувеличение роли знаний, как цели обучения; отрыв теории от практики; недооценка значения самообразовательной деятельности. Возникает вопрос: может ли теория целей, разработанная в недрах традиционной педагогики, быть применима в новых условиях? Ответ на данный вопрос может быть дан только в результате детального научного анализа проблемы. Сегодня над ее решением работают как отдельные исследователи, так и крупные научные коллективы. Среди них можно отметить научную школу А.В.Хуторского (институт содержания и методов обучения Российской академии образования). Одно из направлений деятельности этой школы – определение смысла и проектирование целей образования. В данном направлении рассматриваются проблемы целеполагания в современном образовании, изменения целей обучения в контексте модернизации образования, решаются проблемы, связанные с проектированием целей и задач обучения, раскрывается специфика целей обучения в начальной, средней и профильной школе, в отдельных образовательных областях и учебных предметах. Коллектив лаборатории ГНУ ИСМО РАО изучает проблемы целеполагания субъектов обучения в связи с организацией индивидуальной образовательной траектории ученика. Основопологающим принципом лаборатория признает принцип личностного целеполагания ученика.

Темой исследования научно-исследовательской лаборатории прикладной дидактики (далее по тексту НИЛ ПД) Нижневартковского государственного университета (далее НГГУ) является: «Организационные, методологические и методические аспекты повышения эффективности системы обеспечения качества подготовки специалистов с высшим образованием на основе целеполагания».

В рамках данной темы в качестве цели НИЛ ПД выбрала создание модели целеполагания в учебно-воспитательном процессе НГГУ его оценивание и мониторинг. На протяжении ряда лет эта цель и задачи уточнялись в зависимости от специфики стандартов высшего профессионального образования 1-го и 2-го поколений. В связи с возможностью реализации компетентностного подхода к обучению могут быть введены стандарты 3-го поколения, реализующие новую парадигму в образовании¹.

В форме краткого обзора рассмотрим основные задачи НИЛ прикладной дидактики в 2008 г. и охарактеризуем степень их разработанности (обзор составлен на основе годовых отчетов научных сотрудников лаборатории: А.В.Абрамова, А.Е.Бельковой, Г.Н.Артемьевой, О.И.Близнецовой, Л.П.Городенко, Е.Н.Икингрин, Б.Н.Махутова, И.Н.Полынской, Э.М.Рянской, Л.В.Радионовой).

Задача 1. Теоретически обосновать и практически реализовать модели учебно-дидактических материалов на основе целеполагания в условиях контекстно-компетентностного подхода по лингвистическим дисциплинам, педагогике, дисциплинам художественно-графического факультета, дисциплинам филологического факультета, социологии, медико-биологическим дисциплинам.

Решение задачи.

1. Предлагаемая комплексная модель целеполагания в системе преподавания лингвистических теоретических дисциплин воплощает результативно-целевое единство образовательного процесса, учитывает принцип системности и межуровневых языковых связей, предусматривает поэтапное формирование системы теоретических знаний, предполагающее связь процесса обучения с познавательной деятельностью, интеграцию структуры целеполагания в целостную, динамическую систему профессиональной подготовки специалиста.

Разрабатываемая модель предполагает реализацию общих механизмов формирования целостной картины языковой системы, поэтому изучаемые объекты рассматриваются в соответствии с уровнем компетентности: усвоение базовых лингвистических понятий – понимание природы языкового явления, усвоение его потенциальных свойств – формирование представлений о языковом явлении в контексте научной проблематики.

На завершающем этапе разработки комплексной модели целеполагания намечается усиление акцента на операционную, навывковую сторону результата. В связи с этим практическая реализация модели целеполагания предполагает формулирование целей по уровням компетентности, разработку методического сопровождения в виде лингвистических задач и учебных проблемных ситуаций².

2. Внедрение компетентностного подхода в образовательный процесс вуза влечет за собой изменение системы оценивания результатов образовательной деятельности обучающихся. Особую значимость приобретает аутентичная (т.е. истинная индивидуализированная) оценка компетентности студентов на всех этапах обучения в Вузе.

Одним из аутентичных способов оценивания, поддерживающих компетентностный подход в образовании, является портфолио студента, цель создания которого может сводиться к доказательству прогресса в обучении по результатам, приложенным усилиям, по материализованным продуктам учебно-познавательной деятельности и т.д. Его огромное преимущество перед всеми традиционными способами контроля и стимулирования учебной и деловой активности заключается в том, что он «нужен», в первую очередь, не преподавателям, а самим обучающимся в вузе студентам. Портфолио нужен как действенный метод самоорганизации, самопознания, самооценки и самопрезентации студента в вузовской и, далее, в любой профессиональной и деловой среде.

Идея использования портфолио в системе высшего образования в последнее время получает широкое распространение – ведется разработка и внедрение новых типов портфолио (портфолио документации, портфолио процесса, портфолио показательный портфолио, отражающий реализацию образовательной программы, итоговый портфолио и др.), каждый из которых может служить одной или более целям в качестве части оценочной вузовской системы.

Портфолио студента дополняет традиционные контрольно-оценочные средства и может в перспективе стать реальной альтернативой, имеющимся в образовательной практике вуза традиционным формам оценивания, дает новый стимул развитию проблемы оценки, показывает возможные направления обновления традиционной системы и, в конечном счете, формирует новое понимание самого процесса обучения³.

3. В определении методических основ формирования компетентности у студентов факультета искусств и дизайна, мы исходим из содержания целей, задач и места рисунка в плане подготовки специалиста, а также из сравнения теорий, на которых базируется вуз.

Одна из важных задач учебно-воспитательной работы на факультетах искусств и дизайна педвузов связанной с изучением курса рисунка, состоит в том, чтобы направить внимание студентов, на необходимость развития художественного восприятия предметов природы и изображения, как основного источника, в обучении изобразительного искусства, направленного на овладения изобразительным мастерством и повышения качества учебного рисунка, в подготовке будущих художников.

Рассмотренный материал позволяет утверждать, что целенаправленный процесс взаимодействия познавательных, педагогических и творческих факторов создает благоприятные условия для формирования профессиональной компетенции у студентов факультета искусств и дизайна на занятиях рисунком в подготовке высококвалифицированных специалистов.

Определены основные понятия профессиональной компетентности в области рисунка студентов факультета искусств и дизайна. Подчеркивается важность и необходимость учета основных условий, развивающих художественное восприятие у студентов на занятиях рисунком:

— При выполнении основных заданий по рисунку особую важность имеет теоретическая основа (композиционное размещение, конструктивное построение, тональное решение и т.д.), формирующаяся на базе художественно-исторических знаний, помогающая при выполнении основных заданий по рисунку.

— Особая роль в построении условий обучения учебному рисунку, отведена развитию эмоционально-эстетической стороне восприятия средств рисунка и способности к их логическому осмыслению.

— Методика обучения рисунку предусматривает развитие у студентов способности общения, умения рассуждать вслух, объяснять, анализировать, доказывать.

— Обучение осуществляется с учетом условий аудиторного учебного процесса по рисунку и самостоятельной подготовки студентов во внеурочное время.

— Для выполнения студентами специальных заданий и упражнений используются лучшие образцы наглядных пособий.

Познание, обучение, воспитание средствами рисунка возможно лишь с позиции контекстно-компетентного подхода и, непременно, с помощью теории соответствующего образовательного уровня⁴.

4. Проведено социологическое исследование «Мониторинг проблем адаптации, мотивации и целеполагания студентов Нижневартковского государственного гуманитарного университета и Кубанского педагогического университета (1, 3, 5 курсы)».

— Разработан инструментарий для опроса студентов НГГУ и КПУ.

— Создана электронная база данных опроса. Обработаны анкеты.

— Проведен сравнительный анализ результатов социологических исследований по вопросам адаптации, мотивации и целеполагания студентов двух вузов.

— Обобщая проведенный анализ по формированию гражданской культуры студентов НГГУ в рамках контекстно-компетентного подхода, отметим выявленные тенденции:

Процесс совершенствования подготовки будущих специалистов в условиях образования обусловлен многими факторами, среди которых существенными являются: адаптация, мотивация и целеполагание студентов.

Понятие «*мотив*» и понятие «*мотивация*» выступают сложным механизмом соотношения личностью внешних и внутренних факторов поведения, которые определяют возникновение, направление, а также способы осуществления конкретных форм деятельности.

Как показывают многочисленные социологические исследования, мотивация студентов неоднородна, она зависит от множества факторов: индивидуальных особенностей студентов, характера ближайшей референтной группы, уровня развития студенческого коллектива, качество образовательной среды вуза. Мотивация поведения человека (в нашем случае – студента) всегда есть отражение взглядов, ценностных ориентации, установок того социального слоя

(группы, общности), представителем которого он является. Поэтому условием и источником познавательной, научной, общественной активности студентов, побудительной причиной их разнообразной деятельности в вузе является сложная структура мотивов.

Ответы на вопрос: «Кто повлиял на ваш выбор профессии?», у студентов НГГУ ответы распределились следующим образом: на первом месте – «сам решил, никто» – 37% опрошенных, на втором вариант «родители, родственники» – 35% опрошенных, на третьем месте – «СМИ» – 13% опрошенных, на четвертом месте вариант «повлияли друзья» – 8% опрошенных. Плохо то, что выбор таких вариантов как: «повлияли учителя, школа» и «книги» занимают низкие позиции (по 6% опрошенных). Среди студентов Кубанского государственного университета данные варианты выбрали большее число опрошенных: «повлияли учителя, школа» – 10% и «повлияли книги» – 11% опрошенных.

Мотивы поступления в вуз у студентов КубГУ и НГГУ значительно различаются. Наиболее популярным среди ответов на вопрос «Почему Вы поступили в избранный вуз?» у студентов НГГУ был вариант «возможность учиться на бюджете», его отметило 42% всех опрошенных, а у студентов КубГУ – «привлек престиж, авторитет вуза» – 54% (у студентов НГГУ этот мотив занимает седьмое место, его отметило 18% опрошенных).

Мотив «*считал: наилучшие способности у меня именно в этой области*» в наибольшей степени, по сравнению с другими факультетами отметили студенты факультета искусств и дизайна (далее ФИИД) – 50% и факультет физической культуры и спорта (далее по тексту ФКиС) – 47% опрошенных (при среднем показателе 34%).

На выбор вуза *повлияла учеба в специализированном классе, спортивной секции* у студентов ФКиС – 16% и ФИИД – 13% опрошенных (при среднем показателе 5%). Студенты данных факультетов традиционно наиболее профориентированы, чем студенты других факультетов, что подтверждает выбор мотива «*совет учителей, специалистов по профориентации*» каждым шестым студентом ФКиС (16% при среднем показателе 4%).

Мотив «*привлек престиж, авторитет вуза*» чаще других отмечали студенты гуманитарного факультета – 24% (при сред. пок. 18%), меньше других выбрали данный вариант студенты ФИИД и ФКиС (2% и 5% соответственно).

Мотив «*перспектива найти после вуза хорошую работу*» привлек одну треть студентов гуманитарного факультета (34% опрошенных при среднем показателе 21%).

Мотив «*желание получить диплом*» отметили больше других студенты ФКиС – 32% опрошенных (при среднем показателе 20%).

Мотив «*больше некуда было поступать*» больше других отметили студенты естественно-графического факультета – 21% опрошенных, меньше других – студенты факультета культуры и сервиса – 6% (при среднем показателе 11% опрошенных).

Повлияла семейная традиция, посоветовали родители больше всего на студентов естественно-графического факультета (ЕГФ) – 10% опрошенных (при среднем показателе 6%).

Мотив «эту профессию выбрали друзья» отметили 5% студентов ФКиС.

Хотели бы поехать учиться в другой город студенты ФИИД и педагогики и психологии (ПиП) (по 44% опрошенных при среднем показателе 35%).

Возможность учиться на бюджете привлекла больше других студентов факультета культуры и сервиса – 47% опрошенных, а меньше других – студентов ФИИД – 28% (при среднем показателе 42%).

Мотив «профессия интересная, творческая» отметили две третьих студенты ФИИД и студенты факультета культуры и сервиса (по 67% опрошенных при среднем показателе 30%).

Хотелось продлить более или менее беззаботный образ жизни студентам ФИИД и ЕГФ (по 7% при среднем показателе 3%).

Согласно главному дидактическому принципу, регламентирующему лично-относительно-ориентированный образовательный процесс, обучение каждого студента должно происходить на основе и с учётом его личных учебных целей.

Данный принцип опирается на врожденное качество человека – способность постановки целей своей деятельности.

Под целью в образовании мы понимаем превосходящийся результат – образовательный продукт, который может быть внутренним или внешним, но он должен быть создан за определенный промежуток времени и его можно продиагностировать, т.е. цель должна быть проверяема.

Целеполагание – практическое осмысление своей деятельности человеком с точки зрения формирования (постановки) целей и их реализации (достижения) наиболее экономичными средствами. Часто понимается, как эффективное управление временным ресурсом, обусловленным деятельностью человека.

Вопрос «Какая Ваша главная цель учебы в вузе» является контрольным и обобщающим по отношению к вопросу о мотивах поступления в вуз. Примерно одинаковое число студентов НГГУ выбрало варианты «получение диплома» и «овладение профессиональными навыками» (48% и 46% соответственно).

У студентов КубГУ вариант «овладение профессиональными навыками» получил в два раза больше голосов, чем вариант «получение диплома» (60% против 28% опрошенных).

Положительно, что вариант «побыть студентом», весело провести молодёжь годы» занимает в целях обучения в вузе одно из последних мест, его отметили всего 3% опрошенных студентов НГГУ.

Среди мотивов, побуждающих учиться студентов НГГУ на первом месте – мотив «желание успешно сдать сессию» – 59% опрошенных, а у студентов КубГУ – мотив «стремление получить знания» – 57% опрошенных. Каждого второго студента НГГУ (53% опрошенных) стремление получить знания стиму-

пирует учиться. А каждый пятый студент НГГУ (20% опрошенных) увлечен учебным предметом.

На первом месте у студентов НГГУ – «получить знания, которые позволят продвинуться в жизни» – 69% опрошенных. Данный показатель чаще других отметили студенты факультета культуры и сервиса (74%) ПИП (72% опрошенных).

На втором месте «узнать новое» – 56%.

Студенты НГГУ меньше, чем студенты КубГУ посещают занятия по обязанности (18% против 23%) и потому, что строгий контроль посещаемости (7% против 11%).

Среди студентов НГГУ больше других посещают занятия по обязанности студенты гуманитарного факультета (26% опрошенных при среднем показателе 18%). Из-за строгого контроля посещаемости студенты ФКиС ходят на занятия (11% при среднем показателе 7%).

В целом исследование позволило прийти к следующему выводу: комплекс непосредственных и опосредованных мотивов студентов четвертого курса по сравнению с мотивами первокурсников отличается наибольшей широтой и согласованностью.

В заключение отметим, что исследование мотивационных особенностей студентов педвузов может служить исходным основанием для дальнейшего поиска и совершенствования организационных форм, способов, средств учебного процесса.

Формирование компетенций студентов может быть успешным при условии организации образовательного процесса на основе системных отношений и взаимосвязей: взаимодействия дисциплин различных циклов; применения современных педагогических технологий, соответствующих задачам профессиональной подготовки студентов; сотворчества участников образовательного процесса.

В Федеральных государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования подготовки магистра (третьего поколения) даются следующие определения: «компетенция – способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области; модуль – часть образовательной программы или часть учебной дисциплины, имеющая определенную логическую завершенность по отношению к установленным целям и результатам воспитания, обучения», а также приводятся компетенции, которыми должен обладать выпускник вуза в соответствии с целями основной образовательной программы и задачами профессиональной деятельности. В данном документе все компетенции разделены на универсальные (социально-личностные, общекультурные, общенаучные и инструментальные) и профессиональные (производственно-технологическая деятельность, организационно-управленческая деятельность, научно-исследовательская деятельность, проектная деятельность и другие виды деятельности).

Таблица 1

Знания, умения и навыки, которые получили или хотели приобрести студенты НГГУ	Получил достаточно, %	Хотели бы усовершенствоваться, %	Хотели бы приобрести, %	Мне это не нужно, %
1. УНИВЕРСАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ				
1.1. Социально-личностные				
Способность к последипломному образованию (повышению квалификации)	11	31	50	8
Харизматические качества: справедливость, сочувствие, готовность помочь, единства слова и дела, любовь к семье и т.д.	58	27	7	7
Умение вести здоровый образ жизни	42	35	13	10
Работоспособность	35	44	15	5
Способность быть общественно активным	30	39	18	12
Творческое отношение к работе	33	46	14	7
1.2. Общеаучными				
Навыки оформления работ (рефераты, доклады, контрольные работы)	31	48	16	5
Способность учитывать в работе чужой опыт	37	36	18	9
1.3. Инструментальные				
Навык быстрого чтения	49	26	12	12
Навык быстрого письма	44	33	14	9
Умение работать с каталогами в библиотеке	37	35	13	15
Умение пользоваться компьютером	45	39	10	6
2. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ (по видам деятельности)				
2.1. Производственная деятельность				
Профессиональные навыки по специальности	19	53	24	4
Способность к интеграции со специалистами смежных и других специальностей	7	31	54	8
2.2. Проектная деятельность				
Способность к проектной деятельности	12	38	39	11
2.3. Организационно-управленческая деятельность				
Знание законов межличностного общения и умение использовать их на практике	23	39	32	6
Способность принимать решения и нести за них ответственность	43	37	15	5
Умение создать благоприятный психологический климат в коллективе	31	44	19	7
Умение управлять трудовым коллективом	11	30	48	11

В анкете был задан вопрос: «Что получили или хотели бы приобрести за период обучения в вузе?», было приведено 19 видов компетенций, которые студенты оце-

нивали по вариантам: «получил достаточно», «хотел бы усовершенствовать», «хотел бы приобрести», «мне это не нужно» (см. табл. 1). Среди универсальных компетенций, в том числе, социально-личностных и общекультурных (СЛК).

Социально-личностные компетенции, которые студенты приобрели в процессе обучения в НГГУ практически по всем видам ими оценивают достаточно высоко (от 58% до 30% опрошенных считают, что получили их достаточно), кроме способности к последипломному образованию, повышению квалификации (11% опрошенных). Половина опрошенных студентов НГГУ хотели бы приобрести способность к последипломному образованию (повышению квалификации), а почти одна треть (31%) – их усовершенствовать. Вызывают тревогу ответы студентов «мне это не нужно» по таким компетенциям как «умение вести здоровый образ жизни» (10% опрошенных) и «способность быть общественно активным» (12%). Студенты факультета искусств и дизайна считают, что им не нужно умение вести здоровый образ жизни – 14% опрошенных, не нужна способность быть общественно активным – 22% опрошенных. Среди студентов гуманитарного факультета отделения филологии 20% не способны быть общественно активными.

Общенаучные компетенции, такие как: навыки оформления работ (рефераты, доклады, контрольные работы) и способность учитывать в работе чужой опыт – одна треть опрошенных студентов НГГУ оценивают как «достаточные», «хотели бы усовершенствовать» 48% и 36% соответственно. Овладеть навыками оформления работ (рефераты, доклады, контрольные работы) в большей степени хотели бы студенты факультета искусств и дизайна и факультета культуры и сервиса (27% и 20% соответственно). Положительно, что в отношении *инструментальных компетенций*, почти половина опрошенных студентов НГГУ, отмечают показатель «получил достаточно»: навык быстрого чтения – 49%, навык быстрого письма – 44%, умение работать с каталогами в библиотеке – 37% и умение пользоваться компьютером – 45%.

Навыками быстрого чтения овладели студенты факультета культуры и сервиса – 57% опрошенных (при среднем показателе 49%), гуманитарного факультета отделения филологии – 53%, факультета искусств и дизайна – 53% и факультета физической культуры и спорта – 53%. Хотели бы усовершенствовать навык быстрого чтения студенты факультета педагогики и психологии – 30% опрошенных (при среднем показателе 26%), естественно-графического факультета – 32%.

Навыками быстрого письма студенты всех факультетов НГГУ овладели примерно одинаково (см. табл. 1). Больше других хотели бы усовершенствовать навык быстрого письма студенты факультета педагогики и психологии – 36% опрошенных.

Лучше других умеют работать с каталогами в библиотеке студенты гуманитарного факультета – 41% опрошенных и студенты факультета педагогики и психологии – 42% опрошенных (при среднем показателе 37%). Хотели бы

приобрести навык работы с каталогами студенты естественно-графического факультета – 18% (при среднем показателе 15%).

Навыками работы за компьютером овладели в большей степени студенты факультета информационных технологий и математики – 58% (при среднем показателе 45%). Данный факультет лучше других обеспечен компьютерными классами: по данным опроса две третьих студентов факультета информационных технологий и математики вполне удовлетворены оснащенностью учебного процесса компьютерами (74% при среднем показателе 50%). Данный навык у более, чем половины опрошенных студентов этого факультета является их профессиональной компетенцией.

По отношению к *профессиональным компетенциям* вариант «получил достаточно» имеет самый низкий показатель по сравнению с другими компетенциями (см. табл. 1). Особенно низкие оценки получили следующие компетенции: способность к интеграции со специалистами смежных и других специальностей (7% опрошенных), умение управлять трудовым коллективом (11%), способность к проектной деятельности (12%). Способность принимать решения и нести за них ответственность получили достаточно за период обучения в вузе 46% студентов, что противоречит их же оценки «умение управлять трудовым коллективом» (11% опрошенных). Одна пятая часть студентов факультета искусств и дизайна (20%) и одна шестая студентов факультета информационных технологий и математики (15%), считают, что данная компетенция им не нужна – это вероятно связано, что многие из них намерены работать не руководителями коллектива, а творческими исполнителями.

Среди компетенций, связанных с производственной деятельностью (профессиональные навыки по специальности) 53% опрошенных студентов хотели бы их усовершенствовать, 24% – получить. А более половины опрошенных (54%) хотели бы приобрести способность к интеграции со специалистами смежных и других специальностей (см. табл. 2).

Таблица 2

Самооценка студентами разных вузов знаний, умений и навыков по пятибалльной шкале	КубГУ		НГГУ	
	Балл	Место	Балл	Место
Знания, умения, навыки необходимые для работы по специальности	3,4	5	3,5	5
Основы экономических знаний	2,6	8	2,5	8
Основы правовых знаний	3,2	6	2,9	7
Знание и понимание социальных проблем личности и общества	3,9	4	3,7	3–4
Навыки системного анализа	3,0	7	3,1	6
Навыки самообразования	4,0	3	3,7	3–4
Коммуникативные навыки	4,1	1–2	3,8	1–2
Владение навыками работы с информационными ресурсами в Интернете	4,1	1–2	3,8	1–2

Свои знания, умения, навыки необходимые для работы по специальности студенты КубГУ и НГГУ оценили практически одинаково (в 3.4 и 3.5 балла соответственно). Самые низкие самооценки у студентов обоих вузов получили: «основы экономических знаний» – 2,6 и 2,5 балла, «основы правовых знаний» – 3,2 и 2,9 балла, «навыки системного анализа» – 3,0 и 3,1 балла. В «4» и выше балла студенты КубГУ оценили свои навыки самообразования, коммуникативные навыки и навыками работы с информационными ресурсами в Internet. Эти же навыки студенты НГГУ тоже достаточно высоко, но несколько ниже.

Рейтинг самооценки знаний, умений и навыков у студентов обоих вузов (КубГУ и НГГУ) примерно совпадает, так первые и вторые места у обоих вузов заняли: коммуникативные навыки и владение навыками работы с информационными ресурсами в Internet, а последнее место – знание основ экономики.

В тоже время, степень овладения данными навыками студенты разных вузов оценивают неодинаково, например, в «4» и выше балла студенты КубГУ оценили свои навыки самообразования, коммуникативные навыки и навыками работы с информационными ресурсами в Internet. Эти же навыки студенты НГГУ тоже достаточно высоко, но несколько ниже (3,7 и 3,8 балла)⁵.

5. Дисциплина «Основы социальной медицины» является базовой для подготовки специалистов социальной работы по специализации «Медико-социальная работа с населением».

Изучение дисциплины «Основы социальной медицины» способствует решению следующих *типовых задач профессиональной деятельности*:

- оказание социально-медицинской помощи семьям и отдельным лицам;
- организация социально-медицинской работы с отдельными лицами и группами с особыми нуждами, ограниченными возможностями и т.д.;
- проведение исследовательско-аналитической деятельности по социально-медицинским проблемам;
- содействие интеграции деятельности различных государственных и общественных организаций и учреждений по оказанию необходимой социально-медицинской помощи.

Типовые задачи профессиональной деятельности можно рассматривать как составляющие элементы профессиональной компетентности специалиста в области охраны общественного здоровья.

Под профессиональными компетенциями специалиста подразумеваются концептуальные (теоретические) компетенции, практические компетенции и профильные компетенции, которые соответствуют видам профессиональной деятельности.

Профессиональные компетенции, характеризующие готовность к выполнению определенных видов деятельности, включают три основных компонента: когнитивный (знания), деятельностный (умения) и мотивационно-ценностный (отношение).

Когнитивный компонент предполагает владение студентами знаний сущности здоровья и болезни, факторов риска здоровью, основ здорового образа жизни, причин и основных характеристик наиболее распространенных социально значимых неинфекционных и инфекционных болезней, направлений и приемов социально-медицинской помощи нуждающимся клиентам; нормативно-правовой базы охраны здоровья граждан Российской Федерации; организации специализированной социально-медицинской помощи отдельным категориям клиентов; основ биомедицинской этики.

Деятельностный компонент характеризуется сформированностью умений и навыков, необходимых в процессе осуществления практической деятельности специалиста. К таким умениям и навыкам можно отнести:

- умение анализировать показатели здоровья населения и демографические показатели;
- умение составлять индивидуальную программу реабилитации лиц с ограниченными возможностями;
- умение оказывать первую медицинскую помощь при неотложных состояниях;
- умение выстраивать конструктивные взаимодействия со специалистами в смежных областях, с клиентами, с их ближайшим окружением;
- навыки формирования здорового образа жизни различных групп клиентов;
- навыки консультирования по вопросам планирования семьи;
- навыки организации социально-медицинской работы с отдельными лицами и группами с особыми нуждами, ограниченными возможностями и т.д.

Мотивационно-ценностный компонент включает в себя сформированность ценностного отношения будущих специалистов к здоровью и здоровому образу жизни, потребность следовать ему и мотивацию к здоровьесберегающей деятельности. Немаловажную роль в этом компоненте играет наличие определенных личностных качеств будущих специалистов, таких как доброжелательность, терпимость, эмпатичность, желание помочь человеку в затрудненной жизненной ситуации, этичность. Кроме того, в формировании профессиональной компетентности специалиста значимую роль играют стремление к самообразованию, исследовательской деятельности, готовность к ответственности за содержание и результаты своей профессиональной деятельности.

Решению задачи формирования профессиональной компетентности будущих специалистов социальной работы в области общественного здоровья направлена реализация учебной программы дисциплины. Под профессиональными компетенциями специалиста подразумеваются концептуальные (теоретические) компетенции, практические компетенции и профильные компетенции, которые соответствуют видам профессиональной деятельности.

Профессиональные компетенции, характеризующие готовность к выполнению определенных видов деятельности, включают три основных компонента: когни-

тивный (знания), деятельностный (умения) и мотивационно-ценностный (отношение).

В соответствии с профилем образовательной программы «Основы социальной медицины» и задачами профессиональной деятельности мы сформулировали следующие профессиональные специализации компетентности, которыми должен обладать выпускник по специальности «Социальная работа».

Решению задачи формирования профессиональной компетентности будущих специалистов социальной работы в области общественного здоровья направлена реализация учебной программы дисциплины «*Основы социальной медицины*»⁶.

Задача 2. Разработка системы мониторинга качества целеполагания оценочных средств в условиях контекстно-компетентностного подхода.

Решение задачи.

В результате анализа мировых тенденций развития высшего образования на современном этапе установлено следующее:

— формирование информационной компетентности включает в себя готовность специалиста применять современные информационные технологии в решении профессиональных задач;

— под информационно-коммуникационной компетентностью подразумевается уверенное владение всеми составляющими навыками ИКТ для решения возникающих вопросов в учебной и иной деятельности, при этом акцент делается на сформированность обобщенных познавательных, этических и технических навыков.

При теоретическом обосновании модели компетентностного обучения информатике специалистов высшего профессионального образования выявлены следующие аспекты:

— наличие проблемной ситуации в курсе информатики, которая содержит противоречие, вызванное несоответствием объема аудиторных занятий, отводимых на изучение дисциплины и уровнем развития современных информационных коммуникационных технологий;

— модульное обучение на основе компетентностного подхода позволяет создавать разнообразные пространства для самостоятельной работы студентов;

— необходима технология организации самостоятельной работы, позволяющая формировать информационную компетентность студентов, посредством использования современных информационных коммуникационных технологий в образовательном процессе университета.

По результатам исследований предлагается:

— построение образовательного процесса осуществлять с непосредственным использованием информационных коммуникационных технологий;

— формировать информационную компетентность студентов с учетом специфических особенностей развития курса информатики, которые представлены в виде T-образной доминанты;

— внедрить в образовательный процесс университета технологию организации самостоятельной работы по курсу информатики, которая состоит из информационного, аналитического и проектировочного этапов реализации;

— использовать тестовые задания на определение уровня инструментальных компетенций (способность самостоятельно работать на компьютере), сформированных в рамках изучения дисциплины «Информатика»⁷.

Задача 3. Исследование уровней развития способности к целеполаганию саморазвития у студентов НГГУ в условиях контекстно-компетентностного подхода (на примере спец. «Экология», «География»).

Выполнение задачи.

Теоретически обоснована структура способности к целеполаганию, методологической основой явились работы С.Л.Рубинштейна, В.Н.Дружинина, Э.А.Голубевой. «Ядро» способности представлено как качество познавательных процессов, прежде всего, мышления. «Периферию» способности составляют отношение к деятельности по определению и переопределению елей, мотивы этой деятельности и ее саморегуляция.

Результаты обобщены в виде первого раздела «Методических рекомендаций по формированию у студентов данной способности.

Выявлена зависимость способности к целеполаганию от стиля познания студента: применен тест «Определение стиля познания» Дэвида Колба, позволяющая выявить стиль мышления, на основе одного из четырех измерений: а) конкретного опыта; б) абстрактной концептуализации; в) рефлексивного наблюдения; г) активного экспериментирования. Доминирование одного из стилей свидетельствует о стиле познания студента: ассимилирующем, аккомодационном, конвергентном или ивергентном. Способность к целеполаганию в большей мере проявляют студенты, обладающие дивергентным стилем познания.

Внесены коррективы в проблему исследования: в связи с тем, что способность к целеполаганию как индивидуально-психологическое свойство личности студента проявляется в его собственной деятельности. Специфика учебной деятельности такова, что определить характер продвижения студента в процессе формирования способности не представляется возможным – участие преподавателя в процессе целеполагания неизбежно⁸.

Задача 4. Разработка обучающих модулей в курсе «Введение в педагогическую деятельность» в воспитательной деятельности преподавателей в условиях контекстно-компетентностного подхода.

Выполнение задачи.

Модуль – логически завершенная часть учебного материала, обязательно сопровождаемая контролем знаний и умений студентов. Основой для формирования модулей служит рабочая программа дисциплины. Число модулей зависит как от особенностей самого предмета, так и от желаемой частоты контроля. Модульное обучение неразрывно связано с рейтинговой системой контроля. Чем крупнее или важнее модуль, тем большее число баллов ему отводится.

Контроль по модулям обычно производится 3–4 раза в семестр, в него входят зачет или экзамен по курсу.

Рейтинговая система оценивания предполагает разделение изучаемого курса на модули (блоки). Число модулей может быть различно, но оптимальное количество 3–4 модуля в курсе из 36 аудиторных часов.

Модуль содержит познавательную и учебно-профессиональную части. Первая формирует теоретические знания, вторая – профессиональные умения и навыки (компетентности) на основе приобретенных знаний. Соотношение теоретической и практической частей модуля должно быть оптимальным, что требует профессионализма и высокого педагогического мастерства преподавателя.

В основу модульной интерпретации учебного курса должен быть положен принцип системности, предполагающий:

— системность содержания, т.е. то необходимое и достаточное знание, без наличия которого ни дисциплина в целом, ни любой из ее модулей не могут существовать;

— чередование познавательной и учебно-профессиональной частей модуля, обеспечивающее алгоритм формирования познавательно-профессиональных компетентностей;

— системность контроля, логически завершающего каждый модуль, приводящая к формированию способностей студентов трансформировать приобретенные навыки систематизации в профессиональные компетентности анализировать, систематизировать и прогнозировать педагогические решения.

При модульной интерпретации учебной дисциплины следует установить число и наполняемость модулей, соотношение теоретической и практической частей в каждом из них, их очередность, содержание и формы модульного контроля, содержание и формы итогового контроля.

При формировании учебного модуля необходимо учитывать, что содержание учебной дисциплины отличается от содержания соответствующей области науки и качественными, и количественными параметрами. Для учебного модуля отбираются базисные знания; прикладные аспекты курса разрабатываются с учетом специальности, т.е. курс профилируется и соответствующим образом структурируется.

Основная цель разработки модуля – дать необходимую информацию, чтобы оценить продемонстрированные студентом навыки или знания в отдельной области. В этом смысле модуль не является, в первую очередь, учебным материалом.

Модуль устанавливает границы, в которых студент оценивается, и стандарты, в соответствии с которыми происходит оценка.

Разработка модуля делится на две части:

1. Стандарты (результаты, критерии оценки *деятельности, уровень, требование к доказательствам*), содержание которых является обязательным (это

означает, что студент должен выполнить все требования в каждой части стандарта).

2. Пояснительные записки, содержание которых носит рекомендательный характер, но в их содержании даются пояснения по намерениям, масштабу и целям стандартов.

Стандарты задают результаты и аспекты достижения, показывающие, что студент продемонстрировал необходимые знания.

Во всех модулях должен быть раздел «Пояснительные записки» (хотя объем и тип дающейся информации может быть различным. Пояснительные записки помогают Вам интерпретировать стандарты, заложенные в модуле и обязательные для достижения. В них Вы можете прояснить свои намерения, терминологию и цели; возможные способы оценки)⁹.

Примечания

¹ *Абрамов А.В., Карпов А.К.* Традиции и инноватика в контексте целеполагания // Качество образования и инновационная деятельность: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. (г.Нижевартовск, 25 апреля 2008 г.) / Отв. ред. А.В.Абрамов. – Нижевартовск, 2008. С. 7–15.

² *Рянская Э.М.* Моделирование системы целеполагания на примере лингвистических теордисциплин // Инновации в учебном процессе: аспект целеполагания: Сб. науч. тр. – Нижевартовск, 2008. С. 98–105.

Рянская Э.М. Методы лингвистического анализа (5 курс, отделение иностранных языков) с разработкой общих и поурочных целей. – Нижевартовск, 2008. – 59 с.

Рянская Э.М. Реализация контекстно-компетентного подхода в построении комплексной модели целеполагания в блоке лингвистических теордисциплин // Качество образования и инновационная деятельность: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. (г.Нижевартовск, 25 апреля, 2008 г.) / Отв. ред. А.В.Абрамов. – Нижевартовск, 2008. С. 195–197.

³ *Артемьева Г.Н.* Использование портфолио в образовательном процессе вуза // Инновации в учебном процессе: аспект целеполагания: Сб. науч. трудов / Отв. ред. А.В.Абрамов. – Нижевартовск, 2008. С. 5–15.

Артемьева Г.Н. Портфолио как инновационный способ оценивания результатов учебных достижений студентов в вузе // Качество образования и инновационная деятельность: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. (г.Нижевартовск, 25 апреля 2008 г.) / Отв. ред. А.В.Абрамов. – Нижевартовск, 2008. С. 28–38.

⁴ *Польнская И.Н.* Моделирование учебного процесса по изобразительному и декоративно-прикладному искусству на художественно-графическом факультете на основе целеполагания // Инновации в учебном процессе: аспект целеполагания: Сб. науч. тр. – Нижевартовск, 2008. С. 69–77.

Польнская И.Н. Содержание регионального компонента на современном этапе развития художественного образования // Качество образования и инновационная деятельность: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. (г.Нижевартовск, 25 апреля 2008 г.) / Отв. ред. А.В.Абрамов. – Нижевартовск, 2008. С. 192–195.

⁵ *Белькова А.Е., Икингрин Е.Н.* Использование студентами методов и приемов активизации познавательной деятельности во время прохождения педагогической практики в

школе // Инновации в учебном процессе: аспект целеполагания: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А.В.Абрамов. – Нижневартовск, 2008. С. 25–27.

Белькова А.Е., Икингрин Е.Н. Оценка профессиональных компетенций студентов в процессе прохождения государственной стажерской педагогической практики // Качество образования и инновационная деятельность: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. (г.Нижневартовск, 25 апреля 2008 г.) / Отв. ред. А.В.Абрамов – Нижневартовск: НГГУ, 2008. С. 60–66.

Икингрин Е.Н. Освоение темы «Социологические исследования: структура, этапы» в логике контекстно-компетентного подхода // Новые образовательные технологии профессионального образования в образовательном процессе вузов, ссузов: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. (Нижневартовск, 30 марта 2007 г.) / Отв. Ред. Г.Г.Кругликова. – Нижневартовск, 2008. С. 86–90.

Икингрин Е.Н. Социологический мониторинг изучения качества обучения в вузе // Качество образования и инновационная деятельность: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. (г.Нижневартовск, 25 апреля 2008 г.) / Отв. ред. А.В.Абрамов – Нижневартовск, 2008. С. 121–126.

Проблемы адаптации, мотивации и целеполагания студентов Нижневартовского государственного гуманитарного университета и Кубанского государственного университета (1, 3 и 5 курсов): результаты социологического опроса. Сост.: А.Е.Белькова Е.Н.Икингрин. – Нижневартовск, 2008. – 59 с.

Белькова А.Е., Икингрин Е.Н. Реализация компетентного подхода в процессе прохождения педагогической практики (на примере НГГУ и ШГПИ) // Реализация компетентного подхода в образовательной практике педагогических учебных заведений: Сборник статей / Под науч. ред. С.И.Поздеевой. Томск, 2007. С. 83–88.

⁶ *Радионова Л.В.* Целеполагание в процессе изучения медико-биологических дисциплин // Инновации в учебном процессе: аспект целеполагания: Сб. науч. тр. – Нижневартовск, 2008. С. 77–82.

⁷ *Махутов Б.Н.* Формирование информационной компетентности учителя математики: Проблемы целеполагания. Сборник статей «Реализация компетентного подхода в образовательной практике педагогических учебных заведений». / Под науч. ред. С.И.Поздеевой. Томск, 2007. С. 213–218.

Махутов Б.Н. Мониторинг целеполагания информационными средствами // Инновации в учебном процессе: аспект целеполагания: Сб. науч. тр. – Нижневартовск, 2008. С. 62–67.

Махутов Б.Н. Использование современных информационных коммуникационных технологий как средство формирования информационной компетентности студентов. Международный IT-форум. Шестая межрегиональная научно-практическая конференция «Информационные технологии и решения для «Электронной России» (г.Ханты-Мансийск, 7–8 июня 2007 г.) «Электронный гражданин» в «электронном государстве». Правовые аспекты информатизации. Екатеринбург, 2007. Т. 2. С. 85–90.

Махутов Б.Н. Информационная компетентность специалиста высшего профессионального образования // Качество образования и инновационная деятельность: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. (г.Нижневартовск, 25 апреля 2008 г.) / Отв. ред. А.В.Абрамов. – Нижневартовск, 2008. С. 159–163.

Махутов Б.Н. Тестирование в профессиональном образовании в условиях глобальной информатизации общества // Информационные технологии в высшей и средней

школе: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. (г.Нижевартовск, 21 – 24 апреля 2008 г.) / Отв. ред. Т.Б.Казиахмедов. – Нижевартовск, 2008. С. 48–53.

⁸ *Близнецова О.И.* Целеполагание в самостоятельной работе студентов // Инновации в учебном процессе: аспект целеполагания: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А.В.Абрамов. – Нижевартовск, 2008. С. 47–54.

Близнецова О.И. Формирование способности к целеполаганию как психологическое условие повышение качества жизни студента // Качество образования и инновационная деятельность: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. (г.Нижевартовск, 25 апреля 2008 г.) / Отв. ред. А.В.Абрамов. – Нижевартовск, 2008. С. 66–69.

⁹ *Городенко Л.П.* Формирование профессиональных компетентностей в изучении педагогических дисциплин: Проблемы целеполагания. Сборник статей «Реализация компетентностного подхода в образовательной практике педагогических учебных заведений» / Под науч. ред. С.И.Поздеевой. Томск, 2007. С. 310–316.

Городенко Л.П. Место курса «Введение в педагогическую деятельность» в формировании профессиональной компетентности будущего учителя // Качество образования и инновационная деятельность: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. (г.Нижевартовск, 25 апреля 2008 г.) / Отв. ред. А.В.Абрамов. – Нижевартовск, 2008. С. 91–93.

Городенко Л.П. Профессиональные компетентности в педагогической деятельности // Инновации в учебном процессе: аспект целеполагания: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А.В.Абрамов. – Нижевартовск, 2008. С. 59–62.

Городенко Л.П. Педагогическая культура и профессиональная компетентность учителя // Деятельностное понимание культуры как вида человеческого бытия. Мат. VI Междунар. науч. конф. (Нижевартовск. 7 ноября 2008 года) / Отв. ред. В.И.Полищук. – Нижевартовск. С. 193–197.

В.И.Полищук

ФИЛОСОФИЯ КРИЗИСА ГУССЕРЛЯ

В мае 1935 г. основатель феноменологии Э.Гуссерль по приглашению «Венского культурного общества» прочел доклад в Вене, который назывался «Кризис европейского человечества и философия». Доклад по понятным причинам имел большой успех и был прочитан дважды. Речь шла о сущности европейской культуры, ее истоках. Вслед за Гегелем, Гуссерль утверждал, что в основе этой культуры, то есть ее принципом является свобода субъективности и разум, составляющий глубинную сущность самого человека. Причину же кризиса науки, философии и всей европейской культуры Гуссерль видел в крушении веры в разум. Этот кризис может быть разрешен не средствами традиционной философии, склонной к объективизму, а средствами новой науки, которую Гуссерль называл наукой о «жизненном мире» как о дорефлексивной данности.

Объективизм, полагал философ, исключает всякую субъективность, в том числе и при изучении человека. Лишенный субъективности, человек в науке и в философии предстает бездуховным существом. Причина в стремлении объективировать его духовность, что, по мнению Гуссерля, заведомо обречено на неудачу: «Я совершенно серьезно полагаю: объективной науки о духе, объективного учения о душе – объективного в том смысле, что оно считает души и сообщества личностей существующими внутри пространственно-временных форм, – никогда не было и никогда не будет»¹.

Действительно, не может быть науки о духе, построенной по аналогии с естественными науками. Дух – это субъективная реальность, поэтому он по определению не может быть представлен в пространственно-временной форме. Между тем, устремленная к объективизму наука лишь искажает рациональное представление о духе, о субъективности и, полагал Гуссерль, теряет связь с человеком, с его жизнью, с ее смыслом и ценностью. В этом и состоят затруднения рациональной культуры: они не в сущности самого рационализма, а в его овнешнении, в его извращении натурализмом и объективизмом. Выход из плена объективизма философ видел на пути восстановления утраченной связи науки с субъектом. Но это и путь ее самопознания, путь возрождения духовности самой науки, поскольку дух по сути своей предназначен к самопознанию. Оно есть причина развития духа, и его конечная цель. А обращенность духа вовне – это лишь промежуточный этап его развития. «Что же касается природы в ее естественнонаучной истине то она, – утверждал Гуссерль, – только по видимости самостоятельна, и только по видимости для себя открыта рациональному познанию естественных наук. Ибо истинная природа в ее естественнонаучном смысле есть продукт исследующего природу духа, а, следовательно, предполагает науку о духе»².

Продвинулась ли с тех пор сколько-нибудь наука по указанному пути? Да, несомненно. В особенности в области философии науки, в области современного понимания научной рациональности. Немало исследований посвящено сегодня неклассическому типу рациональности, где учитывается связь между знаниями об объекте и характером средств и операций познавательной деятельности, а также постнеклассическому типу, в котором учитывается соотносительность знаний об объекте с ценностно-целевыми установками субъекта. Например, видный отечественный философ, специалист в области научной рациональности писал: «Серьезной философской проблемой современной классической рациональности, обусловленной введением в эпистемологию человеческого измерения, является размывание свойственной классике жесткой грани между познавательными и ценностными установками, теоретическим и практическим разумом, пользуясь терминологией Канта»³.

Но современная философия науки давно уже стала самостоятельной областью познания. Она представлена отдельными концепциями, научными школами, направлениями, то есть имеет все признаки дисциплинарной науки. И не-

удивительно, что со временем развитие философии науки может быть обусловлено не столько внешними для нее факторами, то есть особенностями научного познания, как ее предмета, сколько своими собственными, внутренними. Если философия науки – это самосознание науки как таковой, то вполне понятно, что в каких-то моментах оно может обретать самодовлеющий характер, замыкаться в себе. Иными словами, становление философии науки происходит в соответствии с существующей внутри нее самой концепцией интернализма. И тогда, как это случается и в обычной жизни, чье-либо пристрастное видение воспринимается его субъектом как свойство видимого предмета. Так и с предметом философии науки: его свойства не только описываются, но и предписываются ему. И в этом философия науки не оригинальна, поскольку предписание – это одна из функций науки вообще. Таким образом, философия науки просто уподобилась своему предмету, то есть науке в целом.

Подтверждением сказанному может служить пример с субъективной реальностью, о которой философы науки пишут, что в постнеклассическом типе рациональности учитывается ее важная роль в познании объективной реальности. Сами ученые так не считают. Даже психологи, непосредственно, казалось бы, исследующие феномен субъективности, выражают сожаление «из-за игнорирования в современной психологии под влиянием позитивизма субъективной реальности – самого, пожалуй, нелепого научного заблуждения XX века»⁴.

Следовательно, утверждения философов науки об уже существующем в современной науке внимании к субъективной реальности имеют во многом спекулятивный характер. И мнение Гуссерля о необходимости восстановления связи науки с субъектом и сегодня не утратило своей актуальности.

Но, как мне представляется, мнение Гуссерля будет всегда актуальным, поскольку он поставил перед наукой и философией заведомо неразрешимую задачу. В науке, как и в философии, требование объективности и предметности знаний является необходимым. Оно обусловлено самой природой человеческого познания и служит практически единственным условием трансляции знаний, значит и их расширения, углубления и т.п.

С другой стороны, «жизненный мир» Гуссерля, обладая априорными характеристиками-инвариантами, такими как пространство, временность, каузальность, вещьность, intersубъективность, может быть понят только в результате отвлечения от всего конкретно-индивидуального и субъективного, что, в конечном счете, лишает его и духовности, и человеческого смысла. Таким образом, человек и его свобода, его жизнь и ее смысл по-прежнему остаются по ту сторону научного познания. В этом противоречие поздней феноменологии Гуссерля. Но в этом, пожалуй, и противоречие культуры. В самой культуре оно разрешается не в пользу свободы, не в пользу связи науки с жизнью, с человеческой индивидуальностью. Оно разрешается в пользу торжества объективации, стандартизации и обезличивания.

С этим связан и кризис современной культуры. Конечно же, его причина и в крушении веры в разум, о чем говорил Гуссерль, а также в «ненависти к духу и впадении в варварство». Все это так, разумеется, но есть еще и крушение веры в какие-то нравственные предписания, веры в человека и человечность, наконец, крушение веры как таковой. А вера, как утверждали апостолы, есть «обличение вещей невидимых». И если в истории все уже видимо, и обличать нечего, если она, похоже, уже закончена хотя бы в том смысле, что впереди одни повторения случившихся когда-то событий, то крушение веры неизбежно. В обществе современной России реакцией на кризис культуры, как и его показателем, является рост ностальгических воспоминаний о не таком уж далеком прошлом.

Преодолеть кризис, полагал Гуссерль, можно на пути возрождения Европы «в духе философии благодаря окончательно преодолевающему натурализм героизму разума». Величайшей опасностью для Европы, утверждал философ, является усталость. И он призывал бороться с ней как «добрые европейцы», чтобы «из пепла великой усталости» возродился «феникс новой жизненности и одухотворенности».

Известно, какие события произошли в Европе в ближайшие после доклада годы. Гуссерль совсем немного не дожил до общеевропейского «уничтожающего пожара», о котором говорил. Не он один, конечно, предвидел и предчувствовал эти события. Но, как философ, Гуссерль видел лишь в философии и необходимое средство борьбы с общеевропейским кризисом, и новую форму культуры. В ней был заключен жизненный мир самого философа, его «дореклексивная данность», его непосредственность. И в качестве выхода из кризиса Гуссерль предлагал учиться тому, о чем более века тому назад писал его великий соотечественник: «Философское знание есть восстановленная непосредственность»⁵.

Примечания

¹ Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. 1986. № 3. С. 114.

² Там же.

³ Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М., 2003. С. 165.

⁴ Виллюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. М., 1990. С. 257.

⁵ Гегель. Работы разных лет. В 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 384.

КУЛЬТ ЖИВОТНЫХ В МИРОВОЗЗРЕНИИ ОБСКИХ УГРОВ

Из всех животных у хантов и манси наибольшим почитанием пользовался медведь, который занял значительное место в их мифологических представлениях, верованиях, обрядах и изобразительном искусстве. Медведь считался мифологическим предком фратрии Пор; по другим версиям, он имеет небесное происхождение, когда-то он был человеком (его отец – Нум-Торум). Рассказы о жизни медведя на небе, опущенного на землю богатырей, приводит Н.Харузин. На Казыме записан отрывок из «медвежьей песни», в которой говорится о том, как он был сыном женщины, но заслушание был наказан, и, обидевшись, ушел в лес. Там он стал замерзать поздней осенью и через смерть обрел иной образ, сделавшись медведем. Многократно он выходил к поселению, чтобы подкараулить и отомстить своей матери, но каждый раз он находил оправдание этого не делать. На Вахе считали, что умерший старец превращается в медведя. Медведь в мировоззрении хантов занимает центральное место, являясь хозяином либо верхнего, либо нижнего мира, справедливым распределителем добычи, судьей в спорных делах. По некоторым данным, медведь научил людей добыванию огня, залечиванию легких ранений с помощью пихтового масла. Во многих местах медведя называли иносказательно – дедушкой, бабушкой, дядей, братом, а на Югане – Овен-ко «в шубе человек».

Самым ярким проявлением его культа были периодические обряды, называемые медвежьим праздником или играми. Этот этнографический феномен описан и исследован многими известными угроведами – С.К.Паткановым, К.Ф.Карьялайненом, В.Н.Чернецовым, А.Каннисто, В.М.Кулемзиним и другими. Одной из особенностей обрядовых церемоний обских угров, отличающей их от медвежьих обрядов у других народов (культ медведя распространен очень широко – от Скандинавии до Канады), были драматические представления, особые мифы, сказки и «медвежьи игры», исполнявшиеся в ходе обрядовых действий.

Этот сложный и не до конца выясненный культ получил в литературе разные объяснения. Одни видят в медвежьих церемониях желание помирить душу медведя с убившими его охотниками, что обусловлено представлениями о медведе как о предке, другие – стремление к его возрождению; в медвежьем празднике проступают и элементы погребального обряда.

Основная схема обрядов, устраиваемых всякий раз, как на охоте бывает убит медведь, по данным В.Н.Черенцова, сводится к следующему: добыв медведя, охотники делают вид, что случайно встретили своего «младшего брата». С медведя снимают шкуру с головой и лапами и доставляют ее домой. При этом следуют очистительные обряды, в доме медведя встречают и угощают. Вечером начинается праздник, который длится пять ночей, если убит медведь, четыре – если медведица, и две, три – если медвежонок. Каждая ночь начина-

ется с того, что три человека исполняют песни или рассказывают сказания о происхождении медведя и его жизни. За ними следуют «танцы предков» отдельных социальных групп, мужские, женские и коллективные танцы, драматические действия сатирического, но часто и сексуального характера, снова мужские, женские и коллективные танцы, после чего приступают к поеданию мяса медведя – переднюю часть ели мужчины, заднюю – женщины. Затем выполняются очистительные обряды. Последняя ночь считается особенно важной и делится на две части. Первая часть проходит по обычной программе, после чего все начинается как бы сначала: поют песни и рассказывают сказания про медведя, но затем появляются предки самых высоких рангов: Калтась, Мирсусне-хум и другие. После традиционных мужских, женских и коллективных танцев начинаются драматические действия, скорее мистерии, наполненные глубоким социально – религиозным смыслом. Действа заканчиваются перед самым утром. После жертвоприношений и различных церемоний голову медведя уносят на священное место и вешают на дерево. Здесь же складываются берестяные маски, посохи, палицы и прочие предметы, которыми пользовались на празднике.

Кроме этого медвежьего праздника существовал и иной, периодический цикл обрядов, исполнявшихся в селениях Вежакоры (хант. Йем-вош, манс. Ялпус «Священный город») и Теги. Первое считалось культовым центром фратрии Пор, где обитает дух Йем-вош-ойка, Ялп-ус-ойка, имеющий два облика. Как человек он называется «Старик Священного города», а как медведь – «Когтистый старик». Здесь находится общинный дом, предназначенный для обрядов и празднеств. Обряды (игры) в Священном городе происходили в строгой периодичности: они повторялись в течение семи лет, после чего наступал семилетний перерыв. Игры начинались в конце декабря и заканчивались в весеннее равноденствие. В них выделялось несколько периодов.

В фольклорном отношении наиболее интересен первый период, длящийся четыре ночи. Он отводился песням и сказаниям про медведя и танцам родовых предков. Здесь особое значение придавалось сказаниям о происхождении людей Пор, об установлении обрядов медвежьего праздника и табуации мяса медведя. В последующий период «игралаи», время от времени исполняя различные танцы, но главным образом устраивая драматические представления. Самой важной была завершающая фаза. По содержанию она напоминает вторую половину последней ночи медвежьего праздника, но количество драматических сценочек значительно больше, а их сюжеты разнообразнее. Окончания же действий сильно различались. Завершался периодический праздник сценой прихода менквов, которые уносили используемые во время игр предметы в культовый амбарчик, находящийся в лесу.

Описанные обряды несли не только сакральную нагрузку. Одновременно это был праздник, на котором радуются большой добыче и воздают должное мужеству охотника и его отваге при убийстве медведя, ведь в представлениях

народа он причисляется почти к сверхестественным существам. Не менее важно и то, что медвежий праздник служил удобным поводом для встречи людей в этих малонаселенных местах. Эти обряды вносили разнообразие в трудовую повседневную жизнь, снимали напряжение. Комически – критические сцены играли воспитательную роль.

По современным понятиям, это был фольклорный праздник. На нем требовалось исполнить 300 песен и сцен. Кроме собственно «медвежьих» сюда входили и призывные песни духам, исполнявшиеся обычно на их священных местах, героические песни, сказки, а в последние годы – частушки. Таким образом, медвежий праздник стал как бы аккумулятором фольклорной традиции, призванным сохранить и развить ее. Со временем, особенно после установления Советской власти, он стал терять свое религиозное значение и приобретать черты светского праздника. В настоящее время отдельные сцены медвежьего праздника исполняются на концертах во время официальных праздников, на фестивалях народного творчества и т.д.

Почитание других животных имело менее развернутые формы. У некоторых групп хантов и манси почти равное положение с медведем занимал лось. Ему приписывалось небесное происхождение и понимание человеческой речи, в разговорах о нем употреблялись подставные названия. Существовал и «лосиный праздник», но в более скромных формах, чем медвежий. Для обеспечения удачного промысла изображениям лося подносили жертвы. Образ лося в мировоззрении хантов связывается с представлениями о благополучии, достатке; не случайно на Васюгане деревянные молоты для укрепления кольев рыболовного запора были оформлены в виде головы лося, а у северных хантов было распространено убеждение, что душа лося имеет образ жука – бронзовки или червяка (личинка майского жука) и обычно находится недалеко от своего хозяина. Если мужчина случайно находил такую личинку, он немедленно брал лук или ружье и уходил на поиск лося. Образ лося отражает культуру пеших охотников и у хантов – оленеводов имеет меньшее распространение.

Волк считался у манси созданием злого духа Куля. Его тоже называли лишь описательно, на его шкуре клялись и выявляли воров. Особым было отношение к пушным зверям: лисе, кунице, росомахе, бобру, выдре, соболю, а также и к птицам: гагаре, вороне, филину, рябчику, кукушке, ласточке, синице, дятлу. Пресмыкающиеся, как порождение нижнего мира, вызывали опасение. Змею, ящерицу и лягушку запрещалось убивать или мучить. Определенные запреты соблюдались и в обращении с рыбами.

В фольклоре и верованиях обских угров наряду с реальными представителями животного мира фигурировали и мифические зооморфные существа. Повсеместно было известно гигантское животное Вэс, Мув-хор (хант.), Виткась (манс.), переводимое обычно на русский язык как «мамонт». Он рисовался в облике рыбы, лося, медведя, собаки, останками его считаются бивни, найденные по берегам рек. Считалось, что мамонт живет в воде, водоворотах рек и

озер, в него превращаются очень старые звери и рыбы. У манси Северной Сосьвы это и водяной дух. Другое мифическое животное – Юр – уподобляется мамонту и ящерице. У северных хантов известен, кроме того, Вурес, лежащий поперек Оби и мешающий ходу рыбы.

У всех обских ургов широко известен образ птицы Карс, или Тухланг-Карс (хант.), Товлынг-Карс (манс.) «Крылатый Карс». Ее представляли подобной гигантскому орлу или грифу. Ханты реки Аган рассказывали об очевидцах прилета Карс в те места. По описаниям иртышских хантов, это птица «гигантской величины, имеющая человекоподобную голову с большим клювом. Непосредственно за руками у нее два сильных крыла, а на руках длинные и острые когти. Тухланг-Карс обладает необычайной силой – ей ничего не стоит перенести на спине человека. Кроме того, птица обладает разумом и человеческой речью. Ее родина – теплые моря и воды на юге, откуда она иногда прилетает на север». Эта мифическая птица не является объектом почитания. По отношению к людям Карс выступает чаще всего как враждебное существо.

Священными животными считались животные белого цвета и, прежде всего, горностаи, в которого, согласно легенде, превратился народный герой Альва, одержавший победу в борьбе со злым существом Савес. Священными считались птицы белого цвета – чайка, скопа (не повсеместно). Считалось, что у горностая и этих птиц лиль (хант.), лили (манс.) – душа человеческая. Распространены были представления о кукушке как особой птице, которая доносит до Торума человеческие обращения. Кукушку считали бывшей женщиной. По сообщению З.П.Соколовой, на реке Лямине не убивали чайку и гагару, объясняя тотемным характером. На Сыне и Куновате запрещалось снимать шкуру и есть мясо соболя, горностая, щуки. Некоторые животные (собака, заяц), а также отдельные экземпляры щук считались особенными, поскольку после смерти якобы превращаются в существо Вэс «мамонт». Отдельные виды рыб были связаны с социальной организацией, поэтому имели место как известные ограничения, так и запреты. У нижнеобских хантов, например, осетр считался зятем налима, поэтому осетра, стерлядь и налима нельзя было держать в общей посуде и варить вместе. Нельзя было варить в одной посуде утку и мясо домашних животных, так как считалось, что все дикое принадлежит Торуму, а домашнее – это собственность человека. Поэтому жертвовать духам и богам следует только то, что принадлежит человеку. Еда (прием пищи) – это не только насыщение едока, но акт кормления (угощения) духов. Осуществлялось это по-разному, в зависимости от того, мясо какого животного приготавливали. Кроме того считалось, что утка «уведет» домашних животных осенью в теплые края, и на зиму человек останется без них. Считалось, что если человек подавился костью, значит наказан духами за неправильное обращение с пищей, а потому неправильное отношение к духам.

Существовали ограничения, связанные с определенной ролью животного или рыбы в культовой практике. На Нижней Оби, например, был случай, когда

женщина оказалась разделывать щуку, хотя каких – либо причин для ограниченного в этом месте по отношению к щуке не было. Объяснением оказался тот факт, что часть запретов нельзя нарушать мужчине, а часть – женщине, так как от этого зависит жизнь семьи, рода. Хозяйка имела полное право на разделывание щуки, но оказалось, что сновидцу – предсказателю накануне явился дух в образе щуки. Следовательно, щука в течение определенного времени не должна рассматриваться как объект промысла и источник пищи. По материалам А.В.Головнева, почитание уток объясняется представлением о связи вселения душ в новорожденных с весенним прилетом уток. По обычаю нельзя было есть первую в году добытую утку, пока от нее не отойдет весь пар, исходящий от всякой горячей пищи. Обычай был распространен повсеместно, но только у северных хантов сохранились объяснения термина «рув» в значении дух, насыщающий едока; приглашение божеств к пиршеству; посылания пищи в верхний мир.

Особым было отношение к некоторым домашним животным. Лошадь, например, играла очень важную роль в качестве жертвенного животного даже у тех групп хантов и манси, которые не могли содержать лошадей в силу суровых природных условий. Некоторые значительные духи, в первую очередь, Мир-сусне-хум, представлялись всадниками. Согласно мифам, табунами коней владеет и небесный бог Нум-Торум. Очевидно, это пережиток тех далеких времен, когда у части предков обских угров существовало коневодство. Определенным почитанием пользовался и домашний олень. Любопытно, что у некоторых групп зафиксировано особое отношение к кошке, хотя держать ее в доме не было принято.

Неоднозначное отношение было к собаке. По воззрениям хантов и манси она способна вступать в связь с миром духов и миром мертвых. В отдельных местах с умершими в потусторонний мир отправляли и его собаку. На притоке Казыма Лямине существовал обычай перевязывать мертвой собаке, словно человеку, ниткой или тряпкой переднюю лапу. Передние ноги или лапы животных традиционно ханты называют руками. Некоторым духам, влияющим на промысел, жертвовали лыжи и деревянные изображения собаки. Так как собака была тесно связана с человеком, считалось, что убийство собаки приравнивается к убийству человека. Очевидно, этим отношением обусловлен тот факт, что у обских угров собаку приносили в жертву в исключительных случаях. Собаку считали умным, приравненным по способности к шаманам существом (видит духов). Как и медведь, она имеет божественное происхождение, некогда была человеком. В некоторых местах бытовало убеждение, что секреты нельзя произносить вслух при собаках. Они понимают человеческую речь, а отдельные люди могут понимать кошачье мурлыканье и собачий лай.

Таким образом, трудно найти животное, которое по какой-либо причине, если не в том, то в другом месте, не считалось бы священным. О происхождении и почитании животных разными исследователями записано множество вариантов

и все они отражают пути эволюции мировоззрения. По одним версиям, некоторые виды животных могут превращаться в другие самостоятельно, без действия каких-либо сторонних сил; по другим – все это было сотворено небожителем Торумом, причем человеку было указано, каких именно животных следует приручить для облегчения существования; по третьим – все живое произошло от дождевого червяка. Однако, по большинству сведений, все животные – результат творчества различных человекообразных существ. Так, по материалам К.Ф.Карьялайнена, рыбу «делает» обский старик Йенк-ворт-ике, он же Культетeko «рыб создатель человек». Рыба, якобы, возникает из стружек обрабатываемого им дерева. Согласно таких воззрений, речная рыба принадлежит ему, и он ее распределяет смотря по устанавливаемым с ним отношениям. Имеются сведения о происхождении животных от тех или иных духов. По сообщению хантов Нижней Оби, птиц «делают» старик со старухой, которые живут далеко на юге и питаются птицами, но костей не ломают, а бросают; из них и вырастают новые птицы.

Примечания

- ¹ Казаков Е.П. Мифы народов мира. М., 1980.
- ² Соколова З.П. Ханты и манси // Семейная обрядность народов Сибири. М., 1986.
- ³ Топоров В.Н. Мифы народов мира. М., 1988.
- ⁴ Элиаде М. Аспекты мифа. М., 1995.
- ⁵ Лукина Н.В. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990.
- ⁶ Мифология хантов / В.Н.Кулямвин, Н.В.Лукина, Т.А.Молдованов / Науч. Ред. В.В.Напольских. Томск, 2000.

А.А.Лицук

ИСТОКИ И ТРАДИЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

«Культура всякого народа, живущего государственным бытом, непременно должна заключать в себе как один из своих элементов и политические идеи или учения»¹. Подобные «идеи и учения» в отечественной традиции создавались и концентрировались прежде всего философии права, являвшейся одним из самых плодотворных и динамично развивающихся направлений русской философской и социально-политической мысли. Именно здесь ставились и решались такие важнейшие вопросы, как в чем состоит природа права, как сформировать соответствующие общечеловеческим ценностям правовое сознание и правовую культуру, как действительно построить гражданское общество и правовое государство. При этом в центре проблемного поля отечественной философии права стоят два вопроса:

1) что есть право вообще как таковое (то ли это совокупность формально-логических конструкций, источниками которых являются власть и сила государ-

ства, первичных по отношению к морали и регулирующих поведение человека в четком отграниченном правовом поле, то ли право имеет объективные и независимые от официально-властного усмотрения и произвола природы и смысла)?

2) каким должно быть отечественное право, исходя из национально-правовой самобытности и правосознания русского народа, его религиозно-нравственных и метафизических оснований?

Будучи сосредоточенной на проблемах государственной и правовой жизни, философия права накапливает свой комплекс знаний в течение долгого времени под прессом экономических, политических, культурных детерминант той или иной страны, что позволяет обнаружить в этой науке не только общенаучные, общефилософские мировоззренческие характеристики, но и национальные особенности, порожденные культурно-исторической средой. Как справедливо отмечает О.Д.Мачкарина, национальное качество является важнейшей формой духовной культуры. Национальное не есть нечто сугубо временное, маловажное, некая историческая случайность, которая будет снята историческим развитием. Только через национальное многоцветье общечеловеческая культура становится тем, что она есть. Национальное – это внутренняя, фундаментальная характеристика культуры, ее конкретно-историческая определенность². В этом смысле мы можем говорить и о философии права отдельного народа, в том числе о русской философии права.

Изначально возникнув в лоне нерасчлененного знания, философско-правовая теория прошла те же исторические этапы, что и русская философия в целом, впитав в себя экономические (широкое развитие общинной собственности), политические (абсолютизм власти, доминирование государства над иными социальными институтами), социальные (отсутствие рабства как социального института) и духовные (язычество, веротерпимость и др.) особенности, усугубленные постоянными внешними угрозами и внутренними междоусобицами³.

Пытаясь определить национальные особенности русской философии права, мы неизбежно приходим к выводу, что становление ее теоретического уровня во многом определялось отношением к западной классической философско-правовой традиции, в особенности к поднятым в ней проблемам свободы и ответственности личности, отношения права и нравственности, нравственно-правового идеала⁴. Такая ситуация объясняется тем, что любая культура немислима как без своеобразного и неповторимого пути развития данного народа, так и без заимствования из других культур. Этот процесс не прекращается, какого бы высокого уровня ни достигла национальная культура, т.к., впитывая достижения других народов, она в тоже время развивает и свои самобытные начала. Как отмечал Н.А.Бердяев, есть только один исторический путь к достижению высшей человечности – путь национального роста и развития, национального творчества: «Все великие национальные культуры – всечеловечны по своему значению»⁵. По этому же поводу М.М.Бахтин писал, что чужая культура только в

глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже. Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур⁶. Важно отметить, что восприятие идей западной философии и культуры, начиная с XVIII века, носило национально-своеобразный специфический характер, вытекающий из особенностей культурно-исторического развития России XVIII и последующих веков.

Действительно, можно с уверенностью говорить о том, что обращение отечественных мыслителей к западноевропейским философско-правовым теориям не было простым заимствованием, лишившим оригинальности и самостоятельного значения русскую философию права. Несмотря на то, что для отечественной философии права XVIII век носил во многом характер ученичества, русские мыслители быстро преодолели этот отрыв и сумели построить свои оригинальные концепции. Как отмечал Н.М. Коркунов, «наше отношение к западной науке можно сравнить с отношением глоссаторов к римской юриспруденции. И нам приходилось начинать с усвоения плодов чужой работы, и нам прежде всего надо было подняться до уровня иноземной науки... Тем не менее в каких-нибудь полтора-два столетия мы почти успели наверстать отделявшую нас от западных юристов разницу в шесть с лишком столетий»⁷.

В процессе взаимодействия отечественной и западноевропейской философии особое значение имели философские контакты с Германией конца XVIII – начала XIX веков, наука которой во всех ее областях считалась в России наиболее полным выражением сущности западноевропейской культуры. Немецкие классические системы послужили для русских мыслителей не только своеобразной философской пропедевтикой, но и отправным пунктом в разработке широкого спектра научно-философских тенденций, которые впоследствии трансформировались в самостоятельные отечественные школы. Такой диалог оказал влияние на развитие практически всех направлений русской философии (историософии, философии культуры, философии религии и т.д.). Серьезное воздействие было оказано и на русскую философию права. Можно сказать, что отечественная философско-правовая мысль, самостоятельно искавшая решение проблем свободы и ответственности личности, отношения права и нравственности, нравственно-правового идеала, построения более совершенного общества и государства, духовного освобождения личности во многом восприняла идеи немецкой философии как своеобразную опору, некую точку отсчета в становлении новой системы ценностей.

Установление таких тесных контактов именно с Германией не было случайным. Можно привести несколько аргументов, позволяющих объяснить феномен тесного взаимодействия между немецкой и русской философией вообще, и философией права в частности. Причем причины такого взаимодействия носят как внешний – событийный, так и внутренний – сущностный характер.

Во-первых, именно в немецкой классической философии теоретические проблемы в сфере исследований всеобщих основ прав были подняты на качественно новый, более высокий уровень, приобрели иное звучание. Кроме того, анализ путей решения этих проблем получил действительно глубокую методологическую проработку.

Во-вторых, для русской философии права, в которой всегда преобладало стремление к цельности знания, к сочетанию чувственного, социально-правового и религиозно-нравственного опыта, особенно были близки и понятны этически и религиозно окрашенные философско-правовые изыскания именно немецких мыслителей. Те выводы, к которым приходили И.Кант, И.Г.Фихте, Ф.В.Й.Шеллинг и Г.В.Ф.Гегель отвечали высокому гуманистическому потенциалу русской философии права, в центре воззрений которой стоит человек, проблемы бытия и вопросы смысла и цели исторического пути.

В этом смысле, немецкая классическая философия права во многом расходилась с новоевропейскими трактовками природы права, основания которого виделись лишь в «естественном законе», по способу своего бытия принципиально не отличающегося от законов природы, могущего быть постигнутым и выраженным с помощью традиционных средств теоретического познания. Немецкие же мыслители четко различали сферу законов природы и сферу законов свободы, относя последние к сфере явлений, имеющих духовную природу. По этому поводу видный русский мыслитель, один из основных представителей философии русского зарубежья И.А.Ильин отмечал, что в свое время идеи французских энциклопедистов закрепили безбожие и материализм. Французская революция практически реализовала эти идеи, а Наполеон разнес их по всей Европе. Что касается немецкой классической философии, то она, по мнению И.А.Ильина, пытается противостоять этим идеям и найти «философский путь к Богу», что так отвечает интенциям русской философской мысли.

В-третьих, отечественная философия всегда была нацелена на решение кардинальных проблем национального развития, и в первую очередь – проблемы самобытности. Подобная проблематика интересовала и немецкую философию, яркие представители которой несколько раньше в своих учениях сумели свести все многообразие идей, теорий, концепций в одну ведущую доктрину – немецкую национальную идею.

В-четвертых, как отмечают некоторые мыслители, русские и немцы являются «метафизическими народами», то есть играющими особую роль в мировой истории, что нашло свое отражение в русских и немецких историософских концепциях. Ни во французской, ни в итальянской, ни в английской философии не возникает вопроса об особой роли соответствующего народа в историческом процессе. Так, стремление осмыслить особую роль Германии можно обнаружить прежде всего в системах Фихте и Гегеля; особую роль России – в учениях ранних славянофилов, Данилевского и Достоевского. В этих тенденциях проявилась общая направленность немецкой и русской культуры – стремление

осмыслить мировые вопросы, соотнести собственное национальное развитие с ходом мировой истории, с ее крупнейшими событиями, такими как Просвещение, Французская революция XVIII в. и другие⁸.

В-пятых, и в Германии, и в России, в силу различных причин, с большим историческим опозданием происходило усвоение результатов и самого духа обновления, который охватил Европу после эпохи Возрождения. Промышленное развитие, централизация страны, утвердившись в Германии и России значительно позже, чем в большинстве стран Западной Европы, встречали сопротивление консервативных сил⁹.

Активное взаимодействие русской и западноевропейской (прежде всего, немецкой) философско-правовой мысли делает актуальным вопрос: в какой мере отечественная философия права была результатом усвоения интеллектуального опыта Запада, а в какой – развивалась на своей собственной национально-культурной основе. Уже при первом приближении к этой исследовательской проблеме мы сталкиваемся с целым рядом различных вопросов: когда возникает, как развивалась, кем была представлена русская философия права. Одним из подобных вопросов является и вопрос о соотношении двух понятий «философии права в России» и «русская философия права».

По нашему мнению, к понятию «философия права в России» относится весь объем проблем этой науки, решаемый в интеллектуальном поле России. Поэтому здесь возможно изучение не только русской философии права, но и компаративистские исследования ее диалога с иными зарубежными течениями в области философии права. Сюда же относится изучение влияния философии права отдельных зарубежных школ, течений, взглядов ученых на проблемы философии права в России, а также институирование этой юридической и одновременно философской дисциплины в качестве учебной (история преподавания в учебных заведениях России, создание учебников по этому курсу и пр.).

«Русская философия права» имеет меньший содержательный объем, чем «философия права в России». Это понятие подразумевает лишь труды русских (отечественных) юристов, разрабатывающих проблемы философии права. Для русской философии права актуальным является прежде всего проблемное изучение ее истории, т.е. в круг исследовательских задач включаются проблемы, интересующие русскую философию права, а также ее категориальное поле. Именно здесь выявляются национальные особенности русской философии права¹⁰.

В развитии философии права в России условно можно выделить три основных этапа: Средневековье (XI – XVII вв.), эпоха Просвещения (XVIII столетие) и период XIX – начала XX веков¹¹. В Средневековье философия права определялась православным мировоззрением и принимала форму поучений, посланий и молений князей, церковных деятелей и образованных людей своего времени. Так, первые оформленные философско-правовые идеи можно обнаружить в таких памятниках, как «Слово о законе и благодати» Илариона (сер. XI в.), «По-весть временных лет» (XII в.) в составе Лаврентьевской и Ипатьевской летопи-

сей, «Поучения» князя Владимира Мономаха, «Слово о полку Игореве» (XII в.), «Моление Даниила Заточника» (XII – XIII вв.). В них затрагивались вопросы происхождения русского государства, законности власти, возможных форм государственного правления и отношения к подвластным. Главный древнерусский источник светского права – «Русская правда» (XI – XIII вв.). Как видно, уже в этих летописных памятниках поднимаются темы нравственно-религиозного понимания сущности княжеской власти, соотношения «закона и благодати», вольности и долга, справедливости и правды. Примечательно, что этическое измерение права сохранилось как доминирующая черта философии права в России на века вперед.

И все-таки средневековый период дает лишь разрозненные сведения, составляющие представление о формировании философско-правовых идей. Это, скорее, предыстория философии права на Руси. Профессиональная же разработка проблем этого поля относится к XVIII в., когда петровские реформы, секуляризация общества привели к тому, что философия приобрела вид систематических научных и религиозно-философских работ, исследующих право в его отношении к государству, экономике и нравственно-религиозной жизни. В эпоху Просвещения в России стали известны идеи таких мыслителей как Пуффендорф, Гельвеций, Монтескье и др. В это время оформляется отечественная школа естественного права, в распространении которой значительную роль сыграли Ф.Прокопович, В.Н.Татищев, С.Е.Десницкий, Я.П.Козельский, В.Т.Золотницкий и другие русские просветители.

Во второй половине XVIII в. как результат адаптации идей естественного права и общественного договора к политике просвещенного абсолютизма выступают теории консервативно-аристократического и либерального дворянства. В центре внимания просветителей оказываются идеи ограничения самодержавия, утверждения прав человека, демократизации¹². Сохраняя свое влияние на протяжении всего XIX в., естественно-правовая школа в начале XX в. трансформируется в «возрожденное» естественное право, идеи которого разделяли П.И.Новгородцев, Б.Н.Чичерин. И.В.Михайловский, Н.А.Бердяев и др. Несмотря на различия в своих взглядах, эти мыслители сходились в требовании априорности в построении идеального правопорядка.

Отличительной особенностью русских правовых концепций эпохи Просвещения было обращение к нравственно-религиозной аргументации при формулировании правовых положений и широкое (на основе истории, философии, логики) рассмотрение юридических проблем. Так, например, по мнению Десницкого, юриспруденцию необходимо рассматривать порядком историческим, метафизическим и политическим, снося притом законы российские с натуральным о них рассуждением.

В начале XIX в. после победы России в Отечественной войне 1812 г. в стране с новой силой пробуждается национальное самосознание. Остро обсуждаются вопросы обновления государственной машины, необходимости отмены кре-

постного права, создание общества, при котором было бы обеспечено единство личных прав и обязанностей с коллективными и государственными интересами. В это время свои концепции предлагают мыслители разных политических ориентаций. Так, например, представитель либерально-консервативной линии М.М.Сперанский стремится соединить традиции западных демократических институтов с практикой российского абсолютизма. В его философии права нравственно-религиозное и политико-правовое начала синтезировались в мировоззрении социального христианства. По мнению русского мыслителя, несовершенства в обществе, несправедливость и неэффективность государственного механизма могут быть исправлены с помощью разумного и нравственного законодательства и просвещения народа и власти. Суд совести и чести составляет естественный и всеобщий закон в общении человека с другими людьми и с Богом, а нравственный порядок составляет основу порядка государственного. Сперанский сформулировал принципы «истинной монархии» – такой формы правления, где созданы условия для обеспечения порядка в обществе и осуществлены гражданские права при неукоснительном соблюдении законов.

Идеи политико-правового радикализма развивают декабристы. Под влиянием конституций буржуазных революций Нового времени П.И.Пестель в своей «Русской правде» декларирует такие классические западноевропейские этико-правовые ценности, как суверенность народа, верховенство права, разделение властей, права и свободы граждан и т.д. В то же время сторонник республиканской формы правления Н.М.Муравьев допускает введение в России конституционной монархии.

Вторая четверть XIX в. ознаменована дискуссиями о пути России и степени усвоения западного культурного опыта, поисками Русской идеи. Состояние российского права и правовой культуры того времени свидетельствовали о явном отставании России от Запада, однако пути преодоления этой отсталости виделись по-разному. Если западники были твердо убеждены в необходимости перенесения европейского опыта на русскую почву, то славянофилы считали, что единственным путем к гармонизации силового государственного начала с отечественным соборным мировосприятием и построению правового государства является «естественное вращение государства в систему общинных отношений».

В это же время русская философия права пополнилась идеями радикальных демократов (В.Г.Белинский, А.И.Герцен, Н.П.Огарев, Н.Г.Чернышевский, Н.А.Добролюбов, Д.И.Писарев, М.А.Антонович), стремившихся объединить социалистические идеи с буржуазной правовой нормативностью, а также правовой идеологией революционного народничества 70–80-х гг. (М.А.Бакунин, П.Л.Лавров, П.Н.Ткачев), в которой уже преобладают теории революционного насилия и правовой нигилизм. К этим же направлениям близка по своей мировоззренческой основе и русская разновидность марксистской теории государства и права (Г.В.Плеханов, В.И.Ленин, Л.Д.Троцкий).

Серьезное влияние на отечественную философско-правовую мысль оказала гегелевская философия права. У ее истоков в России стоял автор «Энциклопедии законоведения» (1839) К.А.Неволин. Его понимание закона как правды во многом согласовывалась с идеями философии права немецкого мыслителя. Последователями этого направления позже стали П.Г.Редкин, И.Максимович, А.Д.Градковский, Б.Н.Чичерин, П.И.Новгородцев.

В период с последней трети XIX – начала XX в. философия права в России испытала воздействие позитивистских идей. В отличие от философии естественного права позитивисты понимали право как совокупность общеобязательных норм, выражающих требования государства и обеспеченных его возможностями к принуждению. Считая философию права частью философии, отечественные сторонники правового позитивизма (Г.Ф.Шершеневич, В.Д.Катков и др.) ставили перед ней двоякую задачу: теоретическую, входившую в поле общей теории права, критически изучающей главные юридические понятия (право, государство, преступления, наказания и т.п.); и практическую, которую решает политика права, вырабатывающая идеал правового порядка посредством соединения в одно целое рекомендаций отраслевых юридических наук. Таким образом, философия права в их представлении имеет три следующих основных части: общая теория права, история философии права и политика права¹³.

В рамках широкого позитивистского направления развивается социологическая школа (Н.М.Коркунов, М.М.Ковалевский, С.А.Муромцев), исследующая пути и способы воплощения догмы права в обществе, а также психологическое направление русской философии права (Л.И.Петражицкий), представляющая право как экстраполяцию психологического фактора, как функцию человеческой психики.

В этот же период важными вехами в развитии русской философии права стали взгляды на право, государство, их отношение к нравственности в религиозно-философских течениях русской мысли второй половины XIX – начала XX в., особенно во взглядах В.С.Соловьева и Н.А.Бердяева.

Как отмечает А.К.Корольков, русская философия подарила миру много загадок, и одной из таких загадок является склонность именно юристов к прояснению тайн русской души, к философичности. Многие русские мыслители по университетскому образованию были юристами (Н.А.Бердяев, П.И.Новгородцев, Б.П.Вышеславцев, И.А.Ильин и др.), но и независимо от этого часто один и тот же русский автор одинаково заинтересованно писал и о правовых, и о нравственных, и о политических, и о педагогических, и о религиозных вопросах¹⁴. Истоки такого стремления анализировать вопросы правовой защищенности человека, ограничения власти государства, функционирования демократических институтов с позиций философского мировоззрения, определяется национальными особенностями отечественной философии права, которые, в свою очередь, сформировались под влиянием исторического пути России и ментальности русского народа.

Среди концептуальных идей русской философии права особое место занимает положение о *взаимопереплетении и взаимодополнении морали и права, единстве нравственных и правовых норм*. Очень многим отечественным мыслителям свойственно стремление придать праву черты нравственности. Такая ситуация во многом проистекает из сочетания принципов христианской этики с традициями российского национального сознания и нормами обычного права. Традиция искать бытийственные начала права в сфере христианства восходит еще к сочинениям упоминаемого выше митрополита киевского Илариона, который в «Слове о законе и благодати» различает благодать и закон. Благодать исходит из христианских заветов, она универсальна, содержательна и направлена к душе человека. Закон – национален, формален и носит внешний характер. Вместе с тем закон является, согласно митрополиту, необходимым путем к постижению благодати. Специфика благодати в том, что она строится на правде-справедливости в отличие от закона, который применяется формально. Из данной нравственной и правовой парадигмы в последующем исходят многие философско-правовые сочинения в России, противопоставляющие благодатное право – праву несправедливому, неправедному закону. Можно полагать, что в этой оппозиции права (правды) – закону создавалась и специфика правовой культуры России, тесно соединенной с моралью и религией¹⁵.

Необходимо отметить, что сосредоточенность на нравственно-правовых принципах в русской философии права проявлялась не только на религиозной, но и на рациональной почве, что отражало социальный универсализм отечественной духовной культуры. Так, вопросами соотношения морали и права занимались такие мыслители нерелигиозного толка, как Г.Ф.Шершеневич, Л.И.Перажицкий, Б.Н.Чичерин и др.

Нередко как на особенность русского правосознания, оказавшей серьезное влияние на отечественную философско-правовую мысль, указывают на так называемый *«антилегализм» русского народа, «неприятие» им права*. Особое звучание этот мотив приобрел в философии славянофилов, которые, стремясь выявить православные основания свободы, настаивают на том, что свобода и закон находятся в антагонистических отношениях и существуют в особых сферах. По их мнению, закон существует в праве, отражая внешнюю жизнь человека и общества, в то время как свобода реализуется по преимуществу не во внешней, а во внутренней нравственной жизни индивида. Показательными в этой связи являются слова А.С.Хомякова о науке права, которая «получает некоторое разумное значение только в смысле науки о самопризнанных пределах силы человеческой, то есть о нравственных обязанностях»¹⁶. Хомяков и его единомышленники усматривали в правовых нормах попытку пагубной рационализации общественной жизни, характерную для католического (а потом протестантского) Запада и восходящую к языческому наследию древнего Рима; право как таковое было в их глазах «внешней правдой», заменяющей человеческую совесть полицейским надзором¹⁷. Сами же славянофилы стремились создать на

основе философии соборности и Русской идеи философию права, которая синтезировала бы принципы обычного права (формируемого в контексте социальной жизни общины), слитого с нравственностью.

Тема неприятия права звучала также в идеях народников и анархистов, считающих, что в патриархальном крестьянстве, в котором воплощен дух истинной, братской общности, можно обойтись без писаных законов и не допустить развития индивидуализма. Они стремились доказать, что гражданские права и политические свободы лишь маскируют капиталистическую эксплуатацию, считали, что развитие капитализма и присущее ему все большее «оправдание» общественных отношений является специфическим свойством Запада, привнесены в Россию и для нее чуждым.

Герцен видел в неуважении к праву историческое преимущество русского народа – свидетельство его внутренней свободы и способности построить новый мир. Достоевский приравнивал права личности к правам эгоистических индивидов, отделенных друг от друга юридическими барьерами и не знающих никакой нравственной связи; юристы, особенно адвокаты, были в его глазах «современными софистами», цинично манипулирующими истиной из корыстных побуждений. Народники отрицали конституцию и политические свободы, как орудие буржуазной эксплуатации народа. Русские анархисты, Бакунин и Кропоткин, считали право, наряду с государством, инструментом прямого насилия и т.д. Крайним проявлением этого моралистического антилегализма был правовой нигилизм Льва Толстого¹⁸.

Истоки такого неприятия права отечественные мыслители искали в идеях русского православия и представлениях об историческом предназначении России. Западно-европейские народы сформировали со временем своеобразный культ права, чему немало способствовали протестантская и католическая ветви христианства. В философско-правовой мысли Запада это культ был выражен и закреплён в теориях юридического позитивизма. В православном же правосознании акцент делается не на установлении норм и запретов, а на перспективах духовного совершенствования личности. Для православной христианской философии свойственно стремление к нравственному совершенствованию личности, путем установления этических норм, а также к формированию мировоззрения, определяющего пути дальнейшего развития личности на основе сопоставления идеала и реальности. Таким образом, русская философия права, ставя во главу угла проблему соотношения права и нравственности, видит в последней источник духовного обновления человека и общества, возможность созидания нового образа жизни.

Кроме того, причины «антилегализма» следует искать и в самом менталитете русского народа. В силу своего географического положения между Востоком и Западом Россия вобрала в себя противоположные, взаимоотталкивающие культурно-социальные традиции буржуазно-техногенного, логико-сциентистского образа жизни, с одной стороны, и общинно-природного, интуитивно-религиозного –

с другой. Не удивительна в этой связи крайняя противоречивость национально-го характера русского народа. «Нужно помнить, что природа русского человека очень поляризованная, – писал Н.А.Бердяев, – с одной стороны – смирение, отрешение; с другой стороны – бунт, вызванный жалостью и требующий справедливости. С одной стороны – сострадательность, жалостливость; с другой – возможность жестокости; с одной стороны – любовь к свободе; с другой – склонность к рабству»¹⁹. Эти черты национального характера и вылились в русской философии права в проблему противопоставления естественного права праву положительному, или, в другом варианте, закона в его социально-политических характеристиках – как выражение государственной силы и закона в его нравственных, культурно-исторических характеристиках – как выражение справедливости. Тема антилегализма поднималась многими отечественными философами, которые стремились разобраться в этом феномене и снять с русского народа во многом несправедливые обвинения²⁰.

Отечественные мыслители, размышляя о соотношении русского и европейского права, отмечали крайнюю формализованность и выхолащенность последнего. Так, П.И.Новгородцев в статье «О своеобразных элементах русской философии права» исходя из анализа аксиологических оснований российского правосознания, указал на «метафизическое лицемерие» упорядоченного, размеренного образа жизни европейцев, сравнивая его с непрактичностью и духовностью русского человека, склонного к судорожным колебаниям, отличающимся «вечной страстностью и неудовлетворенностью своего стремления». Русские философы стремились найти альтернативу «мертвому» европейскому праву и найти неразложимую основу «живого» права, как, например это делает в своей религиозной онтологии права С.Л.Франк, выводя принцип служения абсолютному добру и наделяя право чертами святости и истины, абсолютной правды. Такие поиски, несомненно, уведут мыслителей в сторону от разработки научной философии права, однако, по замечанию И.Д.Осипова, они во многом совпадают с национальной интенцией русской философии права и способствуют развитию оригинальной модели правовой культуры.

Наряду с вышеуказанными особенностями отечественной философии права, можно выделить также ряд черт, свойственных русской философии в целом, но проявившихся особенно ярко именно в философско-правовом контексте. Так, например, через постановку и решение философско-правовых проблем с новой силой проявилась такая особенность русской философии, как стремление к актуализации социальных проблем в качестве важнейших. Причем здесь еще раз мы видим подтверждение тому, что русская философия есть философия практическая, направленная на преобразование мира.

Другой особенностью является обращенность к человеку. Показателем антропологической ориентированности русской философии права является постоянное обращение отечественных мыслителей к следующим вопросам: что есть средство, а что цель – человек или государство?, какие философские основы,

ценности действительно отвечают насущным нуждам людей (являются общечеловеческими), а какие связаны с социально-политической, экономической и административной конъюнктурой правового порядка?, чего стоит целостность и социально-политический престиж государства, если единодушие его граждан сохраняется ценой их жизни?, величие для человека или человек для величия? и др.²¹

Русская философия права представляет собой важную и в то же время малоизученную часть отечественной философии. Как и во всей русской философии, в ней преобладало стремление к цельности знания, большое значение в придавалось интеллектуальной интуиции, нравственному, социально-правовому опыту личности. Особая роль в ней отводилась религиозно-нравственному опыту народа, благодаря чему мировоззрение приобретает окончательную завершенность, «раскрывая сокровеннейший смысл вселенского существования»²².

Сегодня на самом высоком уровне государственной власти говорят о необходимости становления правовой культуры, формирования правового сознания, строительства правового государства. Для достижения этих задач необходимо прежде всего понять суть указанных явлений, понять механизм их формирования и развития. По нашему убеждению, обращение к отечественному интеллектуальному философско-правовому наследию может активно способствовать решению этих задач, позволив адекватно понять специфику современного правового бытия России, без чего невозможно возрождение сильной государственности и национального правосознания.

Примечания

¹ Трубецкой Н.С. Общевразийский национализм // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. М., 2002. С. 389.

² Мачкарina О.Д. Русско-немецкий философский диалог // Вестник МГТУ, № 3, 2000. Т. 3. С. 415.

³ Иконникова Г.И., Ляшенко В.П. Основы философии права. М., 2001. С. 54.

⁴ Альбов А.П. Нравственно-правовые проблемы в русской и немецкой философии права (Теоретико-правовой анализ) / Автореф. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1999.

⁵ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 96.

⁶ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 334–335.

⁷ Коркунов Н.М. История философии права. СПб., 1908. С. 233.

⁸ Мачкарina О.Д. Указ. соч. С. 419.

⁹ Там же.

¹⁰ Емельянов Б.В. Русская философия права: История становления и развития. Екатеринбург, 2005. С. 15–17.

¹¹ Осипов И.Д. Философия права. СПб., 2000. С. 52.

¹² Жуков В.Н. Русская философия права: естественно-правовая школа первой половины XX века. М., 2001. С. 16–17.

¹³ Емельянов Б.В. Русская философия права: История становления и развития. Екатеринбург, 2005. С. 18.

¹⁴ *Корольков А.К.* Одухотворенная наука о праве // Русская философия права. Антология. СПб., 1999. С. 3.

¹⁵ *Осипов И.Д.* Философия права. СПб., 2000. С. 48–49.

¹⁶ *Хомяков А.С.* О старом и новом. Статьи и очерки. М., 1988. С. 92.

¹⁷ *Валицкий А.* Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX – начала XX века // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 25.

¹⁸ Там же. С. 25–26.

¹⁹ *Бердяев Н.А.* Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 2. С. 153–154.

²⁰ *Кистяковский Б.А.* «Государство правовое и социалистическое» (1906), *Новгородцев П.И.* «Идея права в философии Вл. С. Соловьева» (1901) и др.

²¹ *Шамшурич В.И.* Человек и государство в русской философии естественного права // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 133.

²² *Лосский Н.О.* История русской философии. М., 1991. С. 472.

С.Ю.Гасникова

К ПРОБЛЕМЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА РОССИИ И ЕВРОПЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Вопрос российско-европейских отношений был актуален всегда. Различные аспекты этих отношений являются не только предметом межгосударственного политического взаимодействия, но и служат объектом изучения с позиций различных общественных и гуманитарных наук. В предлагаемой работе мы попытаемся осветить некоторые вопросы взаимного познания и понимания России и Европы в ключе историко-культурного подхода, что приобретает особую актуальность в условиях ясно обозначившихся тенденций к глобализации и вестернизации культуры. Мировую культуру нельзя представить без культуры России, а русская культура немыслима без культурного богатства, которое накоплено европейскими народами.

Свое влияние на культурно-историческое развитие России Европа стала оказывать очень рано. Первые взаимодействия в культурной сфере относятся еще к древности, когда появляются упоминания об иностранцах и перед Россией встает вопрос: является ли она частью Европы или же определяет себя вне ее? Для России последние несколько веков Европа играет роль «другого/чужого», но при этом происходит постоянное взаимодействие культур двух стран. Ведь взаимодействие между культурами помогает не только приумножить опыт своей культуры, но и других культур.

Сложившийся спрос на изучение историко-культурной традиции во взаимоотношениях России и Европы определяется сегодня поиском места современной русской культуры в мировом культурном процессе. В настоящее время «невозможно рассчитывать на плодотворность экономического, политического и социального сотрудничества без полноты и объективности понимания существа

межкультурного диалога, сходства и различия локальных культур, процесса европеизации русской культуры как необходимой константы в ее поступательном развитии»¹. Для понимания особенностей русской культуры необходимо проследить историю взаимоотношений, которая складывалась между Европой и Россией до этого периода, ведь как считает В.С.Библер «культура есть форма одновременного бытия и общения людей различных – прошлых, настоящих и будущих – культур, форма диалога и взаимопопорождения этих культур...»².

Отношения к иностранцам в России на протяжении всей ее истории складывались достаточно неоднозначно. В частности противоречия возникали в отношении к иностранцам со стороны правящего класса и со стороны простого народа. Хотя иностранцы сыграли немаловажную роль во всех сферах жизни русского общества описываемого периода.

Неприязнь и страх к иной культуре и иному народу формировали стереотипы. Как пишет Л.З.Копелев «образы чужого как представления о другом народе, укоренившиеся в сознании, подсознании и ставшие предубеждением, последовательно трансформируются и перерастают в образы врага, в предрассудки, от которых человечество страдает с самого начала своего существования»³. Фантастически искаженные представления о другом народе, возникавшие из унаследованных предрассудков, из горького личного опыта, из «достоверных» рассказов очевидцев, становились образами врага.

Сегодня проходя полосу глубоких перемен, мы все чаще говорим о глобализации, вестернизации и инкультуры нашего общества. Мы снова и снова смотрим в сторону Европы, забывая о том, что культурно-исторический путь России начинался именно с Запада.

В самом начале своего становления Русь всегда занимала очень выгодное геополитическое положение и поэтому впитала в себя наследие культур Востока и Запада, что коренным образом отразилось на мировосприятии ею других народов и цивилизаций.

Еще в XIII веке знакомство Руси начинается именно с немецкой культурой и немцами как народом, т.к. в это время установилось активное взаимовыгодное сотрудничество Руси и Германии, которое было построено на торговых связях. Б.Диркс отмечает, что «до этого времени бурное развитие торговли, отразившись на усилении интереса к образу жизни другого народа, способствовало укреплению добрососедских отношений между Русью и Германией, формированию адекватных представлений друг о друге.

В XVI и XVII вв. издавались особые словари метких выражений, предназначенные для проповедников, литераторов, актеров. В них есть и особые наставления, какие прилагательные следует употреблять для характеристики различных народов. Согласно «Epithetum Thesaurus» Иоганна Равизиуса Текстора (книга вышла в 1595 г.), европейским нациям свойственны следующие качества: «...Германцы: непобедимые, жестокие, могущественные, воинственные, грозные,

голубоглазые. Испанцы: продажные, свирепые. Италы: высокомерные, незаурядные»⁴.

С начала XVI в. интерес к иностранным городам не потерял своей актуальности. Одних интересовала политическая жизнь заграницы, других культурная и научная. Русские пытались сравнить свой образ жизни с образом жизни иностранцев. Однако началом постоянных взаимоотношений русских и чужеземцев, в частности англичан, считается, середина XVI века. В это время был открыт Северный морской путь, который связал Англию и Россию прочными торговыми узами. Начались путешествия с целью обмена товарами, и открытия рынков стали регулярными. Но помимо англичан в Россию, главным образом в Москву и Петербург, начали приезжать немецкие ремесленники, врачи, учителя.

Необходимость привлечения в Россию иностранцев началось еще во времена правления Михаила Романова. Это было обусловлено тем, что сложившаяся ситуация в России, продиктованная политическими реалиями начала XVII в., побудила московское правительство призвать на русскую службу иностранных офицеров. Выходцы из-за границы: офицеры, медики, купцы, инженеры, мастера в этот период превратились в необходимый компонент русской действительности.

По свидетельству М.В. Дмитриева, «В XVII в. в России складывалось представление о немцах как о нации людей умных, прилежных, трудолюбивых, как об искусных мастерах, владеющих секретами техники и научными познаниями. Русь считает, что именно Германия формировала в то время у русских основное представление о Западе в целом. Кроме того, близкие контакты с немцами вызвали у жителей Москвы гамму противоречивых реакций: любопытство и опасение, восхищение и ненависть, удивление, уважение и насмешливое презрение. Складывавшийся образ «немца» формировался не столько благодаря усвоению книжной информации и личных контактов, сколько через слухи, сплетни, устные рассказы»⁵.

Но отличия в вероисповедании, языке и образе жизни резко выделили иностранцев из основной массы коренного населения. Иноземство и иноверие чужеземцев заставляло русские власти рассматривать их как особую категорию лиц, соответственно их пребывание требовало определенной правовой регламентации. Особенно ярко присутствие иноземцев в русском обществе нашло отражение в важнейшем кодексе русского права – Соборном уложении 1649 г. «Если в Судебнике 1550 г. «чужеземцы» упоминались лишь однажды (в ст. 27 – решение споров по торговым и имущественным вопросам), то в Уложении Алексея Михайловича иноземцы (чужеземцы) «служилые, поместные, кормовые, торговые, гости аглинские и галанские; иноземцы крещеные, некрещеные, немцы, немецкие вдовы, немецкие дети» упомянуты в 39-и статьях»⁶.

Знакомство, с культурой Европы начавшееся в XVIII в. инициировало двойственное к ней отношение: одни народы Западной Европы с их культурой и образом жизни привлекали к себе больше других и тем самым способствовали

более тщательной и последовательной оценке. Да и сама западная культура и ее ценности были так многообразны, что, увлекаясь одними ее сторонами, русские люди неизбежно становились в критическое отношение к другим: для одних Западная Европа была дорога духом Просвещения, своим движением к свободе, сложным сочетанием рационализма и сентиментализма, культя революции и религиозного бунтарства, гуманизма и эгоцентризма. С другой стороны, образованный русский человек увлекается духовными исканиями Запада, его внутренней страстной жадой соединить с земным небесное.

Период царствования Петра I считается переломным в отношениях между Россией и Европой. Петра I регулярно отправляет представителей знатных родов обучаться в страны Европы, а также приглашает иностранных специалистов в страну. Взаимоотношения между двумя культурами в данный период привели к изменению в быту, к тому же «среди высшего дворянства обычным делом стало знание языков, европейское платье и образ жизни. Именно отсюда началось то расслоение русской культуры, которое сохранилось вплоть до XX столетия»⁷. «Но когда люди начинают действительно пытаться перестраивать свою жизнь по чужому, пусть и весьма привлекательному для них, шаблону, неизбежно возникают проблемы определенного, сугубо специфического свойства. Это – проблемы восприятия нового и его адаптации, совместимости «старой» и «новой» ценностных шкал, духовной платы за ожидаемый успех планируемых перемен, это проблемы неконгруэнтности смысловой перспективы и установления ограничений культурной ассимиляции»⁸.

Петр I, осуществляя свой замысел европеизации России, ориентировался главным образом на германские модели. Это было обусловлено неприязнью и самого царя, и вообще «москвитов» к католическому миру, а также теми связями, которые установились у Петра с северными странами Европы. В германских государствах он находил людей, охотно соглашавшихся участвовать в его планах, отсюда вербовались как помощники-советчики, так и специалисты. И знатью, и простым народом действия Петра I воспринимались как нечто сомнительное и, во всяком случае, весьма обременительное. И они прочно ассоциировались с немцами. В результате при Петре I и его ближайших преемниках отношение русских к немцам и представления о них были почти всегда негативными. Но как считает В.В.Зеньковский «Петр Первый завершил и утвердил тот процесс приближения к Западу и общение с ним, который начался еще до него. Как ни суровы и ни грубы были приемы, с помощью которых Петр вводил русских людей в мир западной культуры, но дальнейший исторический процесс показал, что Петр взял верный путь, что развитие России ставило на очередь вопрос о взаимоотношении с Западом, с его культурой, с его жизнью...как шло развитие русской культуры в XVIII – XIX веках было ясно, что проблема Запада не случайна для России, что в ее путях встреча с Западом была неизбежна и необходима»⁹. Но в отличие от В.В.Зеньковского Н.М.Карамзин считал, что «Россия текла путем, предписанным ей рукой Петра, более или менее удаляясь

от своих древних нравов и сообразуясь с европейскими... Уже двор наш блистал великолепием и несколько лет говорил по-немецки, начал употреблять язык французский»¹⁰. Он осуждал Петра I за то, что он пытался навязать России европейские обычаи и «сея страсть к новым для нас обычаям преступила в нем границы благоразумия»¹¹.

В течение XVIII в. в России складывается культура, для которой модернизация и вестернизация входят в системообразующие характеристики. Эта культура была ориентирована на медленное освоение западноевропейского материала¹². В это же время в России появляется большое количество иноземцев, в частности купцов, получают бурное развитие англо-русские культурные и дипломатические связи. Важную роль в поддержании отношений с Англией на этом этапе, как и раньше, играют русские дипломаты.

Во второй четверти XVIII в. в России появляется большое количество иноземцев, в частности купцов. «Не только народ, но и государственные чиновники называли их общим именем «немцы». Среди них было немало жителей германских земель. В годы правления Анны Иоанновны 1730–1740 гг. немецкое влияние при дворе достигло своего апогея, что вызывало сильное недовольство в обществе и закончилось неизбежным переворотом в 1741 г. В это время и после него антигерманские настроения разгорелись с новой силой и вылились в неприязнь по отношению к иностранцам вообще, которое сохранялось на протяжении всей второй половины XVIII в. «Россия текла путем, предписанным ей рукой Петра, более или менее удаляясь от своих древних нравов и сообразуясь с европейскими... Уже двор наш блистал великолепием и несколько лет говорил по-немецки, начал употреблять язык французский. В одежде, в экипажах, в услуге вельможи наши мерялись с Парижем, Лондоном, Веною»¹³.

Таким образом, В.В.Зеньковский в своей работе пишет о том, что «XVIII век дает нам картину такого увлечения Западом, что с полным правом можно говорить, что русская душа попала в «плен» Западу. Еще первое поколение молодых людей, отправляемых за границу, оставалось чуждо Западу, но уже второе, вкусив его жизни, почти все не захотело возвращаться на родину. По мере роста просвещения культ Западу не только не ослабел, но становился лишь глубже и влиятельнее»¹⁴.

В духовной жизни России в XVIII в. важную роль играли западноевропейские влияния, и, прежде всего влияние французского Просвещения. Но с начала XIX в. идеи немецкой философии и немецкие политические идеи завоевали преимущественное влияние.

До конца XVIII в. Россия оставалась все еще чуждой европейской культуре. Русские люди были оторваны от нее не в последнюю очередь потому, что почти не бывали за пределами своей страны. Однако в самом конце XVIII в. ситуация все же меняется. Облегчилась техническая сторона путешествий, поскольку Москва, Варшава, Прага, Берлин, Вена, Париж были уже связаны дорогами и

почтовыми линиями¹⁵. Образованные русские люди уже знали языки, охотно и с интересом знакомились с европейской культурой.

В XVIII в. произошел раскол российской культуры на две: вестернизирующую культуру верхов и изоляционистски ориентированную культуру патриархальных масс. Одним из ярких проявлений этого раскола была двойственность, а порой противоположность самого образа Запада к статусу его образа в разошедшихся столь далеко культур. Для культуры верхов модернизация и вестернизация явились системообразными характеристиками. Отсюда – ее ориентация на постепенное освоение западной культуры. Для традиционной, патриархальной культуры понимание Запада было не только не нужно, но и невозможно из-за ограниченности ее гносеологического потенциала¹⁶.

Как отмечает Ю.М.Лотман Россия «XVII – начало XIX века – эпоха, пронизанная молодостью. Ей присуща и молодая непосредственность, и молодая прямолинейность, и молодая энергия. В подобные эпохи искусство и жизнь сливаются воедино, не разрушая непосредственности чувств и искренности мысли»¹⁷.

Исследуя формирование и изменения представлений о Европе, как процесс, включения инноваций в традицию, можно выявить закономерности складывания образа Европы как образа «чужого» в русском общественном сознании. Решение этой задачи лежит в области истории ментальности, так как рассматриваются стереотипы мнений, и начинает определяться массовое сознание. Исследовательский интерес направлен на разнообразие групповых менталитетов, изменчивость и противоречивость ментальной сферы.

XIX век занимает особое место в становлении и развитии межкультурных взаимосвязях между Европой и Россией. Этому способствует ряд событий, как внешних так и внутренних, которые происходят в этот период в России. В 1801 г. в результате заговора меняется царь. К власти приходит Александр I, который проводит ряд реформ и открывает свободный доступ за границу, его увлекает мысль о необходимости европейского единения, гармонии в строгом европейском порядке, при котором народы Европы обрели бы истинное благополучие и процветание. Как дипломат он стремился к созданию системы многосторонних европейских союзов. Таким образом, открываются новые возможности во взаимодействии и взаимовлиянии различных культур.

Важным фактором в становлении национального самосознания стали события связанные с патриотическим подъемом русского общества в период Отечественной войны 1812 г. Победа в войне дала мощный толчок в развитии общественной мысли и русской национальной культуре, а также способствовала росту национального самосознания в России. Ведь именно участники военных походов в последствии подняли и развили вопрос о дальнейшей судьбе России и о пути ее развития. В результате победоносных продвижений по Европе поднимается авторитет России, русские молодые люди знакомятся с европейской цивилизацией, что впоследствии приведет Россию к многочисленным событиям. Заграничный поход познакомил русских солдат с социально-политическими

изменениями в Европе после французской революции, обогатил их яркими впечатлениями от знакомства с новыми странами, а также они на себе ощутили влияние западноевропейских идей.

После освободительных походов русской армии на Запад в России усиливается процесс радикализации идей связанных с непосредственным прикосновением большого количества русских людей с европейской культурой, жизнью, а так же происходит попытка перенесения на российскую почву некоторых сторон политической жизни Запада и западной культуры.

Как считает С.В.Оболенкая «размышления участников кампании 1813–1814 гг. составили этап в процессе критического самоосмысления русского общества, осмысления истории России и места России в мировой истории, начавшегося в XVIII в., продолжившегося во время Отечественной войны 1812 г., позже – в спорах декабристов и вылившегося в 30–40-х годах в борьбу западников и славянофилов»¹⁸.

В результате взаимодействия и взаимопроникновения рационального и эмоционального в русском обществе сформировалась оценочно-ценностная сторона общественного мнения о Европе, а это, в свою очередь, усилило активное начало проявления общественной воли, стремление русского народа к практическому осуществлению оценочных суждений, то есть, духовно-практическому, что простимулировало активность в изучении и взаимодействии Европы.

Период 1814–1825 гг. в России характеризуется широким и глубоким интересом к европейской философии, появляются разного рода тайные общества, кружки и философские салоны, которые стали своеобразной формой развития русской общественной мысли. В них изучались сочинения западноевропейских мыслителей, пропагандировались их идеи, обсуждались перспективы развития российского общества и особенно их «занимал вопрос о способах ликвидации крепостного права и путях дальнейшего аграрного развития страны»¹⁹.

Образование таких сообществ было связано с тем, что побывавшие в Европе русские офицеры не только познакомились с европейской жизнью, но и пытались сравнивать с тем, что видели у себя на Родине. Так в 1816 г. появляется первое тайное общество «Союз спасения». Это было первое тайное общество будущих декабристов, основателями которого стали офицеры, участвовавшие в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах. Инициатор – А.Н.Муравьев. Цель – борьба за конституционную монархию и освобождение крестьян, но из-за разногласий во взглядах общество в 1817 г. распадается. В 1818 г. появляется новая тайная организация – «Союз благоденствия», которая намеревалась свергнуть самодержавие, отменить крепостное право и установить в России республиканское правление. Задача организации заключалась в формировании передового общественного мнения.

В результате подавления восстания декабристов в 1825 г. к власти приходит Николай I, который представил свой триумф как триумф русского национального духа. Подобно тому, как монархи XVIII в. определяли свое правление через

сходство с европейскими монархиями, он определяет свое правление как исключительно русское, укорененное в национальной традиции авторитаризма. В этом отношении он воспринял манеру Фридриха Вильгельма III и других западноевропейских монархов, которые представляли перед подданными как примеры добродетели и частной жизни. Монарх старался выразить существенные черты нации.

Поиски путей дальнейшего развития российского общества и российской культуры, а также взаимоотношения России и Запада нашли отражение в мировоззрении П.Я.Чаадаева. Отражением этих событий стали «Философские письма», в которых он остро и самобытно поставил вопрос об историческом развитии России и Западной Европы в их взаимном отношении друг и кругу и тем самым способствовал образованию славянофильского и западнического направлений в русской общественно-литературной мысли. Сам же П.Я.Чаадаев был одним из тех мыслителей, который не примкнул ни к одному из идейных и общественных течений того времени, при этом он ясно понимал желательность западноевропейского пути, но не видел в тогдашней России общественных сил, на которые могло бы опереться это развитие. Вообще «письма» являются важным событием в общественной жизни и культуре России и произвели большой общественный резонанс. П.Я.Чаадаев считал, что «...мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежали ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространяется...»²⁰. И в итоге он делает вывод о том, что «в сущности, у нас русских, нет ничего общего ни с Гомером, ни с греками, ни с римлянами, ни с германцами; нам все это совершенно чуждо. ...поневоле приходится говорить языком Европы. Наше чужеземное образование до такой степени заставило нас держаться Европы, что, хотя мы и не усвоили ее идей, у нас нет другого языка, кроме того, на котором говорит она; таким образом, нам не остается ничего другого, как говорить этим языком. ...Эта связь... скрепляет нас с Европой...»²¹.

Сороковые годы XIX века принесли то известное раздвоение общественной мысли России, которое выразилось в борьбе западников и славянофилов. Сами течения слагались в истории культуры давно – уже в XVIII веке они заявили о своем существовании, а в XIX веке они оформились в две самостоятельные яркие ветви общественной мысли.

И западники, и славянофилы были по своей сути идеалистами, но одни идеализировали Запад, а другие – Россию, причем и те и другие предлагали разрешение проблемы русской истории заведомо утопическим путем. И Запад и Россия для них были определенными условными знаками или символами между «своим» и «чужим», которые зеркально отображали полярные представления во взаимоотношениях между двумя культурами.

Славянофильство и западничество всегда шли параллельно друг другу, т.к. объединялись практически одной целью и взаимодополнялись. Их философский спор поддерживался резкостью полемики и доказательностью, с одной стороны, и незавершенностью диалога, неразрешимостью идейного противоборства – с другой²².

В любом случае налицо противопоставление России и Запада, где Запад предстал как «не бытовая и географическая реальность, а идеологический конструкт и... сущность этого конструкта может быть осмыслена лишь в антитезе русской действительности», – резюмирует Ю.М.Лотман²³.

Таким образом, представления о Европе в русской культуре активно формируются, начиная с 30-х годов XIX в. Так как именно в это время появляется более полный доступ к информации о европейских странах. В разных российских изданиях русские писатели и путешественники делятся своими впечатлениями с российским обществом.

Проводившиеся во второй половине XIX в. реформы, связанные со вступлением на российский престол Александра II не могли, не отразится на русской культуре и на взаимоотношениях между Россией и Европой. И именно в это время создаются новые течения и ряд организаций, целью которых является борьба за светлое будущее России.

В этот период начинаются активные поездки за границу видных деятелей русской культуры, литературы, а также ученых. Путешественники относятся к новому в инородной культуре как к источнику собственного развития. Чужой мир не пугает, а скорее вызывает интерес. Впечатления фиксируют активное отношение русских людей к жизни, содержат элементы оценки – хорошее-плохое, красивое-некрасивое²⁴.

Путешественники обладают художественным вкусом и рассматривают себя и окружающий мир с учетом основных эстетических категорий. В их восприятии важное место занимает категория красоты. Они не пытаются подавить, скрыть свои эмоции, напротив, состояния удивления, восхищения не раз посещают авторов путевых записок²⁵.

Стремление народов Европы к приобретению национальной государственности в XIX в. повсеместно сопровождалось требованиями проведения в своих странах либеральных преобразований. Поэтому обретение народами национальной государственности ассоциируется с торжеством идеи либерализма в целом. В России эти идеи обрели национальную окраску и вошли в контекст социально-политического строя.

В решении этой символической дилеммы русские императоры Павел и Александр I пошли противоположными путями. Павел мечтал восстановить знаки абсолютной верховной власти, Александр – их уничтожить. Каждый из них предпринял поиски образа, в котором могли бы одновременно воплотиться и западный идеал, и величие российского императора. Единственным образом смертного, который мог бы выразить высшее превосходство, для них обоих был

образ полководца. Наполеон возвысил образ полководца как образца добродетели, вернувшись к символике ранней Римской империи. Мифическую аналогию как выражение политического превосходства заменил военный мундир, и в конце XVIII – начале XIX в. мундиры стали общепринятой одеждой европейских монархов. В великолепном, усыпанном украшениями мундире был оттенок элитности и роскоши, объединявших офицерский корпус в восхищении своим государем. В течение всего XIX столетия русские императоры заботились о деталях своего мундира, переделывая их по собственному вкусу и по моде каждой эпохи.

Р.С.Уортман подчеркивает, что подобно своим предшественникам, модель правительственной организации Александр пытался найти за границей. Он нашел ее в административной структуре наполеоновской Франции. Средством реорганизации должны были стать «административные уставы», выражающие волю государя, а не частные интересы отдельных групп общества.

Если Александр не мог соревноваться с Наполеоном в гениальности, то он мог подражать его военным приемам. Он следовал примеру Наполеона, превращавшего войска и военных в эстетический объект. Наполеон уделял пристальное внимание, деталям обмундирования, придавая французским военным то умение себя вести и внешний блеск, которые делали офицера образцом стиля. Александр тоже лично занимался деталями обмундирования. На смотрах он внимательно следил за тем, чтобы носки не поднимались слишком высоко, а число пуговиц соответствовало последним указаниям. На смену уродливым мундирам павловского царствования пришел наимоднейший французский военный стиль. Пудренные букли, существенная часть прусской моды, были уничтожены. Начиная с 1802 г. мундиры очень быстро менялись. В 1802 г. были введены характерные наполеоновские треуголки, в 1803 г. – французские кивера. Короткая облегающая одежда заменила прежние камзолы, были введены узкие панталоны, придававшие офицерской форме гладкость, свойственную французской армии²⁶.

Россия Александра I «дает нам картину государства, воспитываемого либеральным идеалистом для свободных установлений и человеческого образа жизни путем жестокого и недоверчивого деспотизма. Причем опять-таки с общеευропейской, мировой миссией, ибо «истинная цель императора» заключалась «в желании быть посредником в Европе и через это играть первую роль»²⁷. Фактически и в это царствование, особенно в его конце, влияние прусских начал заметно преобладало.

Во время правления Николая I (женатого на дочери прусского короля) политическая власть России и Пруссии была особо заинтересована в союзничестве. Пруссия на протяжении 30 лет существования Германского союза не оставляла намерения его возглавить и нуждалась для решения этой задачи в поддержке России. России, в свою очередь, нужна была поддержка Пруссии в польских делах и в Восточном вопросе. В 1830 г. в польских землях вспыхнуло восстание

против России; своей позицией Пруссия ей помогла. Вскоре после того, как восстание было жестоко подавлено, и русская часть Польши лишилась автономии, существовавшей с 1815 г., здесь были проведены совместные маневры русских и прусских войск под общим командованием генерала И.Ф.Паскевича.

Таким образом, изучение связей и взаимоотношений между Россией и Европой в настоящее время представляется весьма важным. Они позволяют раскрыть малоизвестные аспекты формирующихся международных коммуникаций, объяснить характер взаимного общения, осветить новые, доселе неизвестные грани русской общественной мысли и историографии, показать вклад русских ученых в исследовании инфраструктуры, экономики, истории, этнографии и культуры народов Европы, а также постепенное установление с ними различных контактов, трансформацию образа Европы в России.

Примечания

¹ *Баженова Т.П.* Европеизация русской культуры: сущность и особенности. Автореф. дисс. ...канд. филос. наук. Тамбов, 2005. С. 3.

² *Библер В.С.* От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. – М., 1990. – С. 289.

³ *Копелев Л.З.* Чужие // Одиссей. Образ «другого» в культуре. 1993. М., С. 12.

⁴ Цит. по: Там же. С. 14.

⁵ *Дмитриев М.В., Пушкирева Н.П.* Русские и немцы: представления друг о друге // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 204.

⁶ *Орленко С.П.* Правовой статус выходцев из Западной Европы в России XVII века // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 138.

⁷ Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 198.

⁸ *Мостовая И.В., Скорик А.П.* Архетипы и ориентиры российской ментальности // Полис. 1995. № 4. С. 69.

⁹ *Зеньковский В.В.* Русские мыслители и Европа. М., 1997. С. 13.

¹⁰ *Карамзин Н.М.* Записки о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 20.

¹¹ Там же.

¹² См.: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в создании российского общества первой половины XX в. М. 1998. С. 36.

¹³ *Аллатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX). М., 1985. С. 192.

¹⁴ *Зеньковский В.В.* Русские мыслители и Европа. М., 1997. С. 13.

¹⁵ Цит. по: Оболенская С.В. Германия глазами русских военных путешественников 1813 года // Одиссей. Образ «другого» в культуре. 1993. М., 1994. С. 70.

¹⁶ Образ России. Русская культура в мировом контексте. М., 1998. С. 27.

¹⁷ *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). С. 209.

¹⁸ *Оболенская С.В.* Германия глазами русских военных путешественников 1813 года // Одиссей. Образ «другого» в культуре. 1993. М., 1994. С. 82.

- ¹⁹ Аникин А.В. Путь исканий: Социально-экономические идеи в России до марксизма. М., 1990. С. 131.
- ²⁰ Чаадаев П.Я. Философические письма // Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 41.
- ²¹ Философские письма // Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 140.
- ²² См.: Кондаков И.В. Культурология: история культуры России: Курс лекций. М., 2003. С. 203.
- ²³ Лотман Ю.М. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры (совместно с Б.А.Успенским) // Лотман Ю.М. Карамзин. СПб., 1997. С. 522.
- ²⁴ Малето Е.И. Западный мир глазами русских путешественников XV века // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М., 2000. С. 15.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ См.: Глинка В.М. Русский военный костюм XVIII – начала XX века. Л., 1988. С. 5–20, 38–57; Мельгунов С. Дела и люди Александровского времени. Берлин. 1923. С. 44.
- ²⁷ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 2003. С. 121–122.

Б.Н.Махутов

МОДЕЛЬ КАЧЕСТВА ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ СРЕДСТВ В УСЛОВИЯХ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

Одна из ключевых составляющих концепции модернизации образования России направлена на повышение качества образования (подготовки специалистов). При этом в настоящее время отсутствует единая общепринятая система, как показателей качества, так и критериев оценки качества образования. Исключительная актуальность обеспечения качества высшего образования, по мнению экспертов из многих стран, определяется объективными причинами, отличительными для современного периода:

— усилением зависимости темпов развития общества от уровня и масштабов высшего образования;

— резким ускорением научно-технологического прогресса, становлением экономики знаний и информационного общества;

— переходом от избирательной селективной модели высшего образования, когда для приобретения специальности отбираются наиболее способные и подготовленные молодые люди, к массовой высшей школе, когда высшее образование становится всеобщим достоянием;

— процессами экономической, культурной и политической глобализации и связанной с этими процессами интернационализацией высшего образования;

— сужением источников инвестиций в высшую школу и потребностью в поисках иных резервов и источников развития высшего образования как за счет рационализации использования имеющихся средств, так и за счет расширения предпринимательской деятельности высших учебных заведений.

Компетентностный подход во всех своих смыслах и аспектах наиболее глубоко отражает основные аспекты процесса модернизации. Компетентностный подход — это совокупность общих принципов определения целей образования, отбора содержания образования, организации образовательного процесса и оценки образовательных результатов. К числу таких принципов относятся следующие положения¹:

— смысл образования заключается в развитии у обучаемых способности самостоятельно решать проблемы в различных сферах и видах деятельности на основе использования социального опыта, элементом которого является и собственный опыт учащихся;

— содержание образования представляет собой дидактически адаптированный социальный опыт решения познавательных, мировоззренческих, нравственных, политических и иных проблем;

— смысл организации образовательного процесса заключается в создании условий для формирования у обучаемых опыта самостоятельного решения познавательных, коммуникативных, организационных, нравственных и иных проблем, составляющих содержание образования;

— оценка образовательных результатов основывается на анализе уровней образованности, достигнутых учащимися на определённом этапе обучения.

Одним из элементов качества высшего образования как сбалансированного соответствия образовательной системы многообразным потребностям, целям, требованиям, нормам и стандартам, является качество целеполагания в учебном процессе.

Качество обучения, с одной стороны, можно рассматривать как качество результата процесса обучения (уровень профессиональных знаний, умений, навыков слушателей), а, с другой стороны, как совокупность качественных характеристик самого процесса, достижение его целей и результатов. Анализ источников в области проектирования систем управления качеством в вузах свидетельствует о хорошей теоретической и методологической базе, созданной усилиями отечественных ученых: В.В.Бойцов, А.В.Гличев, А.А.Азгальдов, В.Я.Белобрагин, А.И.Субетто и др. Однако, исследования ученых посвящены, в основном, вопросам методологии управления качеством в вузах в соответствии с концепцией ИСО 9000².

Наименее теоретически разработанной является проблема целеполагания в учебном процессе. Позиции ученых в подходах к ее постановке расходятся: от мнения, что единое целеполагание в условиях современного образования невозможно, до многочисленных попыток конструирования системы целей образовательного процесса путем перечисления личностных качеств современного человека³.

Большинство западных и отечественных исследователей сходятся в том, что при проектировании целей образования в учебном процессе и функциони-

ровании образовательного мониторинга, необходимо учитывать несколько уровней системы целеполагания, иерархия, которых представлена на рис. 1.

Рис. 1. Система целеполагания

На каждом из этих уровней целеполагание, как процесс постановки точно заданных целей, достижение которых поддается четкому описанию и определению, необходимо фиксировать в виде индикаторных переменных. Если рассматривать целеполагание как латентную переменную в образовании, то уровень сформированности цели в образовательном процессе, можно исследовать как объект измерения на основе модели Раша. Измеряемая латентная или скрытая переменная каким-то образом проявляет себя, что можно зафиксировать с помощью регистрируемых (индикаторных) переменных, к которым относятся вопросы по целеполаганию в образовательном процессе вуза, представленные в виде опросников. Все латентные переменные на основе модели Раша измеряются в логитах, а шкала измерения является интервальной, что позволяет использовать широкий класс процедур статистического анализа⁴.

В педагогической практике вузов в последние годы в ходе проведения различных видов контроля качества знаний студентов все больше внимание уделяется использованию программно-дидактических тестов, представляющих собой не обычную совокупность или набор контрольных заданий, а систему, обладающую составом, спецификацией, целостностью и структурой. Поскольку тестирование является одним из наиболее адекватных методов выявления

соответствия видов и содержания деятельности, освоенных в процессе обучения, требованиям образовательного стандарта, то использование педагогических тестов в учебном процессе призвано обеспечить объективность и технологичность при проведении контрольных мероприятий в соответствии с требованиями современных педагогических методов и стандартизации процедур проверки уровня и качества знаний.

В педагогической практике вузов в последние годы все больше внимание уделяется использованию в ходе итогового контроля дидактических тестов, представляющих собой не обычную совокупность или набор контрольных заданий, а систему, обладающую двумя главными системообразующими факторами⁵:

— содержательным составом тестовых заданий, образующих наилучшую целостность;

— нарастанием трудности от задания к заданию.

Принцип нарастания трудности позволяет определить уровень знаний и умений по контролируемой дисциплине, а обязательное ограничение времени тестирования позволяет выявить и наличие навыков. Трудность задания, как субъективное понятие, определяется эмпирически по величине доли неправильных ответов. Этим трудность отличается от объективного показателя – сложности, под которой понимают совокупность числа понятий, вошедших в задание; числа логических связей между ними и числа операций, необходимых для решения задания.

Дидактические тесты обладают важными преимуществами перед традиционными методами итогового контроля знаний. Во-первых, это повышение его объективности. Во-вторых, оценка, получаемая с помощью тестов, более дифференцирована. В-третьих, тестирование обладает более высокой эффективностью, чем традиционные методы итогового контроля. Его можно проводить на больших группах учащихся.

Следует отметить, что теоретические основы применения дидактических тестов в вузовском обучении сегодня исследованы достаточно основательно^{6, 7, 8, 9}.

Технологию построения системы мониторинга целеполагания в учебном процессе информационными средствами можно разбить на этапы:

— определить измеряемые показатели (индикаторы);

— установить источники информации для проведения мониторинга и определить частоту и график сбора информации с учетом интенсивности оцениваемой деятельности;

— выбрать методы сбора информации. (тестирование, анкетирование, опрос;

— выбрать технологию обработки и анализа получаемой информации.

В 2003 году Россия подписала Болонскую декларацию, целью которой является создание к 2010 году общеевропейской системы высшего образования, обеспечение условий для свободной академической мобильности студентов и преподавателей вузов, взаимное признание дипломов о высшем образовании.

Одним из принципов реализации Болонского процесса является создание, в соответствии с общеевропейскими требованиями, общероссийской системы аттестации и контроля качества, что, соответственно, предполагает выстраивание внутривузовских систем контроля качества.

Поскольку приоритетным направлением в оценочной практике в вузах считается использование рейтинговых систем контроля знаний обучаемых, то дидактические тесты позволяют обеспечить повышение объективности контроля обученности студентов, поскольку основываются на следующих составляющих:

- научной обоснованности отбора и структурирования учебного материала, включающего формирование учебного тезауруса дисциплины, конструирование учебных модулей и дидактических единиц, построение модели диагностирования обученности студентов;

- применении программно-дидактических тестов прошедших длительную апробацию в учебном процессе и соответствующую сертификацию;

- математически корректной обработке результатов диагностирования (расчет рейтинговых тестовых заданий обучаемых, погрешности пересчетных шкал);

- технологичности педагогического контроля, с соблюдением правовых и педагогических норм.

Во всех используемых для оценки освоения ГОС педагогических измерительных материалах выполнение заданий требует использования знаний и умений в знакомой ситуации, т.е. задания рассчитаны на типовые действия.

Примечания

¹ Лебедев О.Е. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии.– 2004. № 5. С. 3–12.

² Субетто А.И. Государственная политика качества высшего образования: концепция, механизмы, перспективы. Часть 4 // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.11628, 10.11.2004.

³ Смирнова Н.В. Проблема учебно-личностных достижений учащихся в контексте целей современного образования. <http://www.oaipkro.ru/index.php>.

⁴ Аванесова Т.С. Измерение латентных переменных в образовании. – Москва: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. С. 7.

⁵ Образцов П.И. Психолого-педагогические аспекты разработки и применения в вузе информационных технологий обучения. – Орловский государственный технический университет. Орел, 2000. – 145 с.

⁶ Аванесов В.С. Композиция тестовых заданий. Учебная книга. 3 изд., доп. М., 2002.

⁷ Васильев В.И., Тягунова Т.Н. Культура компьютерного тестирования. М., 2002.

⁸ Чельшкова М.Б. Теория и практика конструирования педагогических тестов: Учеб. пособ. М., 2002.

⁹ Савельев Б.А., Масленников А.С. Оценка уровня обученности студентов в целях аттестации образовательного учреждения профессионального образования: Учеб. пособ. М., 2003.

ОРГАНИЗАЦИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБЩЕНИЯ НА ОСНОВЕ ПРОБЛЕМНЫХ СИТУАЦИЙ

Одной из основных целей обучения иностранным языкам является развитие способности к межкультурному общению, которое происходит лишь в условиях общения. Потребность в общении связана с необходимостью осуществления взаимодействия людей в процессе их совместной деятельности и регуляции их поведения. Общение можно характеризовать как определенную «...активность взаимодействующих людей, в ходе которой они, воздействуя друг на друга при помощи знаков (в том числе языковых) организуют свою совместную деятельность»¹. Таким образом, общение является средством обучения.

В психологии установлено, что общение представляет собой сложный и многогранный процесс, оно есть образование, в котором можно выделить отдельные стороны, т.е. описать его структуру. При характеристике структуры общения в ней выделяют три взаимосвязанные стороны:

- коммуникативную;
- интерактивную;
- перцептивную.

Эти стороны общения определяются в качестве функций, которые общение реализует в совместной жизнедеятельности людей.

Коммуникативная сторона общения, или коммуникация, состоит в обмене информацией между общающимися индивидами. Интерактивная сторона заключается в организации взаимодействия между общающимися индивидами, т.е. в обмене не только знаниями, идеями, но и действиями. Перцептивная сторона общения означает процесс восприятия друг друга партнерами по общению и установления на этой основе взаимопонимания.

В реальной действительности каждая из этих сторон не существует изолированно от других и выделение их возможно лишь при анализе. Все обозначенные здесь стороны общения выделяются и проявляются в случаях организации общения в малых группах, т.е. в условиях непосредственного контакта между людьми. Проблемное обучение предполагает взаимодействие субъектов в процессе учебной деятельности. В процессе взаимодействия стороны высказывают свои мнения, оценивают, решают общую проблему. Таким образом, происходит общение, которое позволяет находить новые способы решения проблемных задач.

Практическая реализация общения на основе коммуникативных проблемных ситуаций при обучении иностранному языку предполагает создание таких условий на учебных занятиях, которые позволяли бы расширить рамки иноязычной речевой деятельности учащихся за счет создания проблемных ситуаций естественного общения.

Важнейшим способом общения является диалогическая речь, т.е. разговор, поддерживаемый собеседниками, совместно обсуждающими и разрешающими какие-либо вопросы. Диалог предполагает и включает: уникальность и равенство партнеров; различие и оригинальность их точек зрения; ориентацию каждого на понимание и на активную интерпретацию его точек зрения партнером; ожидание ответа и его предвосхищение в собственном высказывании; взаимодействие позиций участников общения, соотнесение которых и является целью диалога. Например, деловые переговоры по заключению гражданско-правового договора.

Развернутость, полнота и расчлененность диалогической речи могут быть различными. Речь может быть сокращена настолько, что разговаривающие могут понимать друг друга буквально «с полуслова». Это определяется тем, насколько они представляют то, о чем идет речь, насколько это ясно из того, что сказано раньше, что происходит сейчас; тем, как много общего между собеседниками, как велико их стремление понять друг друга. Напротив, отсутствие внутреннего контакта между собеседниками, различие в отношении к предмету речи может создавать трудности в понимании истинного смысла речи и требует более полного и развернутого построения речи.

В процессе общения наиболее часто встречаются фатический, информационный, дискуссионный и исповедальный типы диалогов.

Фатический диалог – это обмен речевыми высказываниями единственно для поддержания диалога, разговора. В некоторых культурах фатическое общение имеет характер ритуала, ибо создает индивиду ощущение сопричастности своим соплеменникам.

Информационный диалог – это обмен информацией самого различного свойства. Часто имеет место в юриспруденции (в форме сообщения, выступления и последующего обсуждения).

Дискуссионный тип диалога возникает при столкновении различных точек зрения, в случае, когда проявляются различия в интерпретации тех или иных фактов, событий и т.п. Дискутанты особым способом воздействуют друг на друга, убеждают друг друга, стремятся достичь определенного изменения поведения. Дискуссионный диалог сопутствует общению во всех сферах жизнедеятельности, так как взаимодействие в каждой из них обычно требует согласования индивидуальных усилий партнеров, что, как правило, происходит в процессе дискуссии.

Исповедальный диалог – самое доверительное общение – происходит в том случае, когда человек стремится выразить и разделить свои глубокие чувства и переживания. Это интимное общение, основанное на взаимопринятии индивидов, на разделении ими общих смыслов и ценностей жизни.

В преподавании иностранных языков большое внимание уделяется обучению иноязычной речи на различных этапах и уровнях образовательной систе-

мы. Многих исследователей привлекают проблемы, связанные с процессом овладения иностранным языком как эффективным средством общения.

Общение есть форма реализации взаимодействия, в процессе которого в качестве знаковой системы используется речь. Речь, как отмечает И.А.Зимняя «...способ формирования и формулирования мысли посредством языка в процессе речевой деятельности индивида»².

В проблемном обучении общению, общение должно происходить не только между студентами, но и между студентом и преподавателем.

Диалогическое общение является необходимым условием для развития мышления студентов, поскольку по способу своего возникновения мышление диалогично³. Для диалогического включения преподавателя со студентами необходимы следующие условия:

— общение со студентами строится таким образом, чтобы подвести их к самостоятельным выводам, сделать соучастниками процесса подготовки, поиска и нахождения путей разрешения противоречий, созданных самим же преподавателем;

— преподаватель строит вопросы к вводимому материалу и отвечает на них, вызывает вопросы у студентов и стимулирует самостоятельный поиск ответов на них по ходу занятия. Добивается того, что студент думает совместно с ним.

Применение проблемных методов в обучении иностранному языку ведет к развитию активного самостоятельного мышления, учит не только запоминать и воспроизводить полученные знания, а применять их на практике. Такой подход к обучению иностранным языкам позволяет перенести акцент на активную мыслительную деятельность, предоставляет возможность решать какие-либо проблемы, обращая внимание на содержание своего высказывания, а язык выступает в своей прямой функции – формирования и формулирования этих мыслей.

Примечания

¹ Общение. Текст. Высказывание / Отв. ред. Ю.А.Сорокин, Б.Ф.Тарасов. – М., 1989. С. 3.

² Зимняя И.А. Лингвopsихология речевой деятельности. М., Воронеж, 2001. С. 37.

³ Матюшкин А.М. Проблемы развития профессионально-теоретического мышления. М., 1980. С. 3–47.

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА

В вузах, как и во всей системе профессионального образования России, реализуется концепция непрерывного профессионального образования. Она основана на принципе последовательного наращивания знаний при соблюдении преемственности профессиональных программ. Главной задачей этих программ является обеспечение соответствия профессиональной подготовки студентов вузов требованиям Государственного образовательного стандарта для различных уровней, отражающих процесс и результат профессиональной подготовки специалистов.

В целях повышения профессиональной подготовленности выпускников образовательных учреждений в нормативных документах Министерства образования и науки указывается на необходимость оптимизации самостоятельной работы студентов по теоретическим курсам под методическим руководством преподавателей. В частности, обращается внимание на то, что в теоретическом обучении важно усилить ценностно-ориентирующие, преобразовательные, коммуникативные, общекультурные компоненты учебно-воспитательного процесса за счет увеличения удельного веса самостоятельной творческой работы по индивидуальным заданиям, а также за счет массового вовлечения студентов в научно-исследовательскую работу.

Организация учебно-воспитательного процесса в образовательных учреждениях призвана обеспечить необходимые условия для педагогической деятельности профессорско-преподавательского состава и освоения студентами профессиональных учебных программ, их творческой, самостоятельной работы. Самостоятельная работа организуется для углубления и закрепления знаний, полученных на лекциях и других занятиях, для выработки навыков самостоятельного активного приобретения новых, дополнительных знаний, подготовки к предстоящим учебным занятиям, зачетам и экзаменам. В рамках этой работы совершенствуется и методика организации самостоятельной работы студентов.

В процессе самоподготовки, как составной части самостоятельной работы студенты углубляют и закрепляют знания, полученные на лекциях и других занятиях, нарабатывают умения и навыки самостоятельного приобретения новых, дополнительных знаний, готовятся к предстоящим учебным занятиям, зачетам и экзаменам. Методическое руководство самостоятельной работой обучаемых осуществляют кафедры. Ответственность за организацию самостоятельной подготовки несет руководство факультета.

Деятельность образовательных учреждений в части распределения учебной нагрузки между курсами, дисциплинами и формами по годам обучения регламентируется учебным планом. Из общего расчетного времени на учебную

нагрузку 54 часа в неделю, на самоподготовку может отводиться от 20 до 50%, в зависимости от курса обучения и характера учебной дисциплины, а на самостоятельную работу в режиме аудиторных и внеаудиторных занятий вместе, включая самоподготовку, до 75%.

В целом содержание образования и место в нем самостоятельной работы в вузах определяется: Государственным образовательным стандартом; общим уровнем образования в вузе (составом преподавателей, доцентов, профессоров, системой требований к организации учебно-воспитательного процесса со стороны администрации, наличием библиотек, состоянием материально-технической базы и т.д.); правами самих студентов.

Результаты анализа нормативных актов, организационно-содержательных и методических документов позволили установить, что самостоятельная работа в современных условиях рассматривается как одно из приоритетных направлений повышения эффективности учебно-воспитательного процесса в целом.

Опрос студентов и интервьюирование преподавателей высших образовательных учреждений с целью уточнения взглядов студентов на роль и место самостоятельной работы в их учебной деятельности, будущей профессиональной деятельности, показал, что:

- среди опрошенных студентов 26,5% определяют самостоятельную работу как работу, выполняемую самостоятельно под непосредственным контролем преподавателя и в соответствии с его заданием, 39,7% полагают, что это форма организации самостоятельной деятельности, выполняемая индивидуально и без помощи преподавателя;

- объем заданий для самостоятельного изучения считают нормальным (адекватным) 61,7%;

- 35,8% респондентов оценивают условия для самостоятельной работы в учебном заведении как хорошие, 17,3% – как неудовлетворительные; в наибольшей степени утомляет режим жизнедеятельности – 57,4% испытуемых, 33,5% – служебная деятельность, 18,4% – самостоятельная работа;

- 65,7% опрошенных студентов полагают, что у них за время обучения в вузе уже сложился индивидуальный стиль самостоятельной работы;

- к фактам, снижающим качество самостоятельной работы, 61,3% студентов относят отсутствие заинтересованности в самостоятельной работе, столько же перегрузки в отдельные дни, 40,1% – неумение планировать и организовывать свою работу;

- основную роль в преодолении трудностей в самостоятельной работе 73% респондентов отводят собственным усилиям, упорству, стремлению преодолеть трудности;

- к факторам, способствующим улучшению самостоятельной работы студентов 12,5% опрошенных относят тщательное сообщение всего учебного материала преподавателем; 25% – отчет за самостоятельную работу по результа-

там учебы; 85,9% – планирование и самоконтроль своей самостоятельной работы;

– к основным условиям успешной самостоятельной работы 78,2% испытуемых причисляют трудолюбие, усидчивость, 60,2% – интерес к предмету, 45% – качественное преподавание, 37,5% – умение рационально использовать время на самоподготовке.

В процессе исследования было установлено, что в проведении самостоятельной работы студентов имеются существенные резервы:

– 67,8% студентов не полностью владеют методикой самостоятельной работы с печатными источниками информации, а 3,8% указали, что вообще не знакомы с правилами работы с ними;

– 67,3% студентов испытывают необходимость в методической помощи со стороны преподавателей при выполнении письменных контрольных и курсовых работ (практикумов);

– 27,6% из них не составляют индивидуальные планы самостоятельной работы; около 60% из числа тех, кто составляет индивидуальные планы, их не выполняют.

Для уточнения вопроса планирования самостоятельной работы студентов в вузе были проанализированы учебные программы по различным дисциплинам: 43 учебных программы гуманитарного вуза, 21 программа других вузов по различным специальностям, в том числе, применительно к такой дисциплине, как черчение. Анализ учебных программ показал, что самостоятельная работа студентов планируется преподавателями, в основном, в традиционных видах: конспектирование, чтение и анализ первоисточников, сопоставление разных точек зрения, разработка конспектов занятий, составление программ и т.п.

Однако, не прослеживается профессиональная направленность в содержании заданий для самостоятельной работы студентов. В программах определяются знания и умения, которыми должны овладеть студенты, но задания для самостоятельной работы не соотносятся с этими знаниями и умениями.

Преподавателями очень мало планируется самостоятельных работ поискового и творческого характера. Также было отмечено, что в организации самостоятельной работы студентов четкой систематичности не прослеживается. Также было выявлено, что чаще всего преподаватели используют однотипные задания для более углубленного изучения определенных тем учебного курса и только преподаватели специальных дисциплин планируют в самостоятельной работе студентов поисковые и творческие задания.

Чаще всего преподаватели не осуществляют руководство самостоятельной работой студентов, а оценка и контроль за качеством их выполнения остается формальной.

Об эффективности самостоятельной работы свидетельствуют результаты определения готовности студентов к самостоятельной профессиональной деятельности. Изучение опыта работы преподавателей НГГУ по вопросам исполь-

зования самостоятельной работы в учебном процессе показало пока ещё слабую готовность студентов к самостоятельной познавательной работе: отсутствие умения работать с научными текстами, обобщать, систематизировать, классифицировать, выявлять и устранять противоречия в изучаемом материале.

Исследования специалистов и наш собственный опыт работы показали, что наиболее легко студенты умеют запоминать, записывать, пересказывать услышанное и прочитанное. В то же время можно отметить медленный темп восприятия со слуха учебного материала, чтения и конспектирования. Процесс приемы, осмысления, переработки, интерпретация, оценивание и фиксирование необходимой учебной информации вызывает существенные затруднения у студентов. Умение обобщать, анализировать, выделять главное в теоретическом материале дается трудно. Проведенное исследование показало невысокий уровень сформированности умений самостоятельной работы у студентов. Причинами такого состояния могут быть: отсутствие единой системы формирования умений самостоятельной работы у студентов; случайный характер использования самостоятельной работы в учебном процессе; отсутствие у преподавателей установки в процессе самостоятельной работы развивать у студентов умения ее выполнять.

В основном студенты имеют средний уровень сформированности профессиональных умений. Вместе с тем, прослеживается недопонимание сущности самостоятельной работы, и потребность в ней видится только для углубленного изучения определенных тем учебных курсов и для приобретения определенных умений.

Беседы с преподавателями показали их заинтересованность в использовании самостоятельной работы в профессиональной подготовке студентов, но в своей работе такую цель они не ставили и чаще всего, используют самостоятельную работу для развития мыслительной деятельности студентов, обучения их способам самообразования.

Заинтересованность студентов и преподавателей проблемой использования самостоятельной работы с целью улучшения качества подготовки студентов к профессиональной деятельности, мы обнаружили в ходе дискуссии по данной проблеме, в которой участвовали студенты и преподаватели разных дисциплин. Во время дискуссии обнаружилась проблема организации самостоятельной работы студентов и ее взаимосвязь с профессиональной подготовкой. Была определена цель: выявить мнения, идеи, предложения о возможностях самостоятельной работы для профессиональной подготовки студентов.

В результате дискуссии обнаружили следующие позиции: при наличии больших возможностей самостоятельной работы студентов формируются не только умения и навыки самостоятельной работы, но и самостоятельность как качество личности будущего специалиста; необходимо искать для дальнейшего применения разные типы самостоятельной работы в процессе преподавания различных дисциплин.

В ходе дискуссии было выявлено, что существует мнение студентов и преподавателей о возможностях профессиональной подготовки через организацию самостоятельной работы в процессе обучения. Но в то же время, возникает вопрос об условиях, необходимых для успешной организации такой самостоятельной работы.

Таким образом, можно выделить типичные трудности и слабые места в организации и проведении самостоятельной работы студентов. К ним относятся:

1. Недостаток навыков самостоятельного учебного труда у студентов; более 50% участников исследования не умеют рационально работать с книгой, вести конспектирование лекций, анализировать и обобщать прочитанное, делать краткие записи и обоснованные выводы. Большинство первокурсников сталкиваются с необходимостью самостоятельно изучать, конспектировать рекомендованную литературу;

2. Недооценка роли самостоятельной работы в учебно-воспитательном процессе студентами. Восприятие ее как вспомогательного элемента, в отличие от лекций, практических и других занятий. Ежедневно готовятся к занятиям 14%; накануне 80%; эпизодически 6% респондентов. Рекомендуемую для проработки на самоподготовке литературу прорабатывают полностью – 3%; в основном 44%; занимаются преимущественно по конспектам лекций 53% испытуемых. К основным причинам такого явления следует отнести отсутствие навыков работы и недостаток соответствующих мотивов, установок на серьезную самостоятельную работу;

3. Преобладание заданий на самоподготовку репродуктивного характера, в сравнении с заданиями творческого плана;

4. Недооценка функций планирования и организации своей самостоятельной работы студентами. 30% респондентов «забывают» планировать все время, отведенное им на самоподготовку (на неделю, на месяц), а те, кто планирует, в большей части к этому относятся формально. Такое отношение к самостоятельной работе в более чем 80% ведет к «штормовщине», нерациональному использованию времени, неравномерному изучению различных дисциплин и снижению качества проработки учебного материала. В конечном итоге, формирует у студентов неаккуратность и неорганизованность в работе;

5. Слабая активность обучаемых в научно-исследовательской работе. Более 60% не принимают участие в ней и не рассматривают эту деятельность как необходимую часть процесса обучения.

Наибольшие трудности у первокурсников вызывают учебные задания, связанные с применением знаний и умений в новых условиях, с составлением задач и самоконтролем в процессе решения задач.

Обучение представляет собой взаимосвязанную деятельность преподавателя и студентов, единство управления и самоуправления. Организаторская деятельность преподавателя и самоорганизация студентов тесно соотносятся между собой, причем типы соотношения могут быть различными: при одинаково

высоком уровне организации учебного процесса возможен и высокий, и низкий уровень самоорганизации, а при низком уровне организации учебного процесса у одних студентов возможен высокий, а у других – низкий уровень учебной самоорганизации.

Опыт самоорганизации складывается у студентов к старшим курсам, причем таким образом, что у одних усиливаются и закрепляются ранее образованные продуктивные способы учения, а у других – непродуктивные. Следовательно, исходный уровень готовности к самостоятельной организации учебной деятельности, сформированный ранее в общеобразовательной школе, оказывает решающее влияние на процесс и результат обучения студентов в вузе. Признаками слабой самоорганизации являются пропуски занятий, несистематическая подготовка учебных заданий, несвоевременное их выполнение, неумение подготовиться ко всем очередным занятиям, штурмовщина и авралы перед зачетами и экзаменами и т.д. Все вместе взятое, в конечном счете, ведет к существенным проблемам и пробелам в знаниях, академической неуспеваемости, отсеву.

Среди внешних факторов, усложняющих учебную самоорганизацию студентов, следует отметить несогласованность, нескоординированность действий и требований разных преподавателей, несовершенные составленные расписания, согласно которым, например, на весь день планируются одни семинарские занятия. Однако субъективное восприятие этих мешающих факторов различно у студентов с разной успешностью обучения. Тот, кто хорошо учится и организован сам, менее чувствителен к внешним условиям организации учебного процесса.

Помимо слабых сторон самостоятельной работы, связанных с деятельностью самих студентов значительное место занимают недостатки, связанные с организацией этой работы учебным управлением, кафедрами, руководством учебных подразделений: нерациональность в подборе рекомендуемой литературы; несовершенство планирования внеучебных мероприятий, перегруженность учебных занятий по расписанию и т.д.; слабое участие преподавателей в организации и методическом обеспечении самостоятельной работы студентов, недостаточная их ответственность за ее проведение и другие.

С целью уточнения взглядов представителей профессорско-преподавательского состава на состояние, роль и место самостоятельной работы в учебной и предстоящей профессиональной деятельности студентов выяснилось:

— 61,6% респондентов склонны считать специальные занятия по самоорганизации самостоятельной работы в вузе не обязательными. В то же время отмечается, что умения, навыки самостоятельного учебного труда должны формироваться в процессе плановых занятий (лекций, семинарских, практических занятий, самоподготовки), среди которых обязательно должны быть умения и навыки самоанализа, самооценки и самоконтроля своей деятельности, знания, умения, навыки самопланирования и самоорганизации своей самостоятельной деятельности;

— по мнению 29,2% опрошенных в наибольшей степени реализуются задачи и принципы самостоятельной работы на лекциях; 36,8% полагают, что на семинарских занятиях; 15,1% склонны считать, что основные принципы самостоятельной работы реализуются на практических занятиях; 25% – на лабораторных занятиях; 46% – на видеотренингах; 72,5%, что на практике; 49,7% испытуемых уверены, что основные принципы самостоятельной работы в высшей мере реализуются во время самоподготовки;

— все без исключения отмечают, что в процессе своих занятий формируют такие умения и навыки самостоятельной работы, как самоконтроля учебной деятельности, работы с документами и другие;

— условия для самостоятельной работы считают удовлетворительными 67,4% из числа опрошенных; 5% – неудовлетворительными. К негативным факторам относят такие, как: недостаток учебной и методической литературы, быстрое устаревание печатной информации, недостаток технических средств обучения, слабый контроль за самоподготовкой со стороны учебного управления и др.;

— 48,7% опрошенных считают, что проблемы отдельных студентов в самостоятельной работе связаны со слабой мотивацией к учению; 34,8% полагают, что с организацией учебного процесса преподавателем;

— среди условий успешности самостоятельной работы называют такие как: создание соответствующей мотивации; обеспечение студентов в необходимом объеме учебной, научной, методической литературой, законодательной базой, техническими средствами обучения; оказание квалифицированной помощи консультативного характера, а также определенный набор качеств, знаний, умений, навыков самостоятельной работы у студентов и др.

— все опрошенные педагоги единогласны по мнению, что в качестве основных целей самостоятельной работы выступают: подготовка к аудиторным занятиям, проработка пройденного учебного материала, закрепление нового, формирование и развитие умений, навыков самостоятельного учебного труда, как важнейшего условия продуктивной самообразовательной деятельности;

— среди путей оптимизации самостоятельной работы студентов выделяют такие, как: создание соответствующей мотивации учебной деятельности и самостоятельной работы; вооружение студентов знаниями, умениями и навыками самостоятельного учебного труда; методическое обеспечение самоподготовки; усиление контроля за самоподготовкой сотрудниками факультета и учебного отдела и др. Наиболее гибкими и эффективными методами воспитания и учебного воздействия, по мнению кураторов групп и организаторов студенческих объединений считаются методы: приучения, упражнения, примера, критики, соревнования, поощрения и наказания, отдавая предпочтение работе с целой группой, курсом, а не индивидуальной работе со студентами.

Педагогическое наблюдение, изучение процесса и результатов самостоятельной работы студентов и руководства ею в вузе показала следующие результаты. Поскольку развитие науки, рост объема информации, совершенство-

вание законодательства требуют от профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений непрерывного совершенствования руководства самостоятельной работой студентов, то возникает необходимость изыскания путей интенсификации данного процесса. Одним из таких путей является вовлечение студентов в научно-исследовательскую работу (НИР).

В настоящее время на кафедрах образовательных учреждений созданы научные кружки, осуществляется проведение конкурсов и олимпиад различного направления. Научной работой из года в год охватывается около 40% обучаемых. В заседаниях научных обществ студентов регулярно принимают участие выпускники вузов и сотрудники организаций по профилю вузов. Участие в конференциях, олимпиадах, конкурсах становится логическим продолжением активной научно-исследовательской работы студентов. В вузах разработан и активно используется пакет нормативных документов по организации научной деятельности студентов: «Положение о научно-исследовательской работе студентов», «Положение о внутри вузовском конкурсе на лучшую научную работу студентов», а также «Устав научного общества студентов». Использование этих документов позволяет осуществлять научно-исследовательскую работу студентов на более высоком организационном уровне, а также активизировать их самостоятельную работу.

В результате наблюдения за работой преподавателей было выявлено, что на аудиторных занятиях они ведут работу по апробации, внедрению в учебный процесс передовых педагогических технологий: видео-тренинговые, деловые и ролевые игры, элементы модульного, контекстного обучения и др. На отдельных занятиях активно используются технологии педагогического тестирования, компьютерные обучающие и контролирующие программы и т.д. Педагоги широко используют индивидуализированные задания с учетом уровня подготовленности обучающихся. При этом формами учебных занятий являются лекции, семинары, практические занятия, тренинговые упражнения (с использованием видео- и аудиоматериалов), деловые игры, контрольные работы, рефераты и презентации студентов, но все-таки основными видами занятий по-прежнему остаются лекции и семинары в их традиционном исполнении. Для внедрения других видов, форм и методов занятий, как считают большинство из опрошенных преподавателей, им недостает дидактических материалов и методических разработок, а также технического обеспечения учебно-воспитательного процесса.

Большое внимание коллективы кафедр уделяют вопросам активизации познавательной деятельности студентов: в учебном процессе используются элементы проблемного обучения, методики «мозгового штурма», диагностические компьютерные программы, видеофильмы, аудиотехника, элементы круглого стола по учебным проблемам основных преподаваемых дисциплин и др. К проведению учебных занятий со студентами привлекаются работники практикующих организаций.

В организации самостоятельной работы студентов также имеется ряд нерешенных вопросов. Так, например, подавляющее большинство обучающихся ориентировано на получение хорошей отметки, либо преодоление рубежного контроля, зачета, экзамена, в то время как первостепенная мотивационная установка на получение комплекса знаний, умений, навыков, профессиональных качеств и т.п. часто бывает отодвинута на второй план.

Результаты проведенного исследования позволяют выделить ряд наиболее важных позитивных тенденций в самостоятельной работе студентов, в также в организации этого дидактического процесса и руководства им со стороны других участников учебно-воспитательного процесса. К ним относятся:

1. Понимание значимости самостоятельной работы в профессиональной подготовке будущих специалистов большинством участников целостного педагогического процесса образовательных учреждений.

2. Применение отдельными преподавателями в образовательном процессе прогрессивных педагогических технологий, активизирующих самостоятельную работу студентов.

3. Усиление внимания руководителей подразделений образовательных учреждений к проблеме научно-методического обеспечения процесса организации самостоятельной работы студентов, оказывающей положительное влияние на учебно-воспитательный процесс в целом.

Необходимо отметить, что имеются и некоторые негативные тенденции при организации самостоятельной работы студентов:

1. Отсутствие единого понимания сущности педагогических категорий «самоподготовка», «самостоятельная работа», «самообразование» среди студентов, преподавателей, сотрудников учебных подразделений, представителей факультетов, учебных и научных отделов (управления), руководства образовательным учреждением.

2. Недостаточная мотивированность студентов на серьезную, научно-обоснованную самостоятельную работу.

3. Слабое владение студентами знаниями, умениями, навыками самостоятельного учебного труда, методиками самостоятельной работы, технологиями организации своей самостоятельной работы.

4. Недостаточный контроль и руководство самостоятельной работой студентов в период самостоятельной подготовки со стороны сотрудников факультетов и преподавателей.

5. Недостаточная методическая помощь в самостоятельной работе студентам со стороны преподавателей кафедр и другие явления, встречающиеся в современной педагогической практике.

Изучение современного состояния самостоятельной работы студентов вузов позволило выявить основные факторы, влияющие на эффективность решения ее задач, которые можно условно разделить на несколько групп:

1-я группа – «*организационно-технические*», связанные с материально-техническими и информационными, методическими и другими видами обеспечения учебно-воспитательного процесса.

2-я группа – «*психологические*», связанные с созданием педагогами оптимальной мотивации самостоятельного учебного труда студентов, с ориентацией всех участников учебно-воспитательного процесса на единую цель – дать (получить) необходимую сумму знаний, умений, навыков, привычек, личных качеств, которые необходимы в современных условиях специалисту, не подменяя ее другими, второстепенными, с созданием определенной мотивации у преподавателей к управлению самостоятельной работой студентов, с созданием необходимого морально-психологического климата в учебных коллективах.

3-я группа – «*технологические*», связанные с необходимостью овладения студентами знаниями, умениями и навыками самостоятельного учебного труда (поиск необходимой информации для самостоятельного изучения, ориентировка в содержании печатных источников информации и другие), а также самоуправления самостоятельной работой; с использованием педагогами эффективных современных технологий обучения, активизирующих самостоятельную работу студентов.

4-я группа – «*координации и взаимодействия*», связанные с объединением усилий всех сотрудников, всех подразделений учебного заведения в целях достижения единой цели образования студентов, с выработкой единого понимания сущности и содержания педагогических категорий «самоподготовка», «самостоятельная работа», «самообразование» среди педагогов и студентов, а также в различных нормативных актах, организационно-методических документах, регламентирующих учебно-воспитательный процесс в образовательных учреждениях России.

Анализ состояния самостоятельной работы студентов как основы профессиональной подготовки будущего специалиста в вузах показал, что сложившаяся практика ее организации, содержания и методики в современных условиях претерпевает значительные изменения и нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Примечания

¹ Есенюков Ю.В. Организация самообразовательной деятельности инженерно-педагогических работников: Методические рекомендации. Ульяновск, 2000. 28 с.

² Загвязинский В.И. Методология и методика дидактического исследования. М., 1982. 160 с.

³ Казакова В.А. Самостоятельная работа студентов и ее информационно-методическое обеспечение. Киев: Высшая школа, 1990. 68 с.

⁴ Материалы Всесоюзной научно-практической конференции. Самостоятельная работа студентов как основа образовательного процесса / Подготовка бакалавров. М., Красногорск, 1992. 38 с.

СОВРЕМЕННОЕ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ ВЫПУСКНИКА

Проблема проектирования содержания образования приобрела сегодня особую актуальность в связи с разработкой и принятием на правительственном уровне приоритетного национального проекта «Образование».

В рамках реализуемого Министерством образования РФ приоритетного национального проекта «Образование», при участии сотрудников РАО, в настоящее время ведется разработка методологических оснований конструирования образовательных стандартов, а также самих стандартов. Принципиальное отличие разрабатываемой концепции стандарта от имеющейся ранее предметно-ориентированной концепции состоит в попытке реализовать средствами стандарта личностную ориентацию образования, его деятельностно-практическую и культурологическую составляющую, сохранив традиционную фундаментальность и универсальность.

Для изучения влияния содержания образования на формирование конкурентоспособной личности выпускника учреждений общего и профессионального образования, научно-исследовательская лаборатория прикладной дидактики Нижневартовского государственного гуманитарного университета провела социологическое исследование «Формирование конкурентоспособной личности». Основным методом сбора информации для этого исследования был выбран анкетный опрос. Были опрошены учащиеся в образовательных учреждениях ХМАО – Югры. Всего было опрошено 1 083 человек.

Содержание образования представляет собой педагогически адаптированный социальный опыт, осваиваемый обучающимися в собственной деятельности, через удовлетворенность содержанием образовательных программ. Для изучения степени удовлетворенности обучающихся содержанием образования, интенсивностью образовательных программ, в анкете был задан вопрос: «Оцените, пожалуйста, насколько вы удовлетворены следующими сторонами системы образования», ответы обучающихся распределились следующим образом (см. табл. 1).

Современное образование обеспечивает равный доступ молодых людей к полноценному качественному образованию в соответствии с их интересами и склонностями, независимо от материального достатка семьи, места проживания, национальной принадлежности и состояния здоровья. Как видно из таблицы №1, высокую степень удовлетворенности содержанием образования отметили 86,1% опрошенных.

**Степень удовлетворенности следующими сторонами
системы образования (в % от числа опрошенных)**

Подвопросы	Совершенно не удовлетворен	Скорее не удовлетворен, чем удовлетворен	Затрудняюсь ответить	Скорее удовлетворен, чем не удовлетворен	Совершенно удовлетворен
Содержание образования	1,0	4,0	8,8	49,9	36,2
Материально-техническая база	1,8	4,4	15,5	50,3	28,0
Информатизация образования	1,7	3,1	14,0	44,6	36,5
Внешкольная работа	2,9	5,6	19,2	39,0	33,3
Система оценки знаний	3,9	5,2	13,2	50,7	27,0
Интенсивность образовательных программ	1,8	3,8	15,8	51,0	27,7
Система поощрения выдающихся учеников	3,9	6,2	15,3	34,7	40,0
Уровень культуры взаимоотношений	4,3	7,0	14,8	46,8	27,2

Средства информатизации сегодня используются образовательным учреждением практически во всех сферах своей деятельности. Средства информатизации используются учителями для подготовки и проведения уроков, поддержки внеклассных мероприятий, стали технологической основой процесса управления. Отсюда и высокий показатель информатизации образования, который отметили 81,1% опрошенных.

Материально-техническая база и интенсивность образовательных программ, также получили высокие оценки (78,3% и 78,7% соответственно). Современные образовательные учреждения укомплектованы в достаточном количестве современной аппаратурой и оборудованием (комплекты мультимедийного оборудования: м/медиапроектор, компьютер, экран; мобильный м/медийный комплект – ноутбук, м/медиапроектор, экран, интерактивные доски, документ-камера, Интернет-камеры).

Учебные учреждения располагает необходимыми фондами учебной, учебно-методической, справочной и художественной литературы, распорядительными документами Минобразования России и МИД России. Функционируют учебные кабинеты, спортивный зал, учебные мастерские.

Базовое звено образования – общеобразовательная школа, модернизация которой предполагает ориентацию образования не только на усвоение обучающимся определенной суммы знаний, но и на развитие его личности, его познавательных и созидательных способностей.

Тем не менее, при существующих условиях качественного общего образования, существуют проблемы, которые волнуют обучающихся. На вопрос в анкете: «Какие проблемы Вашего образования волнуют Вас больше всего», респонденты ответили следующим образом (см. табл. 2):

Таблица 2

Какие проблемы Вашего образования волнуют Вас больше всего (в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	% от числа ответивших	Место
Стоимость получения среднего специального и высшего образования	36,2	1
Недостаточность учреждений высшего образования	22,0	2
Неадекватность и несправедливость оценки знаний	22,0	2
Невостребованность полученных умений и знаний на рынке труда	17,2	3
Несоответствие получаемых знаний современным условиям жизни	13,6	4
Низкий уровень информатизации образования, неразвитость дистанционного образования	9,9	5
Нехватка учителей и преподавателей	9,3	6

На первом месте стоит проблема стоимости получения среднего специального и высшего образования (так ответили 36,2% опрошенных), на втором – недостаточность учреждений высшего образования (22%) и неадекватность и несправедливость оценки знаний (22%). На третьем месте – невостребованность полученных умений и знаний на рынке труда (17,2%).

С разработкой и принятием на правительственном уровне приоритетного национального проекта «Образование», необходима государственная поддержка до реальной потребности. Необходимо выделять средства для осуществления бюджетного финансирования учреждений (организаций) высшего и среднего профессионального образования, а также создать систему государственного образовательного кредитования, субсидирования граждан для получения профессионального образования с целью поддержки студентов из малообеспеченных семей и отдаленных территорий.

Информация о потребности рынка труда в специалистах постепенно становится необходимой основой формирования образовательной политики учреждений профессионального образования. Согласованное развитие экономики и системы профессионального образования является не просто задачей учета интересов предприятий и организаций в получении рабочей силы, а определяет

для выпускника учебного заведения возможность построения профессиональной карьеры и – шире – собственной жизни.

Возникшие противоречия между рынком труда и рынком образовательных услуг в некоторой степени носят объективный характер, так как для открытия новых специальностей требуется определенное время, в то же время учебные заведения вынуждены учитывать порой конъюнктурные образовательные потребности своих абитуриентов.

В результате образовательные учреждения слабо реагируют на изменяющиеся потребности рынка труда, обостряется несоответствие между вновь подготовленной рабочей силой и требованиями работодателей.

По результатам исследования, было определено, что только 39,6% обучающихся знают о результатах прогнозирования потребностей рынка труда и рейтинги учреждений профессионального образования, 31,2% – не владеют информацией и 29,2% опрошенных – затруднились ответить.

Результаты опроса показали, что на формирование конкурентоспособной личности выпускника учреждений общего и профессионального образования оказывают такие составляющие, как: содержание образования, так считают 70,3% опрошенных, открытость сферы образования – 60% опрошенных, кадровый потенциал – 56,1% опрошенных.

Таблица №3 и таблица №4 подтверждает мнение экспертов и обучающихся в том, что управление и содержание образования, сеть образовательных учреждений, кадровый потенциал и открытость сферы образования – способствует формированию системы непрерывного образования.

Нужно отметить, что мнения экспертов и обучающихся проявляются равномерно, подтверждением этому служит незначительная разница между количеством респондентов, отдавших предпочтение той или иной системе образования.

Таблица №3

**Способствует ли формированию системы непрерывного образования
(в % от числа опрошенных обучающихся)**

Подвопросы	Нет	Скорее, нет	Скорее да	Да	Затрудняюсь ответить
1	2	3	4	5	6
Управление образованием					
Дошкольное образование	1,6	3,3	35,2	46,7	13,2
Начальное общее образование	1,4	2,4	32,4	52,1	11,7
Основное общее образование	1,3	4,1	32,6	49,8	12,2
Среднее (полное) образование	1,8	2,0	31,9	52,2	12,1
Начальное профессиональное	2,4	3,2	33,1	43,8	17,5
Среднее профессиональное	3,1	3,6	30,8	44,5	18,0
Высшее профессиональное	3,7	5,4	28,9	37,8	24,1

1	2	3	4	5	6
Дополнительное образование	3,9	5,8	29,8	37,8	22,7
Содержание образования					
Дошкольное образование	2,0	2,1	33,3	49,6	13,0
Начальное общее образование	2,0	3,0	34,0	48,8	12,2
Основное общее образование	2,6	2,3	33,7	49,1	12,3
Среднее (полное) образование	2,8	3,2	31,9	43,8	18,3
Начальное профессиональное	2,7	3,6	30,7	43,1	20,0
Среднее профессиональное	2,8	4,5	29,5	36,1	27,1
Высшее профессиональное	2,1	6,1	31,5	36,8	23,6
Сеть образовательных учреждений					
Дошкольное образование	2,4	4,9	32,8	43,9	16,0
Начальное общее образование	2,0	4,1	33,5	45,2	15,3
Основное общее образование	2,0	3,4	33,4	46,2	15,0
Среднее (полное) образование	1,6	3,9	31,2	49,1	14,2
Начальное профессиональное	3,1	3,6	32,6	41,9	18,8
Среднее профессиональное	2,2	5,5	30,6	43,0	18,7
Высшее профессиональное	3,5	5,1	31,5	35,2	24,8
Дополнительное образование	3,8	5,8	31,3	37,4	21,8
Кадровый потенциал					
Дошкольное образование	2,2	5,1	33,3	40,8	18,6
Начальное общее образование	1,9	4,6	34,4	41,2	17,9
Основное общее образование	1,8	4,1	35,2	41,7	17,2
Среднее (полное) образование	1,9	5,0	32,5	42,8	17,8
Начальное профессиональное	2,5	3,9	33,4	39,9	20,3
Среднее профессиональное	2,7	4,2	32,4	39,2	21,5
Высшее профессиональное	3,7	5,3	31,1	31,4	28,5
Дополнительное образование	3,5	4,7	31,2	34,1	26,6
Открытость сферы образования					
Дошкольное образование	2,0	5,3	28,7	47,1	16,9
Начальное общее образование	2,0	4,5	33,4	44,1	15,9
Основное общее образование	1,5	4,8	31,4	47,6	14,8
Среднее (полное) образование	2,2	3,6	31,7	48,9	13,5
Начальное профессиональное	2,1	3,9	31,3	44,7	18,0
Среднее профессиональное	2,7	3,4	31,0	41,3	21,6
Высшее профессиональное	2,6	8,3	29,3	33,3	26,6
Дополнительное образование	3,8	5,8	29,4	37,4	23,6

Таблица №4

**Способствует ли формированию системы непрерывного образования
(в % от числа опрошенных экспертов)**

Подвопросы	Нет	Скорее, нет	Скорее, да	Да	Затруд- няюсь ответить
1	2	3	4	5	6
Управление образованием					
Дошкольное образование	0,0	2,7	49,6	35,4	12,4
Начальное общее образование	0,9	1,8	46,9	43,4	7,1
Основное общее образование	0,0	3,6	45,0	45,0	6,3
Среднее (полное) образование	0,0	3,6	45,9	44,1	6,3
Начальное профессиональное	0,0	6,5	45,4	35,2	13,0
Среднее профессиональное	0,0	5,0	41,2	41,2	12,6
Высшее профессиональное	0,0	6,1	43,9	35,1	14,9
Дополнительное образование	0,0	3,8	54,7	29,2	12,3
Содержание образования					
Дошкольное образование	2,0	2,1	33,3	49,6	13,0
Начальное общее образование	0,0	0,0	54,5	40,2	5,4
Основное общее образование	0,0	3,6	54,5	34,5	7,3
Среднее (полное) образование	0,0	4,7	52,8	34,9	7,5
Начальное профессиональное	0,0	6,7	50,5	29,5	13,3
Среднее профессиональное	0,0	6,6	42,6	39,3	11,5
Высшее профессиональное	0,0	4,5	45,9	32,4	17,1
Сеть образовательных учреждений					
Дошкольное образование	0,0	0,0	59,2	26,2	14,6
Начальное общее образование	2,9	13,5	44,2	29,8	9,6
Основное общее образование	0,0	7,6	43,8	37,1	11,4
Среднее (полное) образование	0,0	7,3	45,0	39,4	8,3
Начальное профессиональное	0,0	9,4	46,2	29,2	15,1
Среднее профессиональное	0,0	6,7	41,2	38,7	13,4
Высшее профессиональное	0,0	6,3	42,0	34,8	17,0
Дополнительное образование	0,0	8,0	53,0	24,0	15,0
Кадровый потенциал					
Дошкольное образование	0,0	2,9	50,5	29,5	17,1
Начальное общее образование	0,0	3,7	50,9	34,3	11,1
Основное общее образование	0,0	5,5	49,1	32,7	12,7
Среднее (полное) образование	0,0	7,3	42,2	37,6	12,8
Начальное профессиональное	0,0	3,7	46,7	30,8	18,7

1	2	3	4	5	6
Среднее профессиональное	3,5	3,5	44,3	34,8	13,9
Высшее профессиональное	0,0	0,9	45,8	34,6	18,7
Дополнительное образование	0,0	4,2	52,6	25,3	17,9
Открытость сферы образования					
Дошкольное образование	0,0	10,6	41,3	36,5	11,5
Начальное общее образование	0,0	7,5	42,1	43,0	7,5
Основное общее образование	0,0	7,3	39,4	44,0	9,2
Среднее (полное) образование	0,0	7,3	40,4	43,1	9,2
Начальное профессиональное	0,0	0,0	53,0	33,3	13,7
Среднее профессиональное	0,0	0,8	55,3	30,9	13,0
Высшее профессиональное	0,0	2,7	50,9	25,5	20,9
Дополнительное образование	0,0	2,9	48,1	30,8	18,3

А.Е.Белькова

КОНЦЕПТ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ, ОРГАНИЗУЮЩАЯ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ДЕЛОВОГО ТЕКСТА

Существующие функционально-стилистические подходы к изучению делового текста направлены на выявление стилистико-текстовой организации, обусловленной экстралингвистическими универсалиями.

Экстралингвистические универсалии такие как: *эпистемическая ситуация и концепт* – определяют характер смысловой структуры текстов (научного, художественного или делового).

Е.А.Баженова, М.П.Котюрова в своих исследованиях используют понятие *эпистемической ситуации* – «совокупность взаимосвязанных признаков коммуникативно-познавательной деятельности в единстве составляющих ее онтологического, методологического, рефлексивного и коммуникативно-прагматического аспектов, оказывающих систематическое влияние на формирование научной речи, реализованных в научном тексте и определяющих его композиционно-смысловую и стилистико-речевую структуру»¹. Такой подход позволяет рассматривать научный текст как универсальное экстралингвистическое основание, которое составляет научную картину мира.

В современных исследованиях наряду с понятием *эпистемической ситуации*, используется термин *концепт*, как языковедческое основание.

В отечественной лингвистике термин *концепт* вводится во второй половине XX века и воспринимается как сугубо инородный, требующий углубленных комментариев. Пришедший в лингвистику из математической логики, он наполняет

ся различным содержанием в работах по философии и истории языка, культурологии и лингвокультурологии, литературоведению, этно- и психолингвистике.

К концу XX-го – началу XXI веков выделились два основных подхода к изучению концептов: когнитивный² и лингвокультурологический³.

Когнитивный подход включает в число концептов лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют наивную картину мира носителей языка. Совокупность концептов, концентрирующих в себе основу культуры нации, образует концептосферу данного языка. Концептами, согласно такому подходу, могут быть любые лексические единицы, в значении которых просматривается способ (форма) семантического представления культуры и знаний о мире.

Предметом когнитивной лингвистики является исследование ментальной информации и ментальных процессов, составляющих основу человеческого сознания, а также «ментальные основы понимания и продуцирования речи с точки зрения того, как структуры языкового знания репрезентируются и участвуют в переработке информации»⁴.

Объектом когнитивной лингвистики является язык как источник данных о природе человеческого разума, о протекании непосредственно не наблюдаемых ментальных процессов, об организации сознания и принципах обработки поступающей к человеку информации.

Целью когнитивной лингвистики является объяснение того, как язык участвует в познании мира, в обработке информации, в организации человеческого сознания и мышления. В сферу задач когнитивной лингвистики входит «описание и объяснение когнитивной структуры мышления, ментальных основ понимания и продуцирования речи, при которых языковое знание участвует в переработке информации», а также «системное описание и объяснение механизмов человеческого усвоения языка и принципы структурирования этих механизмов»⁵.

«В рамках когнитивной лингвистики выделяются следующие теории: теория прототипов и категориальная семантика Э.Рош, теория концептуальной метафоры Дж.Лакоффа – М.Джонсона, теория идеализированных когнитивных моделей Дж.Лакоффа, теория структурирования пространства и фонообразования Л.Талми, «ролевая» когнитивная грамматика Р.Лангакера, фреймовые структуры и «грамматика конструкций» Ч.Филлмора, теория языковой лабильности предметных имен Е.В.Рахилиной и др.».

Лингвокультурологический подход относит к числу концептов семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой, отражающие менталитет языковой личности определенной этнокультуры. На наш взгляд, оба этих подхода целесообразно интегрировать для получения наиболее эффективного результата.

В нашей работе под лингвокультурологией мы, вслед за В.В.Воробьевым и О.А.Ипановой будем понимать «комплексную научную дисциплину синтезирующую

щего типа, изучающую взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающую этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления».

Лингвокультурный концепт отличается также и от других ментальных единиц, используемых в различных областях науки (например, когнитивный концепт, фрейм, сценарий, скрипт, понятие, образ, архетип, гештальт, мнема, стереотип), акцентуацией ценностного элемента. Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип.

Структура лингвокультурного концепта трехкомпонентна. Помимо уже названного ценностного элемента, в ее составе могут быть выделены фактуальный и образный элементы. Фактуальный элемент концепта хранится в сознании в вербальной форме и поэтому может воспроизводиться в речи непосредственно, образный же элемент невербален и поддается лишь описанию.

Лингвокультурные концепты могут классифицироваться по различным основаниям. С точки зрения тематики концепты образуют, например, эмоциональную [Красавский 2000], образовательную [Толочко 1999], текстовую [Слышкин 1999] и др. концептосферы. Классифицированные по своим носителям концепты образуют индивидуальные, микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие концептосферы [Лихачев 1997, Карасик 1996]. Могут выделяться концепты, функционирующие в том или ином виде дискурса: например, педагогическом, религиозном, политическом, медицинском и др. [Карасик, Слышкин 2001].

Термин *концепт* не имеет единого толкования в современной научной литературе. В словарях-справочниках по логике термин *концепт* (от лат. *conceptus* «понятие») – понятие или содержание понятия, то же, что и смысл⁶. Большой толковый словарь русского языка раскрывает *концепт* в двух значениях: 1) лог. «содержание понятия» и 2) книжн.=*концепция* в значении «основная мысль, идея произведения, сочинения и т.п.»⁷. Лингвистический энциклопедический словарь приравнивает термин *концепт* к термину *понятие*⁸.

Ю.С.Степанов отмечает: «По своей внутренней форме в русском языке слова *концепт* и *понятие* одинаковы: *концепт* является калькой латинского *conceptus* "понятие" от глагола *concipere* "зачинать", т.е. значит буквально "понятие, зачатие"; *понятие* от глагола *пояти*, др.-рус. *пояти*, *понятии* "схватить, взять женщину в жены" буквально значит, в общем, то же самое»⁹.

Ю.С.Степанов в своей работе рассматривает аспект содержания концепта и в этой связи предлагает свой подход к толкованию структуры концепта – как состоящего из трех слоев-компонентов: «1) основного, актуального признака. В этом "активном" слое концепт существует для всех представителей данной культуры как средство их взаимопонимания и общения; 2) дополнительного или

дополнительных, «пассивных» признаков, в которых концепт актуален лишь для некоторых социальных групп; 3) внутренней формы, или этимологического признака, обычно вовсе не осознаваемых, запечатленных во внешней, словесной форме и открываемых лишь исследователями».

Исследователи в настоящее время сходятся во мнении, что концепты являются единицами сознания, отражающими человеческий опыт в форме той или иной информационной структуры.

С.А.Аскольдов-Алексеев один из первых, кто посвятил лингвистическую работу толкованию понятия «концепт». Автор отметил важное свойство концепта – его вербальную трудноопределимость и ценность: «В проблеме познания это "нечто" носит название "концепта", под которым надо разуметь два его вида: "общее представление" и "понятие" <...> Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода»¹⁰.

Концепты отдельных значений слов, зависящие друг от друга и составляющие некие целостности, Д.С.Лихачев определяет как *концептосферу*. Ученый подводит к выводу, что концепт существует не для самого слова, а для каждого основного (словарного) значения слова отдельно. Д.С.Лихачев считает концепт «алгебраическим» выражением значения, которым мы оперируем в своей письменной и устной речи, т.к. охватить значение во всей его сложности человек не успевает, не может, или интерпретирует его по-своему.

Ю.С.Степанов считает, что концепт имеет сложную структуру, которая определяется строением понятия и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология). «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не "творец культурных ценностей" – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее».

Структурная организация концепта представлена Ю.С.Степановым, который выделяет в нём три слоя. Первый слой составляет его наиболее актуальный компонент, или основной признак в содержании концепта. В этом основном, актуальном признаке концепт и существует для всех пользующихся языком конкретной культуры для взаимопонимания и общения. Второй слой составляют его дополнительные признаки, неактуальные компоненты, это «пассивный», или исторический слой концепта. Данное содержание концепта является актуальным лишь для некоторых социальных групп.

Третий слой концепта составляет его внутренняя форма, то, что обычно не осознается в повседневной жизни, а именно буквальный смысл концепта – его этимология. Для носителей языка этот слой существует опосредовано, как основа остальных значений.

В.В.Красных рассматривает *концепт* с точки зрения психолингвистики текста, которая представляется воплощением интенции психолингвистической

категории. Под концептом автор понимает глубинный смысл, свернутую смысловую структуру текста, являющаяся воплощением интенции и через нее – мотива деятельности автора, приведших к порождению текста.

Н.Д.Арутюнова говорит о концепте как о понятии практической (обыденной) философии, являющемся результатом взаимодействия ряда факторов: национальной традиции, фольклора, религии, идеологии, жизненного опыта, образов искусства, ощущений и системы ценностей. Концепты образуют «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром». Н.Д.Арутюнова полагает, что базой для образования концепта служат лишь те явления реальной действительности, которые становятся объектом оценки, а для того, чтобы оценить объект, человек должен «пропустить» его через себя. Именно этот момент «пропускания» и оценивания является моментом первичного образования того или иного концепта в сознании носителя культуры.

Р.М.Фрумкина, придает термину «концепт» психологическую окраску. Для этого исследователя представляется важной в образовании концепта деятельность индивидуальных сознаний. Рассуждает она следующим образом: «Если концепт – это объект идеальный, т.е. существующий в нашей психике, то естественно, что одному тому же имени (слову) в психике разных людей могут соответствовать разные ментальные образования. Тем самым не только разные языки "концептуализируют", т.е. преломляют действительность по-разному, но и за одним и тем же словом данного языка в сознании разных людей могут стоять разные концепты». Данное высказывание характеризует концепт как представление, чем как понятие. И хотя представление это очень обобщённое, оно всё же «не дотягивает» до понятия (в логическом смысле), которое, как известно, опирается на существенные признаки денотата.

В рамках лингвокультурологического подхода к изучению концептов выделяется концепция А.Вежбицкой, развивающей теорию семантических примитивов. Она предлагает рассматривать концепты как инструменты познания внешней действительности, которые должны быть описаны средствами языка в виде нескольких объяснительных конструкций. А.Вежбицкая допускает, что у всех языков есть общее ядро, которое является врожденным и не зависит от языка. Это общее ядро – мини-язык, основанный на доязыковой концептуальной системе. Только благодаря этому мини-языку, включающему в себя определенный набор элементарных смыслов – семантически неразложимых и универсальных, – семантически неэлементарный концепт может быть представлен и объяснен.

А.Вежбицкая вводит термины *концепт-минимум* и *концепт-максимум*, а под концептом понимает объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий культурно-обусловленное представление человека о мире «Действительность».

А.Вежбицкая исследует метафизические концепты «душа», «истина», «свобода», «дружба», «судьба», «скука» и т.п., ментальные сущности высокой либо предельной степени абстрактности. Смысл данных концептов может быть пред-

ставлен лишь через символ – знак, предполагающий использование своего образного предметного содержания для выражения абстрактного содержания.

В.И.Карасик предлагает следующую классификацию концептов: по его мнению, следует различать индивидуальные, микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие концепты.

Как отмечает В.И.Карасик, понятийная составляющая формируется фактуальной информацией о реальном или воображаемом объекте, служащем основой для образования концепта. Образная составляющая культурного концепта связана со способом познания действительности и не всегда поддается рефлексии. В образный компонент входят все те наивные представления, которые существуют у индивидов в связи с этим концептом. Кроме того, человек формирует свое отношение к миру, предметам, явлениям, ориентируясь на ценности. Именно наличие ценностного элемента отличает концепт от других ментальных единиц (фрейма, сценария, понятийной категории).

П.В.Чесноков, доказывая соотношение терминов слово, понятие, концепт, указал что «понятие и слово принадлежат к формальным планам мышления и языка, взаимно не покрывающим друг друга, тогда как концепт – единица мышления, представляющая целостное нерасчлененное отражение факта действительности»¹¹.

Используя термин «концепт» для номинации «элемента сознания, обозначаемого словом», А.Н.Савченко пишет: «В этой связи нередко говорят о понятии, но это очень неточно, потому что слово может обозначать и не понятие, а обобщенный образ, а если и понятие, то подвергшееся воздействию семантической системы языка и в сочетании с эмоциональной окраской и стилистическими оттенками».

Как можно видеть, в применении к разным частям лексической системы языка термин «концепт» может наполняться неодинаковыми смыслами. К примеру, по отношению к терминологии, видимо, можно поставить знак равенства между концептом и понятием, а по отношению к общеупотребительной лексике этого сделать нельзя: в значении слова воплощаются не все признаки понятия, зато в него входит ряд иных признаков, появление которых обусловлено «отношениями слова к другим» словам и наличием у него «социальной окраски, органически связанной с исторической судьбой звукового комплекса»¹².

В.В.Морковкин и А.В.Морковкина вводят термин *ментально-лингвальный комплекс* – «функционирующая на основе человеческого мозга самоорганизующаяся информационная система, обеспечивающая восприятие, понимание, оценку, хранение, преобразование, порождение и передачу информации». Базовой односторонней единицей *ментально-лингвального комплекса* является информема – информационная целостность, свойствами которой являются полевое строение, подвижность границ, векторность. Информема, прошедшая первичный семиозис, – это именованная информема или концепт. Становясь

концептом, информема является достоянием этнического языка, а язык связывает людей в общность через концепты¹³.

З.Д.Попова и И.А.Стернин предполагают, что концепт как единица структурированного знания имеет подвижную полевую структуру и может получить описание в терминах ядра и периферии. «К ядру будут относиться прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее яркие образы; более абстрактные признаки составят периферию концепта. Периферийный статус того или иного концептуального признака вовсе не свидетельствует о его малозначности или маловажности в поле концепта, статус признака указывает на меру его удаленности от ядра по степени конкретности и наглядности образного представления».

В соответствии с голографической гипотезой считывания информации А.А.Залевской, «концепт есть комплексная мыслительная единица, которая в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами, актуализируя в процессе мыслительной деятельности свои разные признаки и слои; соответствующие признаки или слои концепта могут не иметь языкового обозначения в родном языке человека».

Когда концепт получает языковое выражение, то используемые языковые средства выступают как средства вербализации, языковой репрезентации, языкового представления, языковой объективации концепта.

Концепт репрезентируется в языке:

- готовыми лексемами и фразеосочетаниями из состава лексико-фразеологической системы языка, имеющими «подходящие к случаю» схемы;
- свободными словосочетаниями;
- структурными и позитивными схемами предложений, несущими типовые пропозиции (синтаксические концепты);
- текстами или совокупностями текстов (при необходимости экспликации или обсуждения сложных, абстрактных или индивидуально-авторских концептов).

В.В.Колесов, считает, что концепт – исходная точка семантического наполнения слова и одновременно – конечный предел развития: «Концепт есть то, что не подлежит изменениям в семантике словесного знака, что, напротив, диктует говорящим на данном языке, определяя их выбор, направляет мысль, создавая потенциальные возможности языка-речи»¹⁴.

А.Г.Лисицин раскрывает *концепт* в двух значениях: 1) первоначальное представление, стимулирующее порождение слова 2) слово духовной культуры.

При исследовании художественных текстов М.Р.Проскураков используется концепт как универсальное экстралингвистическое основание. Автор отмечает, что «взаимообусловленность разных типов анализа в реконструкции ментального пространства текста способна выявить организующую это пространство роль концепта, который понимается в динамическом аспекте как явление, соединяю-

щее в себе логические, культурологические и лингвистические характеристики, развивающиеся в линейной прогрессии текста»¹⁵.

Однако с помощью понятия «концепт» может быть отражена не только духовная, но и материальная сторона бытия. Так, например, А.П.Бабушкин дает такое определение понятия «концепт»: «целостное идеальное содержание разной степени яркости и четкости, в котором так или иначе отражаются знания человека о фактах материального и духовного бытия».

Е.И.Зиновьева, анализируя деловые тексты записных кабальных книг Московского государства XVI – XVII вв., также использует понятие «концепт». Важными являются положения автора о том, что «Концепт – воспроизводимая базовая односторонняя единица ментальной сферы. Образ, понятие, символ – единицы, также относящиеся к ментальной сфере. <...> Концепт может быть основан как на образе, так и на понятии и символе, нельзя употреблять термины *концепт* и *понятие* как равнозначные. <...> Концепт – это внутренняя форма слова; относительно же понятия *концепт* – это содержание понятия, которое, постепенно развиваясь, обрастает объемом. <...> Концепты определенного национального языка в своей целостности, взаимосвязи и взаимообусловленности составляют концептосферу языка в определенную эпоху.

Традиционно считается, что не все лексические единицы в равной мере передают информацию языковой картине мира.

В научной литературе подвергаются разбору «следующие лексические сферы:

- 1) слова, соответствующие универсальным философским концептам – *правда/истина, свобода/воля, долг/обязанность, добро/благо*;
- 2) понятия, специальным образом выделенные в русской языковой картине мира – *судьба, душа, жалость* и др.;
- 3) уникальные русские концепты – *тоска, удаль*;
- 4) "мелкие" слова как выражение национального характера — *авось, небось* и др.»¹⁶.

Термин *концепт* связан с метафизическим термином «языковая картина мира».

«В зависимости от аспектов и объема мира действительности, отображаемого языковой картиной, различаются глобальная картина мира, универсум (мир в полноте и целостности) и локальная картина мира (мир в одной из его составляющих, фрагмент мира). Наблюдается тенденция отображения в первую очередь локальных картин мира»¹⁷.

Фрагментом языковой картины мира (вслед за Яковлевой Е.С. и Зиновьевой Е.И.) мы будем называть совокупность моделей, дающих разные интерпретации одного и того же понятия. При этом языковая модель относится не к языковым средствам, а, что важно, к экстралингвистическим результатам: пространству, времени, человеку, концептуализированным с помощью языковых средств.

«В настоящее время дефиниции термина *концепт* различны и раскрываются через «понятие» («концепт – понятие»), «смысл» («концепт – то же, что и смысл»).

В своем исследовании мы используем (вслед за Е.И.Зиновьевой) термины *понятие* и *лексическое значение слова*, вкладывая в них традиционное содержание: *понятие* «мысль, отражающая в обобщенной форме предметы и явления действительности, посредством фиксации их свойств и отношений; свойства и отношения выступают в понятии как общие и специфические признаки, соотносенные с классами предметов и явлений»; *лексическое значение слова* «содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении».

Концепт образуется и функционирует в силовом поле между значением слова и смыслом понятия, где значение слова – отношение словесного знака к содержанию понятия, его сигнификат, а смысл понятия – отношение объема понятия к референту.

Анализ научной литературы показал, что внимание ученых привлекают следующие моменты:

1. Аспекты исследования концептов (различные подходы к изучению концептов внутри одного аспекта).

2. Проблематика исследования концептов:

- уточнение понятия концепта;
- соотношение понятий концепт – смысл – значение;
- место концепта в ряду других ментальных / когнитивных / концептуальных структур репрезентации знаний о мире;
- способы языковой репрезентации концептов;
- структура концепта;
- методы (методика) исследования концептов;
- разработка общей типологии концептов (культурные концепты, базовые и др.);
- национально-культурная специфика концептов.

Итак, нами концепт рассматривается как универсалия, соединяющая в себе экстралингвистические и лингвистические характеристики, развивающаяся в линейной прогрессии текста; организующая структуру и систему смысла делового текста, влияющая на его жанрово-стилевые особенности и эксплицируемая через доминирующие лексические множества.

В метрических книгах Тюменского Духовного Правления XIX века отражена местная концептосфера, связанная с локальной картиной мира, его фрагментом – культовой регистрацией, удостоверяющей события *крещения (рождения), венчания (брака), погребения (смерти)* конкретных лиц в виде хронологических записей в книжной форме.

Ментальный анализ лексем, входящих в состав формул метрических книг г.Тюмени, позволяют говорить о некоторых общих закономерностях отражения определенных фрагментов языковой картины мира.

Опираясь на данные проанализированных научных источников, при описании содержания концептов «рождение», «бракосочетание», «смерть» в качестве основополагающих мы приняли следующие положения:

1) система культурно-национального миропонимания передается из поколения в поколение с помощью языковой картины мира, которая опосредована культурным знанием;

2) фундаментальную основу картины мира составляют концепты, которые понимаются как дискретная содержательная единица ментального лексикона, отражающая предметы и явления реального или идеального мира, хранящаяся в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде, служащая для передачи информации об окружающем мире, определяющая национальное своеобразие языковой картины мира;

3) язык признается самым простым способом формирования концептов и самым доступным средством их анализа;

4) репрезентантами концепта в языке выступают равноуровневые языковые средства (лексические, словообразовательные, стилистические, грамматические), а также средства прагматики, социокультурные, психологические и т.д.;

5) концептуальный анализ заключается в том, чтобы через изучение репрезентантов исследуемого концепта установить связь явления, стоящего за ним, со знаниями об окружающей действительности и определить содержание концепта как единицы ментального лексикона.

Как семантическое пространство языка, так и концептосфера однородны по своей природе, это мыслительные сущности.

Концептосфера – область мыслительных образов, единиц универсального предметного кода, представляющих собой структурированное знание людей, их информационную базу, а «семантическое пространство языка – часть концептосферы, получившая выражение (вербализацию, объективацию) в системе языковых знаков – слов, фразеосочетаний, синтаксических структур, и образуемая значениями языковых единиц»¹⁸.

Проблема межкультурных несовпадений является центральным вопросом языкознания, изучающего предметы и явления, уникальные для отдельной культуры.

Примечания

¹ Баженова Е.А. Научный текст как система субтекстов. Автореферат дис. доктора филол. наук. Екатеринбург, 2001. С. 19.

² Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. – М., 1996; Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996; Лихачев Д.С. Смех как мировоззрение // Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. СПб., 1997. С. 342 – 403; Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология. М., 1997; Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные дей-

ствия. – М., 1993. С. 3–6; Арутюнова Н.Д. Практическое рассуждение и язык // Сущность, развитие и функции языка. М., 1987; Попова З.Д., Стернин И.А. Язык как национальная картина мира. Воронеж, 2000. 59 с.; Попова З.Д., Стернин И.А. Язык как национальная картина мира. Воронеж, 2000. 59 с.

³ Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград – Архангельск, 1996; Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001; Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И.А.Стернина. Воронеж, 2001. с. 75–80; Красавский Н.А. Эмоциональная концептосфера немецкого языка (этимологический анализ базисных номинантов эмоций) // Языковая личность: проблемы креативной семантики. Волгоград, 2000; Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград – Архангельск, 1996; Степанов Ю.С. Альтернативный мир: Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века. М., 1997; Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 2001.

⁴ Ипанова О.А. Концепт «жизнь» в русской языковой картине мира: Лингвокультурологический и лексикографический аспекты: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / С.-Петербург. гос. ун-т. С. 16.

⁵ Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. М., С. 53.

⁶ КСЛ – Горский А.П., Ивин А.А., Никифоров А.Л. Краткий словарь по логике. М., 1991. С. 80.

⁷ БТС – Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998. С. 454.

⁸ ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 384.

⁹ Степанов Ю.С. Альтернативный мир: Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века. М., 1997. С. 40.

¹⁰ Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. / Под ред. проф. В.П. Нерознака. М., 1997. С. 268.

¹¹ Чесноков П.В. Слово и соответствующая ему единица мышления. М., 1967. С. 25.

¹² Савченко А.Н. Язык и система знаков // Вопросы языкознания. 1972. № 6. С. 21–32.

¹³ Морковкин В.В., Морковкина А.В. Язык, мышление и сознание et vice versa // Русский язык за рубежом. 1994. №1.

¹⁴ Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986; Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова»... СПб., 1999.

¹⁵ Проскуряков М.Р. Концептуальная структура текста: лексико-фразеологическая и композиционно-стилистическая экспликация. Автореферат дис. ... доктора филол. наук. СПб., 2000. С. 17.

¹⁶ Зиновьева Е.И. Записные кабальные книги Московского государства XVI – XVII веков. Структура. Лексика. Фразеология. СПб., 2000. С. 124.

¹⁷ Баракова О.В. Таможенные книги Московского государства XVII века: структура, языковое оформление // Монография. М., С. 49.

¹⁸ Савельева О.Г. Концепт «еда» как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты (на материале русского и английского языков). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Краснодар, 2006. С. 14.

РЕГИОН КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО: СТРУКТУРА, КОММУНИКАЦИИ, ЦЕННОСТИ

В современных отечественных гуманитарных исследованиях отчетливо выражено стремление рассматривать регион не только в качестве единицы географического пространства, но и как особое социально-пространственное образование с той или иной артикуляцией (политической, производственно-экономической, культурной)¹.

Подобные подходы тем более оправданы, когда речь заходит об истории региона, о его генезисе. К одному из методологических подходов, дающих возможность комплексного рассмотрения социокультурных особенностей территории региона, можно отнести концепцию культурного ландшафта. Несмотря на отсутствие однозначной трактовки понятия «культурный ландшафт» в современной науке, в наиболее общих чертах, под ним можно понимать комплекс как материальных, так и духовных форм культуры (включая особенности жизненного уклада того или иного сообщества), сформировавшихся в процессе освоения территории. Очевидно, что подобный подход во многих случаях помогает избежать крайностей «одномерных» трактовок пространства культуры, рассматриваемого отдельными дисциплинами, к примеру, лишь в качестве совокупности материальных артефактов или социально-демографических процессов.

На формирование концепции культурного ландшафта значительное влияние оказало выделение И.Кантом в системе научных знаний хронологических направлений, изучающих пространственные закономерности бытия. Развивая данный подход, К.Риттером был обоснован, ставший революционным для географии, хронологический принцип, по сути, превращавший ее из «науки о размещении объектов, в науку о заполнении пространства»².

В начале XX века в научный лексикон США, Европы и России понятие «культурный ландшафт» почти параллельно начали вводить К.Зауэр, О.Шлютер и Л.С.Берг³. Первоначально под ним преимущественно подразумевались лишь материальные результаты антропогенной деятельности, противопоставленные «неокультуренной» природной среде. Однако к концу столетия в понятие «культурный ландшафт» многие исследователи все чаще стали включать слой нематериальной (духовной, идеальной) культуры⁴. Развивая данный подход, современные исследователи соотносят закономерности формирования культурных ландшафтов не только с характером преобразования природы, но и с субъективными процессами наделяния человеком среды его обитания атрибутами ценностей и смыслов культуры. Подобное понимание культурного ландшафта послужило отправной точкой к применению в его рефлексии методологических подходов, привнесенных из таких направлений философии, как феноменология, герменевтика, аксиология, структурализм и др. Так, В.Л.Каганский, определяя

свой исследовательский метод как герменевтику ландшафта, осуществляет посредством него своеобразное прочтение общества по объективированным на поверхности определенных участков Земли результатам его деятельности. Опираясь на него, автор утверждает: «Всякое земное пространство, жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей – культурный ландшафт, если это пространство одновременно цельно и дифференцировано, а группа освоила это пространство утилитарно, семантически и символически»⁵.

Любой культурный ландшафт можно рассматривать в качестве своеобразного «произведения», созданного жизненным укладом определенной социокультурной общности. Поэтому жизнедеятельность культурного ландшафта в первую очередь поддерживается за счет различных форм актуализации специфических социальных и культурных ценностей, присущих формирующему его сообществу.

Маршруты освоения, по которым распространялись определенные культурные ценности и связанные с ними прототипы образа жизни можно рассматривать в качестве своеобразных «силовых линий», во многом, определяющих специфику культурного ландшафта того или иного региона.

В данной работе предпринята попытка с этих позиций проследить социокультурную доминанту становления регионов, сложившихся на территории Урала и Западной Сибири в ходе поэтапного освоения и формирования соответствующих слоев культурного ландшафта: промыслового, аграрного, промышленного, нового индустриального. Одним из способов реконструкции этих слоев является ретроспективный анализ маршрутов освоения, предпринятый опять-таки не только в географическом, но и в ценностно-смысловом измерении.

В истории колонизации обширной и слабозаселенной территории Сибири решающую роль играли сухопутные и водные маршруты освоения. Первоначально их эскиз намечался строительством опорных острогов, в задачи которых входил набор несложных военно-оборонительных и представительских функций. Однако в скором времени начинался процесс обживания нового маршрута, формирования определенных устоев хозяйственной и духовной жизни, служивших образцами для наследования и распространения. Тем самым маршруты колонизации в контексте формирования культурного ландшафта можно рассматривать и более широко – как коммуникации освоения, соединяющие в себе целый ряд моментов, но главным образом, путей сообщения и человеческого общения. И если первый имеет очевидное географическое измерение, то второй обладает определенной территориальной привязкой в силу сложившегося на данном месте образа жизни локальных сообществ.

При этом освоение пространства, представленное различными структурно-коммуникативными способами (маршрутно-каркасный или же фронтальный), особым образом организует его практическую значимость и ценностную специфику. То есть можно вести речь о пространственной концентрации образцов освоения и соответственно о теоретической реконструкции культурного ланд-

шафта как в плане аксиологии, так и в плане праксиологии. И если праксиологический аспект освоения связан с практическим смыслом деятельности, посредством которой реализуются те или иные цели материального порядка, с эффективностью этих целей, то аксиологический аспект – это прежде всего ценностно-смысловое содержание освоения и как целостного процесса и в плане всего спектра решаемых задач.

С этих позиций нами была осуществлена ретроспективная реконструкция ряда процессов освоения, оказавших влияние на социокультурную специфику современных регионов, расположенных на территории Урала и Сибири.

В ранних этапах русского освоения Сибири (конец XVI – XVII вв.) наибольшее значение имел так называемый «Сибирский путь» – комплекс первых сухопутных и водных транссибирских маршрутов. На нем было расположено большинство городов и острогов, сыгравших важную роль в закреплении за русским государством его новых восточных рубежей (Чердынь, Соликамск, Верхотурье, Тюмень, Тобольск, Тара, Енисейск, Иркутск, Ленский острог (Якутск) и др.). Данный маршрут можно рассматривать в качестве своеобразного коммуникативного канала, посредством которого на территорию Сибири привносились определенные прототипы духовной и хозяйственной жизни, начинавшие формировать ее социокультурное пространство. Ценностный характер освоения, осуществлявшегося по этому маршруту, в большинстве случаев соответствовал специфике доиндустриального общества, в котором доминировали промысловые и аграрные формы хозяйствования. Как правило, подобному обществу присущи близкие к архаическим ценностные инварианты культуры, выраженные в высоком значении традиций, доминировании религиозных институтов над светскими, преобладании общинных поселенческих моделей, со свойственными им механизмами этической саморегуляции. Для поселений, возникших в результате доиндустриального освоения характерна органичная вписанность в окружающую природную среду при незначительном антропогенном воздействии на нее, что было свойственно первым сибирским городам.

В общих чертах можно сделать следующие выводы о характере освоения, доминировавшего в этот период русской колонизации территории Урала и Западной Сибири.

С точки зрения праксиологии освоения, ее основные цели заключались в развитии на новых территориях промысловых типов хозяйствования, направленных на присвоение их природных ресурсов, имевших высокую стоимость и важное стратегическое значение для метрополии (пушнина, соль и т.д.).

В характере аксиологии освоения того периода можно выделить несколько доминирующих черт. Во-первых, это склонность многих первопроходцев, казаков, купцов, гулящих людей той эпохи к поиску новых, неосвоенных территорий для реализации своих духовных и нравственных жизненных идеалов. Данная черта была особенно характерна для населения Русского Севера. Его высокая пространственная мобильность и склонность к первопроходчеству объяснялась

практическим отсутствием на его территории, прикреплявшего крестьянство к одному месту крепостного права, суровыми природными условиями, стимулировавшими развитие дальних промыслов и торговых связей⁶. Еще одной важной чертой аксиологии освоения этого периода можно назвать стремление к своеобразной "сакрализации" осваиваемых территорий путем утверждения на них наиболее важных атрибутов русской государственности и духовной культуры, обоснования провиденциального характера их присоединения к Руси (эта тенденция хорошо «прочитывается» в таких исторических источниках, как «Кунгурская» летопись С.У.Ремезова). Данный процесс можно считать важной предпосылкой к началу формирования своеобразного регионального самосознания на территории Сибири.

XVIII столетие ознаменовалось началом ряда экономических и социокультурных процессов в значительной степени изменивших как географию коммуникаций, так и ценностный характер освоения территории Сибири.

В это время на смену «Сибирского пути» приходит, прошедшая на несколько сотен километров южнее, новая система сухопутных транссибирских трактов. Этот маршрут объединил ряд крупных промышленных и аграрных центров (Пермь, Кунгур, Екатеринбург и др.), постепенно начинавших вытеснять с исторической сцены ранние форпосты освоения Урала и Сибири.

Предпосылки этих сдвигов следует искать в проведении в жизнь реформ Петра I. В 1710-х годах благодаря принудительным мерам Петра, направленным на развитие торговли в Петербурге, был наложен запрет на транспортировку через архангельский порт наиболее важных товаров. Данная политика способствовала резкому падению экономического значения сыгравших важную роль в ранних этапах освоения Сибири торговых центров Русского Севера, общение с которыми осуществлялось по «Сибирскому пути» (Великий Устюг, Тотьма, Каргополь, Сольвычегодск).

Одним из решающих факторов, повлиявших на характер изменения транссибирских маршрутов освоения, стало формирование в этот период крупных промышленных центров на Урале.

В отличие от прежних городов-острогов, выполнявших преимущественно административные, торговые и военно-оборонительные функции, организующими доминантами новых типов поселений нередко становились заводы. Главенствующую роль в их социальной жизни брали на себя новые светские институты, такие, как Берг-коллегия, Горная канцелярия и др. В культурном ландшафте построенных в XVIII веке крупнейших центров экономической и культурной жизни Урала – Екатеринбурга и Перми можно проследить воплощение целого ряда новых градообразующих стандартов, впервые получивших развитие в Петербурге, городе, в котором были заложены «основы принципиально иной поселенческой организации со своими смыслообразующими и коммуникативными центрами»⁷.

В строящихся с начала XVIII века городах-заводах получили развитие процессы рационализации и секуляризации их культурного ландшафта, стремление подчинить силы природы практическим задачам производства. В результате, к концу XVIII столетия на территории Урала была сформирована специфическая система расселения, представляющая собой разветвленную сеть городов-заводов. Историк и этнограф П.С.Богословский называл ее в своих работах «уральской горнозаводской цивилизацией», тем самым, делая особый акцент на ее рассмотрение в качестве самобытного региона, возникшего в результате промышленного освоения. Помимо его выдающегося производственно-экономического значения он включал в это понятие ряд уникальных социокультурных черт, характерных для живущего в нем сообщества⁸.

В дальнейшем промышленные черты освоения продолжали формировать не только экономический, но и социокультурный облик Уральского региона. Воплощаясь в разные организационные и технологические облики процессы индустриального освоения, разворачивавшиеся на его территории, сохраняли свои специфические ценностные инварианты.

Праксиологию освоения, доминирующую в региональных сообществах индустриального типа, в общих чертах можно свести к практическому преобразованию окружающей среды, преследующему задачи производства определенных материальных благ. М.Вебер, одним из первых сформулировавший концепцию индустриального общества подчеркивал значимость в его системе ценностей формально-рационального начала⁹. Его аксиологическую актуализацию можно проследить в специфических поселенческих моделях, возникающих в результате индустриального освоения. На смену присущих доиндустриальным сообществам, передаваемых посредством традиций синкретических знаний и навыков, необходимых для поддержания жизнедеятельности и культуры популяции, в индустриальном обществе происходит строгая дифференциация областей знаний и профессиональных сфер. В связи с этим появляются специфические системы ценностей, присущие тем или иным отраслям деятельности, профессиям. Определяющее место в жизни индустриального общества начинают играть организации. В качестве общественной формации, осуществляющей освоение, вместо общины выступает коллектив.

Наиболее ярко выраженным примером актуализации праксиологических и аксиологических аспектов индустриального освоения в масштабах отдельно взятого региона, стало новое индустриальное освоение территории Тюменского и Томского Севера. В случае горнозаводского Урала промышленное освоение, как правило «произрастало» из сложившейся здесь ранее аграрной среды. Большинство его агентов, участвовавших в производственном процессе, были приписанные к заводам крестьяне, позднее – сельские жители, переезжавшие в город¹⁰. Начавшееся в 1960-е годы новое индустриальное освоение северных районов Западной Сибири складывалось по принципиально иной схеме. Здесь на слабозаселенных или практически безлюдных территориях первоначально

была сформирована матрица производственного комплекса. Ее пространственная структура была намечена строительством рабочих поселков, расположение которых было «привязано» к крупным месторождениям. Первоначально их население отличалось значительной «текучестью», пространственной мобильностью и преимущественно состояло из приехавших из разных уголков страны приглашенных специалистов и вахтовых рабочих. Данное обстоятельство определило то, что социальный фактор в них был представлен преимущественно организацией, и в значительно меньшей степени коммуникацией¹¹. Однако в скором времени начался процесс своеобразного обживания зоны нового освоения, в котором важную роль играли коммуникативные факторы. На уровне человеческого общения здесь имел место процесс постепенной инверсии от формально-организационных форм межличностных взаимодействий к непосредственным контактам. На уровне наземных коммуникаций шел процесс формирования опорного каркаса, объединяющего расположенные на значительном удалении узловые центры освоения¹².

Процесс урбанизации территории Тюменского Севера способствовал постепенному перерождению первоначальных ценностей ее освоения. На ранних этапах, ценностная парадигма освоения региона носила преимущественно мононаправленный характер. В первую очередь она сводилась к созданию производственного комплекса, призванного любой ценой обеспечить интенсификацию добычи полезных ископаемых. Поэтому многие поселения, возникшие в период нового индустриального освоения, отождествлялись с сугубо утилитарными функциями и, по сути дела, не были рассчитаны на длительное проживание в них людей. Процесс обустройства возникших городов и рабочих поселков, связанный со строительством жилых районов, социальной инфраструктуры, появлением учреждений образования и культуры, стал своеобразным индикатором формирования новой региональной общности индустриального типа. Невольным образом он способствовал усложнению освоенческих ценностей, началом которого стало повышение общественного внимания к комплексу специфических для данного региона экологических, социальных и культурных проблем.

Несмотря на то, что сегодня ресурсодобывающая отрасль продолжает играть решающую роль в экономической и социальной жизни региона, в нем все большее внимание начинает уделяться поиску альтернативных путей их развития. Среди них можно выделить попытки возврата к традиционным ценностям доиндустриального освоения и тенденции к формированию постиндустриального сектора социально-экономического развития. Говоря о первом варианте, можно привести примеры возрождения заповедных территорий (родовых угодий) для ведения традиционного жизненного уклада коренных народов Севера или случаи, когда приехавшие когда-то на Тюменский Север бывшие участники его индустриального освоения начинают перенимать опыт промыслового хозяйствования его старожильческого населения¹³. Второй путь подразумевает развитие непромышленного (постиндустриального) сектора социально-экономи-

ческой жизни региона, включающего образование, информационные технологии, различные виды сервисных услуг и т.д.

Данные тенденции можно рассматривать в качестве индикатора диверсификации ценностной парадигмы развития региона. Этот процесс включает в себя не только появление новых, но и возрождение некоторых старых ценностей освоения в социокультурном пространстве региона. Примером этого может служить возрастающий в последнее время интерес к развитию обойденных стороной индустриальным освоением территорий, обладающих высоким экологическим или рекреационным потенциалом. Все большее значение в качестве духовных и историко-культурных центров регионов приобретают исторические города, расположенные на ранних маршрутах освоения территории Урала и Сибири (Чердынь, Соликамск, Верхотурье, Тобольск). Несмотря на то, что некоторые исторические маршруты или фронтирные зоны освоения давно прекратили свое существование («Сибирский путь» XVII – первой половины XVIII вв., «засечные линии», расположенные на территории Южного Урала и Западносибирской равнины, некоторые маршруты старопромышленного освоения Среднего Урала и т.д.) в социокультурном пространстве современных регионов они продолжают имплицитно присутствовать в качестве своеобразных «силовых линий», репродуцирующих специфические культурные ценности.

Подобное понимание социокультурного пространства региона невольным образом свидетельствуют о необходимости пристального изучения взаимодействий в нем разных исторически-сложившихся ценностей освоения. Одна из его актуальных проблем состоит в поисках путей к тому, чтобы социокультурные различия внутри региона играли не деструктивную, а созидательную роль в его развитии. Для решения этой задачи, в адаптированном виде, может представлять интерес концепция поляризованного ландшафта, сформулированная Б.Б.Родоманом. В ней автором была предложена идеальная модель культурного ландшафта территории, построенного по принципу пропорционального чередования различных функциональных зон (административных, промышленных, историко-культурных, селитебных, рекреационных и т.д.), не только гармонично дополняющих, но и «работающих» друг на друга. Как было отмечено Б.Б.Родоманом: «не только наличие каких либо природных и культурных богатств, но и различия их от места к месту сами по себе являются важными ресурсами»¹⁴. При таком подходе становится очевидным, что залогом сбалансированности и гармоничности социокультурного пространства региона является его ценностное разнообразие, дополненное наличием как разветвленной сети транспортных «кровеносных артерий», так и «нервной системы», состоящей из разносторонних культурных коммуникаций.

Примечания

¹ Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. / Под ред. А.И. Трейвиша и С.С. Артоболевского. М., 2001. 296 с.; Регионы и регионализм в странах Запада и России. М., 2001. 260 с.; Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. Издательство: ГУ ВШЭ. М., 2006. – 792 с.; Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы. Под ред. Н.И.Лапина, Л.А.Беляевой. М., 2006. 325 с.; Аванесова Г.А., Астафьева О.Н. Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика. М., 2004. – 314 с.; Стрелецкий В.Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии. // Известия РАН. Серия географическая, 2003, №2, С. 114–120.

² Стрелецкий В.Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии. // Известия РАН. Серия географическая, 2003, №2, с. 114–120; Замятин Д.Н. Моделирование географических образов. Пространство гуманитарной географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. – 256 с.

³ Берг Л.С. Предмет и задачи географии // Изв. РГО, 1915. Т. 51. Вып. 9. С. 463–465.; Sauer K. Morphology of Landscape // University of California/ Publications in Geography. 1925, Vol. II, №2.

⁴ Культурная география. М., 2001. 192 с.; Веденин Ю.А. Культурный ландшафт как объект наследия. М., СПб., 2004. 620 с.; Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. М., 2001. 576 с.; Калущков В.Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения. М., 2000. 94 с.

⁵ Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. М., 2001. С. 24.

⁶ Булатов В.Н. Русский Север. Архангельск, 1998. 352 с.; Добрыднев В.А. Поморье и колонизация Западной Сибири: конец XVI – начало XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Архангельск, 2003. 25 с.

⁷ Ганопольский М.Г. Региональный этос: истоки, становление, развитие. Тюмень, 1998. С. 90.

⁸ Баньковский Л.В. Сад XVIII века. Соликамск, 2001. С. 20.

⁹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. 804 с.

¹⁰ Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия. М., 2000. 261 с.

¹¹ Ганопольский М.Г. Региональный этос: истоки, становление, развитие. Тюмень, 1998. 160 с.

¹² Ганопольский М.Г., Литенкова С.П. Структура расселения в Тюменской области: особенности генезиса и перспективы развития // Известия РАН. Серия географическая. 2005. № 3. С. 56–62.

¹³ Налетов А.М. Взаимодействие была коренных малочисленных народов Севера и культуры переселенцев в современных условиях. Автореф. дис. канд. философ. наук: 24.00.01 / Тюм. гос. ун-т. Тюмень, 2005. 22 с.

¹⁴ Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 24.

ОСНОВНЫЕ ФЕМИНИСТСКИЕ ПОДХОДЫ К «ПРИРОДЕ ЖЕНЩИНЫ»

Актуализация философского интереса к теориям о человеке сегодня очевидна. Обострение потребности переосмысления их оснований вызваны комплексом причин. Среди них философы отмечают «объективные противоречия между человеком и природой (экологический кризис), самим собой (кризис идентичности), социальными групп с социумом (кризис коллективной идентичности)» и др.¹

Обратимся к рассмотрению различных подходов к решению вечной «проблемы человека» в новом философском поле, которое в конце XX столетия отчетливо заявлено в теории феминизма. Открытие феминистской теорией гендерного измерения – универсальной значимости половой принадлежности человека во всех сферах деятельности его социокультурного бытия – позволило обнаружить половую асимметрию в философском изучении человека, обнаружить то, что половина человечества всегда находилась на «обочине» философского внимания. Осмысление причин данной иерархии теоретических интересов и преодоление ее – одна из основных задач философии феминизма.

Процесс «перемещения» бытийных проблем женщин с «обочины» в *центр* философского внимания, выявление *других* онтологических оснований жизни женщины – основной философский сюжет феминистской теории. Постановка в теории феминизма вопроса о природе женщины и разработка тех культурных перспектив, которые возникают в результате реализации возможностей женской природы, могут существенно повлиять на изменение внутреннего строя социокультурного пространства человеческого бытия. Именно поэтому достижения в этой области философии феминизма позволяют отнести ее к фундаментальным тенденциям современного общественнознания.

Приведем типологический анализ различных точек зрения, ракурсов видения проблемы природы женщины и тех культурных перспектив, с которыми связано это переосмысление в гендерной парадигме мышления.

Различия в феминистских подходах к рассмотрению «природы женщины» связаны, в частности, с использованием разных исследовательских технологий: марксистского анализа, феноменологического и психоанализа, дискурсивных практик. Главной целью феминистских исследований природы женщины является снятие пресловутой философской дихотомии «женщина – природа, мужчина – культура» и определение ее культурных потенций, в основу типологического анализа проблемы кладется определение перспектив, с которыми связывается реализация «женского» в социальном пространстве. Не будем упускать из виду также и то, как отражаются в современных течениях феминистской мысли и другие направления вытеснения «женщины» за пределы «человека» – «особенности» женской биологии (тело) и ментальности (разум). На самом деле, соот-

ношение этих понятий: мужчина/женщина – культура/природа – разум/тело – неразрывные звенья одной цепи, на переосмыслении которой базируется философская антропология феминизма. На этом основании можно выделить три основные позиции – три группы авторов, высказывающихся по этой проблеме.

Первая из рассматриваемых позиций состоит в утверждении, что природы женщины как таковой, в чем-то отличной от мужчины, просто не существует. На самом деле, женщина «от природы» наделена такими же способностями и может выполнять все социальные и культурные функции, которые всегда считались прерогативой только мужчин. Эту точку зрения поддерживает группа авторов – основоположница С. де Бовуар, Д.Батлер, Б.Фридан, Т. Де Лаурентис, К.Хорни, Мари О.Брайн, Д.Диннерстайн, С.Файерстоун, Дж.Аллен и в какой-то мере Адриенн Рич. В патриархальной системе, по мнению А.Рич («Женщиной рожденный», 1977), статус женщины как существа, рожаящего детей, был сделан главным фактором ее жизни, и «тело оказывалось тюрьмой для женщины». С точки зрения С. де Бовуар («Второй пол»), С.Файерстоун и Дж.Аллен, активисток данной группы, также получается, что женщина «телесно» ущербна (как пишет Суламифь Файерстоун в своей книге «Диалектика пола»: «Если природа сделала женщину отличной от мужчины, то общество сделало ее отличной от человека»). Ее тело по отношению к телу мужчины оказывалось по сути проявлением «естественного неравенства», ее «бременем», делающим женщину *более* природной, *менее* социальной, когда она вынашивает, рождает и воспитывает. Их крайняя позиция выразилась в том, что «материнство уничтожило женщину, и поэтому оно ... должно быть искоренено, материнство опасно для женщин, потому что оно ... отрицает возможности развития для женщины личного творчества»². И поэтому необходима социальная модификация, «подправление» женского тела для достижения подлинного равенства полов, их равноценности в социокультурной сфере, что и призваны сделать новые репродуктивные технологии, например, внематочное размножение. Радикальные феминистки верят, что гендерное разделение обусловлено биологией и, следовательно, видят единственное решение в лесбийском сепаратизме. Чтобы матери могли стать полноценно активными гражданками и работницами, могут потребоваться более гибкие системы организации труда, коллективное обеспечение ухода за детьми и участи в нем мужчин или комбинация всех трех факторов³. Будущее за андрогинным обществом, считают представительницы данного направления. Доведенная до крайности, эта позиция может лишит феминизм всякого смысла и содержания, не признавая значение объединяющего опыта, возможности коллективного действия.

Анализируя работы другой группы авторов, мы обнаруживаем, что они подходят к этой проблеме иначе. Они считают, что женщина не есть природный «абстракт», она несет в себе «совокупность общественных отношений»⁴. Их выкладки близки теориям Маркса и Фрейда. Философские идеи авторов данного направления легли в основу университетских программ «Женских исследова-

ний» (Women's studies)⁵. Это, пожалуй, самое «результативное» направление в плане социальных последствий. Женщины-авторы данной позиции 1) отстаивают идею «второй природы» женщины: Д.Гримшоу, Н.Холмстром, К.Макмиллан, К.Гиллиган; 2) разрабатывают концепцию «женской этики»: Н.Ноддингз, С.Раддик; 3) Д.Бенджамин исследует вопрос об историческом формировании особой женской природы и «мужского рационализма», в основе чего лежит установка на единение с миром («я есть ты» – формула женского восприятия, и «я не есть ты» – мужская формула).

Итак, с точки зрения рассматриваемой теоретической позиции «природа женщины» – продукт социально-практической деятельности женщины. На протяжении веков она несла ответственность за микромир интимно-семейной жизни, отсюда – особенности женской ментальности, ее мировосприятия, мышления и чувствования. «Другой голос» женщины – это не голос «природы», особенной женской физиологии, телесной организации. В отличие от авторов первой группы эти теоретики «слышат» звучание «женского голоса» не как искажение (мужского), а в его самоценной значимости и убеждены, что возможна другая, женская «проекция» в культуре. Сегодня в этой связи пишут о новой этике, экологии, о женском типе бизнесмена и политика, ученого и философа.

Тема женского тела – одна из центральных в феминистских исследованиях. Представители третьей позиции переосмысливают традиционное к нему отношение. Э.Гросс, Дж.Купферман отмечают, что всегда имели место две противоположные идеи: с одной стороны женское тело есть нечто «нечистое» (кровоточащее), испорченное и развращенное, опасные «ворота дьявола» для мужчины; с другой – как мать, женщина есть нечто святое, чистое, асексуальное; и физическое основание материнства – то же самое тело, нечистое и опасное, есть единственная судьба женщины и ее оправдание. В противовес «андроцентристскому» подходу Симоны де Бовуар, предающему полному забвению «телесную сущность женского мировосприятия», которое и составляет природу женщины, представляет интерес книга А.Рич «Женщиной рожденный», где звучит гимн женскому телу. А.Рич считает наиболее характерной особенностью женского восприятия способность «мыслить через тело». Автор убеждена, что «переосмысление патриархальных воззрений приведет к взгляду на женскую биологию скорее как на источник, а не как на судьбу»⁶. Участница феминистского движения, поэтесса С.Гриффин считает, что тело есть «источник интеллектуального восприятия, воображения и видения». Исследовательница показывает, как поэзия (язык) открывает нам самих себя, наши чувства, утраченные знания и является тем путем, «через который мы можем восстановить нашу собственную аутентичность».

Поиски путей актуализации женской способности «мыслить через тело» вылились в осознание того, что для выражения глубинных особенностей женской природы не подходит философский категориальный аппарат. Когда с его помощью феминистские теоретики исследовали свой предмет, то он ускользал,

перетекая из «иног» в «общезначимое», из специфически женского в то, что под женским традиционно понималось в культуре.

Феминистская теория в поисках женского «я» как раз и призвана вычлнить ту дистанцию, которая существует между институционализированным определением женской природы и действительным опытом переживания женщиной своей жизни. Для этого теория феминизма нуждалась в «ином» методологическом основании, которое было найдено в философии постструктурализма, но эта тема заслуживает дополнительного рассмотрения.

Примечания

¹ 1 *Калашникова Е.М.* Личность и общество (проблема идентификации). Автореф. ... д-ра филос. наук. Пермь, 1997.

² *Allen S.* Motherhood: The Annihilation of Women. Trebilot, 1984. P. 315.

³ *Брайсон В.* Политическая теория феминизма. Пер. с англ. О.Липовской и Т. Липовской. М., 2001. С. 272.

⁴ *Брандт Г.А.* Философская антропология феминизма. г.Екатеринбург, 2004. С. 130.

⁵ www.gender.ru Отличием женских исследований от традиционного исследования о женщинах является включение женского жизненного опыта в рамках социальной и культурной действительности как основы научной работы.

⁶ *Rich A.* Of Woman Born. Virago Press. 1977. P. 39.

Н.Н.Жевлакова

КУЛЬТУРА НАРОДОВ САМОДИЙСКОЙ ГРУППЫ

Культура (от лат. cultura – воспитание, возделывание, образование, развитие, почитание) – исторически определенный уровень развития общества и человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях.

Первоначально понятие культура подразумевало целенаправленное воздействие на природу (обработка земли и прочее), а также воспитание и обучение самого человека. Воспитание включало не только развитие умения следовать существующим нормам и обычаям, но и поощрение желания им следовать, формировало уверенность в способности культуры удовлетворять все потребности и запросы человека. Такая двухаспектность свойственна пониманию культуры в любом обществе.

Цель культуры, соответствующая высшему назначению «разума», – сделать всех людей счастливыми, живущими в согласии с запросами и потребностями своей «естественной» природы.

Культура делится на материальную и духовную. Материальная культура охватывает всю сферу материальной деятельности и ее результаты (орудие труда, жилища, предметы повседневного обихода, одежда, средства транспорта и

связи и так далее). Духовная культура охватывает сферу сознания, духовного производства (познание, нравственность, воспитание и просвещение, включая право, этику, эстетику, науку, искусство, литературу, религию)¹.

Одним из важных источников изучения материальной культуры коренных народов Сибири самодийской группы может служить одежда, в частности материал, из которого она делается, ее покрой и украшения. Понятие «украшение верхней плечевой одежды» достаточно условно. У многих народов Сибири в одном и том же предмете одежды сочетались не только различные материалы, но и разные цвета одного и того же материала (например, меха или сукна). Этот принцип использовался при выкраивании стана одежды, который мог состоять из нескольких деталей, а также ластовиц, воротников и т.п. В общепринятом смысле слова это не является украшением, поскольку каждая деталь в первую очередь несет иную функциональную нагрузку.

Век удивительной одежды народов самодийской группы исчисляется тысячами. Она лаконична и сложна. За ее простотой – уникальный крой и веками отшлифованная технология шитья и обработки материала.

Север создал свою систему костюма. Костюм – самое яркое из них: идеальный, экологически чистый комплекс одежды, максимально выполняющий функцию надежной оболочки. Одежда свидетельствовала о красоте и соразмерности мира, она несла информацию об оккультных представлениях и социальном положении ее носителя, закодированную в крое и орнаменте².

Одежда – ценнейший источник для изучения истории народа. Материал, покрой, орнаментация, украшения выделяют костюмы народов Сибири. Теплая, удобная, красивая одежда служит ненцам защитой в природных условиях Крайнего Севера, и ярко характеризует национальную культуру³.

Самодийская языковая семья включает северо-самодийскую подгруппу языков, объединяющую современных ненцев, энцев, нганасан и селькупов. В прошлом к самодийским народам относились, также отнесены койбалы, саяты (сойоты), маторы (моторы), тубинцы, камасинцы и карагасы, обитавшие на северных склонах Саянского нагорья.

Современную традиционную одежду ненцев можно охарактеризовать следующим образом. Комплекс мужской одежды состоит: из малицы (*малиця*), сшитой из оленьих шкур ворсом внутрь, с капюшоном и без него; совика с капюшоном, без разреза, сшитого мехом наружу; обуви – меховых пимов (*пива*), изготовленных из шкур с ног оленя (*камуса*); головного убора – шапки и штанов⁴. Еще в начале 20 века малица была единственной повседневной одеждой: ее надевали прямо на голое тело; белье, рубашки, пиджаки появились в широком употреблении только в 1930-е годы. Делали малицу из двух шкур мехом внутрь; она представляла собой длинную и широкую рубаху, суживающуюся к плечам и расширяющуюся к низу. Двойной капюшон и широкую полосу, пришитую по подолу (*панда*), делали мехом наружу. К рукавам малицы пришивали камусные рукавицы с разрезами для вынимания из них рук. Надевали малицу

через голову. Снаружи малицу покрывали рубахой-чехлом из сукна или бумажных тканей. Длинной малица была ниже колен, но подпоясывали ее с большим напуском, так что длина ее достигала только колен. Изношенная малица служила летней одеждой. Малица конца XIX – начала XX века была приуральского IX типа кроя, основной характеристикой этого кроя является то, что перед и спинка одежды состояла из двух одинаково кроеных шкур (цельнокроеная), иногда в бока вшиваются прямоугольные куски шкур, перегнутые вдоль.

В Канинской и Тиманской тундрах была распространена малица без капюшона, с высоким, стоячим, двойным воротником мехом наружу. Капюшон заменяла шапка. Канинские ненцы шили малицу из двух кроеных шкур, в бока вставляли дополнительные полотнища, перегнутые вдоль, то есть крой этой малицы тоже относится к приуральскому.

Малицу, как правило, носят с поясом (*ни*). В сильные морозы, в пургу поверх малицы надевают *совик*. Это тоже глухая (без разреза) одежда, но мехом наружу, с капюшоном. Ее носят без пояса. Совик является одеждой для улицы, в чум его обычно не вносят, а оставляют на нарте. В случае непредвиденных остановок в пути, совик заменяет спальный мешок: в нем ложатся прямо в снег. Поверх малицы одевали *навершницы* – для защиты наружной поверхности малицы от сырости и загрязнения. Шили ее из сукна или хлопчатобумажной ткани. Украшение суконных навершниц состояло из ярких чередующихся полосок сукна, расположенных над пандой, на концах рукавов и главным образом на плечевых клиньях. Навершницу также носили и в летнее время в качестве летней одежды, причем иногда по ее подолу пришивали меховую панду.

Рукавицы – «*о^аба*», независимо от того, пришивали ли их к малице или же надевали отдельно, ненцы всегда делали из оленьих камусов или лобных шкурок, мехом наружу, причем, пришивая рукавицы к концам рукавов, оставляли против ладони незашитым отверстие, через которое в любое время рука может быть освобождена от рукавицы. В этом месте к нижнему краю рукава пришивали клапан из оленьего меха или сукна, прикрывающие отверстие и палец рукавицы⁵.

Зимой у всех групп ненцев мужским головным убором служил капюшон, пришитый к глухой верхней одежде (малице). Исключение составляла группа ненцев Канинской и Тиманской тундр, где малицу шили без капюшона, и на голову надевали высокую круглую шапку, сшитую из оленьего меха, на подкладе из того же меха, с короткими «ушами», украшенную по швам полосками цветного сукна⁶.

Нательной поясной одеждой ненцев были натазники – (*ни'мя*). Натазники представляли собой короткие штаны, шили их из ровдуги (носили их летом) и оленьей шкуры (носили зимой). Кроили их из одного прямого куска, сложенного вдвое, с добавочными клиньями, вшитыми на месте живота и на коленях. Этот покрой полностью совпадает с покроем натазников бытовавших у хантов и манси⁷. В поясной части натазников делали продержку, спереди несколько ниже

пояса пришивали два медных колечка, к которым привязывали ремешки от верхних концов голенищ обуви. В отношении мужской нательной плечевой одежды ненцев она отсутствовала полностью, и верхняя одежда являлась единственной одеждой. Однако позднее к группам ненцев, ближе соприкасавшихся с русским населением, проникла и нательная одежда, то есть рубаха.

Комплекс женской одежды состоит: из шубы – пань; штанов (*пи'мя*) из коротко шерстяной оленьей шкуры мехом внутрь, иногда из ровдуги пришивали нагрудники⁸, головного убора – капора и обуви – пимов.

Женская верхняя одежда (*пань*) у ненцев представляла собою распашную двойную шубу из оленьего меха, с прямым разрезом спереди, со сходящимися полами. Верхняя часть шубы до пояса – широкая, мешкообразная – состояла из двух рядов шкурок. Первый ряд шкурок перегибали через плечо и по наружной части руки, второй ряд шкурок располагали ниже, и они покрывали грудь и спину; в бока шубы вшивали большие клинья-ластовицы, переходящие в нижнюю часть рукава и доходящие до обшлага.

Шубу украшали полосками узоров, выполненных меховой мозаикой, причем полоски вшивали вдоль всех основных швов одежды; подол шубы отворачивали широкой полосой короткошерстного оленьего меха. В спинку и бока шубы, внизу над меховой оторочкой, вшивали треугольные клинья. Полки одежды были одинаковы, но при надевании шубы правая пола слегка заходила на левую, и шуба подпоясывалась.

Летней женской одеждой повсюду служила изношенная зимняя одежда; иногда употреблялся один верх шубы без подклада. Кроме того, летнюю одежду шили и из сукна (*нгая пань, нгая ной*), причем, подражая покрою меховой шубы, сукно кроили по поперечной нитке и вшивали треугольные клинья над подолом (ненцы с р. Хета)⁹.

Нательную плечевую одежду женщины надевали поверх своеобразного комбинезона – *пе пи'та*.

Ненецкие шапки различаются по районам. На Канинском полуострове носят высокие шапки с круглым дном и короткими ушами. Девочками и молодыми женщинами практикуется также ношение шапок полусферической формы. Праздничные женские шапки украшаются полосками цветного сукна, вставленными в швы и свободно свисающими другими своими концами. В Малоземельной тундре женщины носят шапки, плотно облегаящие голову, с длинными ушами, откидывающимися назад и скрепляющимися на некотором расстоянии металлическими цепочками или ленточками.

Женская обувь, как и мужская, состоит из пимов, сшитых из камуса мехом наружу и меховых чулок, сшитых мехом внутрь. Женские пимы по покрою отличаются от мужских: их голенище обычно ниже, а передняя полоска камуса уже по всей длине в том числе, в носовой части. Их, как и мужские пимы, шьют равносторонними для обеих ног. Различия между женской и мужской обувью проявляются в орнаментации и в применении мужчинами подколенных подвязок.

Традиционной зимней одеждой селькупов была парка (*пора*) – распашная шуба из оленьих шкур, сшитых мехом наружу. Такие шубы носили мужчины и женщины. Характерной особенностью этих шуб являлось наличие мехового подклада, собранного из камусов мелких пушных зверьков – лапок соболя, белки, колонка, рыси. Сборный мех сшивали вертикальными полосками. Цветовой подбор делали таким образом, чтобы цветовые оттенки переходили один в другой. Сверху шубу обшивали тканью – сукном или плюшем. Женские шубы были длиннее мужских. Длинная женская шуба из сборного меха представляла собой значительную семейную ценность. Покрой такой шубы прямой (в женском варианте чуть приталенный), распашной; наличие боковых швов, запах правой полы на левую, прямые вшитые рукава из ткани, наличие меховой отделки вокруг горловины, по подолу, обшлагам и правой поле (у женщин), длина шубы для взрослых мужчин – ниже колен, у женщин – до щиколотки, детская шуба – до колен.

В сильные морозы поверх парки надевали *сокуй* – глухую одежду из оленьих шкур, мехом наружу с пришитым капюшоном. Сокуй бытовал только у мужчин, парку носили как мужчины, так и женщины.

В середине XIX века Кастрен М.А. отмечал, что томские самоеды заменили «свои меховые одежды из оленьей шкуры на русское платье. Русские называют его зипуном, самоеды – *kundsch kundje*». Изготавливали зипун из шерстяной покупной ткани разного качества. Покрой был прямой, правая пола запахивалась на левую. Носили зипун и мужчины, и женщины. Мужчины подпоясывали зипун опояской. Суконный зипун наравне с меховой кырняжкой стал промысловой одеждой селькупов. Во второй половине XX века и кырняжку, и зипун вытеснила стеганая ватная телогрейка-фуфайка – *куфайка*. Халат носили и мужчины и женщины при передвижении по лесу. Обшлага и полы иногда обшивали контрастной тканью¹⁰.

Нижняя плечевая одежда селькупов исторически фиксируется очень слабо. К концу XIX века широкое распространение у селькупов получила русская рубаха. Мужчины носили «несколько ситцевых рубах, обязательно расстегивая ворот, так как несколько рубашек – показатель состоятельности и богатства. Называли рубаху, как и верхнюю плечевую одежду, словом (*porg*), или соединяли с термином ткань (*gam*). В первой четверти XX века мужская рубаха у селькупов была с прямым разрезом до середины груди и широким отложным воротником. Обшлага рукавов, воротников, разрез на груди и ластовиц "делаются из материи другого цвета, отличного от основного тона рубахи"¹¹.

Женское платье называли, как и мужскую рубаху – *gaborg*. Платье в начале XX века шили на кокетке *перелинке*, с воланом *амбарой* на подоле. Горловину обрабатывался воротником стойка, но встречались платья и с отложным воротником. Разрез на груди, ворот и ластовицы платья также обшивали контрастной тканью. В качестве украшения на подол нашивали одну или две полосы яркого, обычно красного, цвета.

У южных селькупов в первой четверти XX века платье было вытеснено юбкой и кофтой. Возникнув под влиянием русской моды, юбка *l'urka* тоже имела волан по подолу, иногда многорядный (2–3 ряда). До 1930-х годов нашивали на подол, отступив от его края «два пальца», 1–2 полосы из контрастной ткани, над рядами волана. Кофта имела самый разнообразный покрой – от прямого покроя до приталенных с рядом пуговиц на спине. В 1920–1930-е годы селькупские женщины начинают носить фартуки. Декоративной отделкой служил накладной карман, пришитый с правой стороны или по центру, в котором носили табакерку с нюхательным табаком и пришитый по нижнему краю волан. Замужним женщинам полагалось носить фартук постоянно, а у девушек был фартук туникообразного покроя, из полотнища, перегнутого на плечах, или они вообще обходились без него.

Основным видом обуви у селькупов были кожаные *чирки* (*чарки*) и *пимы*. Чирки состояли из подошвы, головок и отдельно пришитых голенищ из ткани или замши. Северные селькупы на русском языке эту обувь называли *бокари*. К головкам чирков пришивали голенища из кожи, лосиных камусов или из сукна высотой до колен, которые подвязывали под коленом ремешком¹². Селькупы кожаную обувь носили с 2–3 парами чулок и носков, связанные на одной игле. За счет древней техники вязания на одной игле, последующей стирки и катания в горячей воде, а также перемещения пятки обеспечивались прочность и тепло-та этих чулок. Летом носили равдужную обувь и русские сапоги.

Наиболее распространенным головным убором селькупов летом был платок, зимой – теплые шапки. У баишинских селькупов мужчины зимой носили меховой капор. Материал, из которого шили капоры, был весьма разнообразен: шкурки оленят, мех с песцовых и белчих лапок и шкурки, снятые с шеек гагар. Вместо завязок пришивали длинные суконные полосы, на которые снаружи нашивали чередующиеся полоски из темного и белого меха.

У южных селькупов в начале XX века рукавицы были обычно двойные: *исподки* и *верхонки*. Исподки вязали из овечьей шерсти на одной игле. Верхонки делали из оленьего камуса, собачьей шкуры, позднее – из брезента. Есть упоминание об изготовлении селькупами на Оби рукавиц из стерляжьей кожи, а также трехпалых рукавиц для стрельбы из лука¹³.

Верхнюю одежду селькупы подпоясывали, когда отправлялись в тайгу на промысел. У мужчин единственным украшением в одежде был пояс. Пояс делали из кожи и украшали его металлическими бляхами. К нему подвешивался на цепочке нож в ножнах, украшенных орнаментом. Пояс был мягкий, плетеный или узкий, кожаный. Подпоясывались также скрученным в жгут лоскутом ткани. Женщины плели для себя пояса из шерстяных нитей. У северных селькупов бытовали пояса из равдужных ремней¹⁴.

У энцев и нганасан бытовал традиционный единый комплекс одежды, который складывался под влиянием основного занятия этих народов – охоты на дикого оленя. Исходным материалом для ее изготовления были оленьи шкурки.

Верхнюю и нижнюю одежду шили из шкур телят с очень густой и плотной шерстью¹⁵.

Одежда коренных таймырцев едва ли не самая архаичная по форме. Она не претерпела изменений под давлением цивилизации. Почти всю ее шьют из оленьих шкур сухожильными нитками. Завозные материалы используются очень редко, бисер – только в оформлении солнцезащитных очков. Ткани, главным образом сукно, идут исключительно для окантовки и для ритуальной одежды. Ее шьют человеку, достигшему совершеннолетия, и надевают только на свадьбу, традиционные праздники и когда отправляют в последний путь.

Мужская одежда энцев и нганасанов состояла из верхней и нательной плечевой одежды, натазников и обуви. Верхняя плечевая одежда носила название у тундровых энцев – *fagge*; у лесных энцев – *ragge*; у нганасанов – *lu*. Это была глухая одежда с капюшоном, сшитая из шкурок короткошерстных пыжиков, большей частью двух тонов; делали ее мехом наружу, длиной выше колен. Стан одежды состоял как бы из двух частей: одна – до пояса, другая – от пояса до подола. Рукав верхней мужской одежды до локтя делали из одной шкурки, перегнутой через плечо и покрывающей наружную часть руки; от локтя до нижнего его конца рукав сшивали из отдельных кусков меха разного цвета.

Лу украшали аппликацией из черного и красного сукна и орнаментировали нашивками из сафьяна на груди, спине и подолу. Над двойной обшивкой из песцового или белого собачьего меха проводили черные и белые линии. Четко обозначенные на спине верхней одежды темные или светлые прямоугольники и две-три орнаментированные подшивки ниже них – характерная особенность нганасан¹⁶.

В праздничной одежде украшения занимали большее место: нагрудник и наспинный четырехугольник обрамляли вшивными кантиками из сукна черного и красного цвета и орнаментированными полосами, выполненными техникой меховой мозаики из меха двух тонов; цветные кантики из сукна прокладывали также в швы на плечах одежды и в швы, соединяющие горизонтальные полосы нижней части стана, при чем одна из полос орнаментировалась той же техникой меховой мозаики.

Нижняя плечевая одежда у энцев носила название *joddu*. Ее шили из осенней шкуры дикого оленя, и она имела свой самостоятельный покрой. Стан ее состоял из одной целой шкуры, повернутой хвостовой частью вверх; свернутую вдоль шкуру от шеи до пояса наглухо зашивали, в верхней ее части с боков делали надрезы – проймы для вшивания рукавов; спереди от пояса до подола вшивали клин полукруглой формы, причем его делали также ворсом кверху. Ворот одежды был круглый, ничем не обшитый, также как и рукава, собранные из кусков меха. К нижним концам рукавов пришивали камусные рукавицы с оставленным незашитым местом над большим пальцем. Подол одежды обшивали полоской белого пушистого собачьего меха или песцового, при этом он, как и

подол верха одежды, спереди имел немного заостренный мыс. Длина была ниже колен, нижняя одежда выступала из-под верхней одежды.

Верхнюю и нижнюю плечевую одежду скрепляли кое-где по подолу. Нижняя одежда часто служила в качестве летней одежды, верхнюю же использовали для ношения летом или после полного ее износа в качестве рабочей одежды. Верхняя и нижняя одежда сохраняла черты распашной одежды (шов спереди).

Одеждой, имевшей производственное назначение, у нганасанов и энцев служили охотничьи *сокуй*, зимний и летний, по покрою совершенно одинаковые и сходны с верхней плечевой одеждой. Зимний *сокуй* шили из пушистых белых шкур, так как в основном эта одежда применялась при охоте. Для того чтобы не хрустел снег и не было шума при подползании к добыче, переднюю, часть *сокуя* часто делали из мягких собачьих шкур.

Летний *сокуй*, который в основном являлся защитной одеждой от дождя, шили из оленьих шкур со стриженным мехом, то есть шерсть на них подрезали до половины, причем делали это с помощью ножа, в таком виде шкуры не промокали.

Характерным отличием *сокуя* был султан на капюшоне, который энцы называли *покаһа*, нганасаны – *sunguku*. Султан делали из оленьего хвоста, иногда чтобы он стоял, внутрь его зашивали гусиное перо. По этому «султану» (*сонгуку*) надо лбом соседи безошибочно узнают нганасан и энцев. С султаном связано немало поверий. Одно из них заключается в том, что потеря его для мужчины может вылиться в потерю жизни или, как минимум, мужской силы. В фольклоре есть повествования о том, как нганасан побеждали, отрезав в борьбе *сокуй*¹⁷.

Характерной особенностью мужской одежды энцев и нганасанов являлось отсутствие наружных поясов для опоясывания верхней одежды. Имелся лишь внутренний пояс, одевавшийся поверх мехового натазника.

Головные уборы энцев и нганасанов были одинаковы. Мужчины летом ходили с непокрытой головой, зимой головным убором им служил капюшон, пришитый к глухой верхней одежде. Характерной особенностью является полное отсутствие опушки.

Форма нганасанских и энецких сапог или бокарей не имеет аналогов, она очень своеобразна и встречается только у них¹⁸. Но некоторое сходство обнаруживается в обуви селькупов и курийских кетов, оно заключается в вытянутой к носку полосе камуса, составляющей переднюю часть обуви.

Женская верхняя одежда – распашная парка, у энцев – *te'itifagge*, у нганасан – *лыхара* с небольшим воротником из белого меха собаки, без капюшона. Их шили из шкур белых и черных выпоротков, украшали черным и красным сукном с нашивками из сафьяна и окрашивали в черный и желтый цвета. Подол обшивали песцовым или белым собачьим мехом. К верхней линии спинного прямогольника прикрепляли длинные раскрашенные ремешки или кисти. Оформле-

ние мозаичным орнаментом и ровдужной бахромой показывало половозрастное и семейное положение ее владелицы.

Нательной одеждой женщин был комбинезон – верхний и нижний. Зимний комбинезон делали из оленьей шкуры с подстриженным ворсом мехом внутрь (*ниды*); летний шили из ровдуги (*таро* – тундр., ими – лесн. – у энцев; *хоние*, *фоние* – у нганасан). Зимой во время поездок женщины надевали меховой комбинезон поверх ровдужного, который представлял собой нижнюю одежду. Украшение его состояло из прямой вертикальной полосы шириной 5 см, нанесенной красной краской в центре нагрудной части, и мелких полосок, выполненных также краской на передних частях штангин; поверх окрашенных частей с помощью ровдужных ремешков прикрепляли 5–7 серповидных медных пластин с гравировкой. По сведениям Г.Н. Прокофьева (1937. С. 76), эти подвески на груди женщины носили название – *ervaddo* (тундр.), *pereso* (лесн.) у энцев. На передних частях штангин на ровдужных шнурах подвешивали семь трубчатых медных подвесок с кольцами и ажурными бляхами – *tuo bine* (тундр. энцев), *lako bese* (лесн. энцев); *бодямо* – у нганасан. Меховой и ровдужный комбинезоны имели пояс из ровдужной полоски (*ниою* – тундр., *ниейо* – лесн.). На центральную часть пояса нашивали кусочек ровдуги с бахромой, окрашенный в красный цвет, аналогичный украшению, выполняемому на мужских натазниках. К комбинезону на уровне груди с двух сторон пришивали также два кольца для крепления огнива, крюка для чистки трубки, кисета для табака, а также игольницы. На лобковой части комбинезона нашивали петли, через которые продевали ремень с бахромой (*дятюо*). Появляться без *дятюо* считалось крайне неприличным и опасным. *Дятюо* имели такую же магическую раскраску черными и красными полосами, как лодки фетишей (*койка-нгондуй*), люльки (*палса*) и различные сакральные предметы. Отсутствие *дятюо*, по нганасанским и энецким воззрениям, вызывало болезни, и даже бесплодие у женщин.

Женскую летнюю парку – *нярадясаму* (у нганасан); – *комидо* (у энцев) шили или из тонкошерстных шкур, или же из замши. Вырез для ворота был шире обычного, чтобы воротник не прилегал к шее. Над правым бедром пришивали цепи или ремешки с огнивом (*туй*) и специальным крючком (*кинга*) для развязывания узлов и доставания табачного нагара из трубки, подвешивали мешочек для кремня и трута (*хиеся*). Над левым бедром пришивали цепочки или ремешки, на которых висели игольница (*дяли*) и кисет (*баубяй*) с табаком, в который убирали и трубку. На обоих бедрах нашивали украшения (*ляптуда*) из колец и медных трубок, служащих игольницами, с запасом жильных ниток.

У женщин бытовали и головные повязки (*нгойбуо*), состоящие из полоски кожи раскрашенной красными и черными полосами или расшитые бисером тех же цветов. Возле висков эти головные уборы имели связки бус и различных металлических подвесок. На шее женщины носили священный мешочек (*сими*), который играл роль оберега. Женский головной убор представлял собой капор у

энцев – *тади*, состоящий из двух частей: широкой меховой полосы, проходящей поперек головы, и полукруглого куска, прикрывающего затылок.

Женская обувь (*не фе*) была короче, чем мужская, верхние концы голенищ покрывались концами штанин комбинезона, поддержка туго затягивалась под коленом.

Вывод об одежде народов самодийской группы: Народы самодийской группы это народы, проживающие в северных условиях, поэтому их одежда шилась из материалов природного происхождения – меха различных животных. Меховая одежда изготавливалась в основном из оленьих шкур и сшивалась сухожильными нитками. Праздничную одежду изготовляли из сукна. Одежду раньше носили на голое тело – до начала XX века, поэтому ее шили двойную, так она лучше сохраняла свои теплоизоляционные свойства. С наружи использовали более качественный мех, цельный, а с внутренней стороны – мех из остатков шкур. Процесс изготовления шуб занимал очень много времени от 15 до 20 лет. Поэтому к ношению шуб самоеды относились бережно.

Каждый народ самодийской группы индивидуален, у него своя одежда, которую отличает друг от друга тип кроя, орнамент, цветовое решение при её пошиве. Данный материал может использоваться на уроках технологии в школе.

Примечания

¹ Большая советская энциклопедия. Гл. ред. Прохоров А.М. М., 1973. С. 608. Т. 13. С. 594.

² Митрюкова-Фишер Л. На нас Ваша одежда. // Северные просторы. М., 1996. С. 64.

³ Сязи А.М. Прекрасное в формах бытия. // Северные просторы. М., 2006. С. 66.

⁴ Гемуев И.Н. Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М., 2005. С. 439.

⁵ Прыткова Н.Ф. Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири: Сборник статей музея антропологии и этнографии. Под ред. Иванова С.В. Ленинград, 1970. С. 821.

⁶ Историко-этнографический атлас Сибири. Под ред. Левина М.Г, Потапова Л.П. М., Ленинград, 1961. С. 227.

⁷ Чубарова Л. Медвежий след и локоть лисицы. // Северные просторы. 2004 / 2005. № 3–4. С. 81.

⁸ Хомич Л.В. Ненцы. СПб., 1995. С. 225, ил. С. 146.

⁹ Историко-этнографический атлас Сибири. Под ред. Левина М.Г, Потапова Л.П. М., Ленинград, 1961. С. 228.

¹⁰ Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 40–41.

¹¹ Шатилов М. Остяк-самоеды и тунгусы Принарымского района. Груды Томского краев, музея, 1927. Т. 1. С. 164.

¹² Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск, 1995. С. 142.

¹³ Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 44.

¹⁴ Гемуев И.Н. Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М., 2005. С. 371.

¹⁵ Историко-этнографический атлас Сибири. Под ред. Левина М.Г., Потапова Л.П. М., Ленинград, 1961. С. 238.

¹⁶ Гемуев И.Н. Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М., 2005. С. 805. С. 584.

¹⁷ Полов А.А. Нганасаны: Материальная культура. М., 1948. С. 77.

¹⁸ Гемуев И.Н. Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М., 2005. С. 592.

Л.Е.Ковалева

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА, РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА: ВАРИАНТЫ КОНСТРУКЦИЙ

Вопросы регионального развития в настоящее время не могут быть осмыслены вне проблематики культуры. Общемировые тенденции, спровоцированные глобализацией: вступление регионов в прямую конкуренцию за ресурсы, контррадикация глобального и локального, стремительное развитие средств и способов коммуникации, актуализация процессов идентификации – все это, по мнению ряда исследователей, свидетельствует о наступлении новой фазы регионального существования – фазы «регионализма». Она коренным образом отличается от стадии «регионализации», имевшей место в первой половине XX в. Причем усиление регионализма наблюдается во всех странах, так или иначе вовлеченных в глобальную экономику.

На необходимость различения этих двух явлений указывает французский исследователь М.Бассан. По его мнению, регионализация представляет собой процесс децентрализации и деконцентрации государственной активности на региональном уровне. Как правило, регионализация инициируется государством и опирается на экономические и административные факторы. То есть процессы регионообразования идут в направлении «сверху вниз». С 80-х годов XX столетия, утверждает М.Бассан, говоря о региональном развитии Европы (в России – с 90-х гг.), следует употреблять термин «регионализм». Регионализм представляет собой процесс формирования региона «снизу вверх» – как результат самоопределения социальной общности, результат самоосознания себя как некоей уникальной единицы. Иными словами, идентичность лежит в основе регионализма. «В мире, перенасыщенном информацией, культурная деятельность – важный ключ к индивидуальности», подчеркивает автор¹. Переход от регионализации к регионализму демонстрирует радикальную трансформацию смысла самого процесса регионообразования. Основой формирования регионов видится не экономика и политика, а культура. Культура лежит в основе процессов идентификации, которые в свою очередь формируют субъект действия.

Британские исследователи А.Пайк, А.Родригез-Поуз и Дж.Томани, рассматривая регион с позиции экономической географии, основываются на анализе

современных тенденций и стратегий развития регионов. Подчеркивая неравномерное влияние глобализации на развитие регионов, авторы обращают внимание на важнейший аспект, который в значительной степени определяет характер современного мира: в условиях глобализации территории и регионы вступают в прямое соревнование друг с другом². В этом соревновании локальные местности и регионы представляют собой не просто некий территориальный контейнер, в котором совершаются определенные процессы, а, прежде всего, социально сконструированное пространство, насквозь пронизанное процессами развития. «Локальные территории и регионы эволюционируют и меняются во времени способами, которые влияют на локальное и региональное понимание развития, практику и будущее. Локальности и регионы – это эволюционирующие экономические, социальные, политические и культурные конструкции, с подвижными границами, с одной стороны предъявляющие миру свою уникальность, с другой – способные обнаруживать общие черты»³. Понимание региона как эволюционирующей конструкции с подвижными границами позволяет глубже осознать значение региональной культуры в структуре жизнедеятельности региона, особенности ее существования в эпоху глобализации.

Принято различать понятие «региональная культура» и «культура региона». При этом региональная культура понимается как уникальное явление, укорененное на определенной территории, некий набор характерных черт, ценностной, поведенческих норм, свойственных именно этой территории, отличающей ее от других. Культура региона представляет собой более широкое образование, она включает в себя все культурные потоки, как общие, так и специфические⁴. Региональная культура, по мнению И.Я.Мурзиной, представляет собой производную материнской (общенациональной) культуры, которая наследует ценностно-нормативное ядро последней, жизненный уклад людей и адаптирует их к местным условиям. Она выполняет функцию интегратора множества разных культур, исторически существующих на конкретной территории, представляя собой «адаптивный механизм», сближающий локальные культуры с общенациональной.

Указанная трактовка региональной культуры находится в русле так называемого этнокультурного подхода и в значительной степени ориентирована на осмысление особенностей историко-культурного развития территорий, относительно недавно «включенных» в состав России (Урал, Сибирь, Дальний Восток, Юг). При этом территории Центральной России автор не рассматривает в качестве феноменов региональной культуры, так как они находятся в рамках «материнской культуры»⁵. С нашей точки зрения, предложенное понимание региональной культуры сужает область применения этого понятия. Такой подход не может быть признан универсальным в понимании особенностей региональной культуры. Во-первых, в условиях полиэтничного государства, которым является Россия, национальная культура также может рассматриваться как интегратор множества культур, и даже в большей степени, нежели региональная. Во-

вторых, спорным представляется тезис об отсутствии специфической региональной культуры в Центральных регионах России только потому, что они находятся внутри материнской. Ибо обнаружение специфических черт – скорее это вопрос масштаба.

Проблема региональной культуры неразрывно связана с проблемой региональной идентичности. И.В.Малыгина, осмысляя природу этнокультурной идентичности, признает, что этнокультурная идентичность может проявляться двояко: с одной стороны как наиболее органичная форма существования человека, которая осознается и переживается индивидом как данность и проявляется посредством общих для этнической группы языка и культуры. С другой стороны, она предстает в форме ситуативных манифестаций групповой общности, обусловленных актуальными групповыми целями и стратегиями⁶.

Идентичность проявляется во взаимоотношениях с другими, иными. Это межличностные и межгрупповые связи, возникающие между акторами того или иного сообщества. В настоящее время идентичность не стоит связывать только с историческими корнями и традициями, считают французские культурологи М.Д'Анджело и П.Весперини, важную роль в процессе поиска собственной идентичности играют идеи и концепции, на которых базируется взаимодействие региона с другими субъектами. Регион выстраивает свою идентичность разными способами. Региональная идентичность, образ региона, может базироваться на прошлом и настоящем наследии, на их различных комбинациях. Это источник регионального сознания, который поддерживает у населения желание действовать от имени региона, ассоциировать себя с ним, это важная составляющая регионального развития, хотя, подчеркивают авторы, безусловно, не единственная⁷. Региональная идентичность не есть нечто априори присущее региону. Зарубежные исследователи обращают внимание на тот факт, что не все регионы обладают собственной идентичностью, но отсутствие последней не отменяет наличие иных идентичностей: локальных, индивидуальных, социальной или функциональной идентичностей. Примером может служить период в истории округа и Нижневартовска в частности, когда регион не воспринимался как место постоянного проживания прибывшими сюда на заработки людьми, когда значительная часть населения ощущала себя принадлежащими к другим регионам. Исследователи выделяют три типа региональной идентичности. Первая основана на историческом наследии. Она строится на прошлых достижениях, важных для данного сообщества и/или социокультурном, природном или социально-экономическом наследии. Второй тип – проектная идентичность, которая базируется на региональном проекте, более ориентированном на будущее региона, нежели на его прошлое. Третий тип идентичности представляет собой рефлекссию на повседневную жизнь и текущий образ жизни. Он может включать в себя комбинацию элементов, относимых к разным типам идентичностей. На практике, как правило, могут одновременно присутствовать все типы идентичностей. Региональная идентичность может носить как позитивный, так и негативный

оттенки. В первом случае, утверждают зарубежные авторы, это относится к символам и знакам, избираемым региональным сообществом для презентации региона в межрегиональном пространстве, так сказать, восприятие региона изнутри. Негативный характер идентичности связан, прежде всего, с восприятием региона извне, со стороны прочих участников межрегиональных взаимоотношений. Важная черта идентичности, тесно связанная с ее гуманитарной природой – изменчивость. «Идентичность – это процесс, – подчеркивают зарубежные исследователи, – который постоянно создает новые формы идентичностей»⁸.

Довольно близко в этом смысле к рассмотренной выше точке зрения находится позиция отечественного культуролога О.Генисаретского. Соотнося культурную идентичность (гуманитарную идентичность) с культурной политикой, он подчеркивает, что актуализация в настоящее время проблемы культурной идентичности обусловлена тем, что гуманитарная культура является необходимым, неустрашимым четвертым измерением открытого и свободного общества наряду с рыночной экономикой, правовым государством и гражданским обществом. «Без развитой гуманитарной культуры даже при наличии достаточно развитых трех компонентов общество не может быть свободным или открытым»⁹. Автор особо обращает внимание на несколько аспектов идентичности, которые следует учитывать, при соотношении культурной идентичности с практическими вопросами развития территории, это: масштабность, предметность и человеко-размерность. По мнению О.Генисаретского, прежде всего, необходимо соотносить понятие идентичности с выбранным масштабом: страны, региона, локальной местности и т.д. Второе, что нужно иметь в виду, говоря об идентичности, – это ее предметность. Важно понимать о какой именно идентичности идет речь в том или ином случае, например – об идентичности человека в регионе или об идентичности самого региона в страновой структуре. Третий аспект, на который обращает внимание автор, человеко-размерность идентичности: имея в виду только о те идентичности, которые сильны для человека и которые могут быть приняты добровольно. Культуролог выделяет три важнейших качества идентичности: идентичность исторична, переменна во времени, и второе – идентичность конструируема: «идентичность не просто исторична, она еще и создаваема, тварна, Хотя и не без оснований. А когда в дело вступает технологический интеллект, то она не просто создаваема, но еще и проектируема, проектна». Третье качество идентичности – ее автореферентность (или самообозначение): создаваемая искусственно, идентичность переживается человеком как «самоестественная, наименее искусственная, наиподлиннейшая и свободно принадлежащая тебе реальность.» «Идентичность обеспечивает одно очень важное свойство – оно задает норму антропологического воображения, оно задает тот образ человека, который «обращается» в рамках данного сообщества и тот, который как бы форматирует и сверяет все другие деятельности»¹⁰.

Точка зрения О.Генисаретского близка трактовке региона, предложенной А.Левинтовым, в которой гуманитарные основания региона становятся главен-

ствующими. Регион – это, прежде всего общность людей, реализующих на его пространстве собственные цели, в связи с чем возможно одновременное существование множества различных интерпретаций региона, «полифония фокусов действий, пониманий и целей»¹¹. Во-вторых: регион – это субъект, для которого проблема самоопределения в эпоху глобализации становится наиболее актуальной, как уже было сказано выше. Самоопределение региона означает позиционирование регионом себя в пространстве относительно других регионов или территорий. Региональная культурная политика именно тот инструмент, который помогает обнаружить и осознать многообразие региональных интерпретаций. Задавая пространство самоопределения на пересечении глобальных тенденций мирового развития и индивидуальных смыслов человеческой жизни, она как раз и предлагает новые «маски», новые образы региона. Формирует из множества видений то новое, которое вмещает в себя образ будущего. Говоря том, что культурная политика создает возможности для интерпретаций региона имеется в виду следующее: в качестве стержневой может быть выбрана любая черта региональной идентичности (этнокультурная или какая либо иная), в зависимости от ситуации. Рассмотрим в качестве примера возможные интерпретации Ханты-Мансийского автономного округа. С одной стороны – это северный регион, относящийся к так называемым «регионам освоения». И в контексте взаимоотношений с подобными регионами (например – Кольский регион) он обнаруживает сходные черты¹². С другой стороны – это часть финно-угорского мира, и в этом случае на первый план выходит этническая компонента аборигенной культуры. И это далеко не все возможные варианты региональных «масок».

Однако, как справедливо замечает С.Зуев, «с одной стороны можно говорить, что культурная политика занимается поиском и реинтерпретацией идентичности в современном мире, приспособлением существующих в истории форм, с другой стороны, набор этих идентичностей связан с ограничениями, которые вводятся на экономические, политические и социальные процессы. Концепция культурной политики состоит именно в этом. Это рамочная конструкция, внутри которой возможно проведение тех или иных реформ»¹³. Геополитические задачи, стоящие перед регионом формируют содержание региональной культурной политики и влияют на то, какой тип идентичности будет востребован в тот или иной момент времени.

Но если идентичность конструируема, как было сказано выше, каковы практические инструменты региональной культурной политики, с помощью которых формируется региональная идентичность? Упомянувшиеся ранее М.Д'Анджело и П.Весперини называют следующие способы: организация различных фестивалей (музыкальных, театральных, кинофестивалей и т.д.); организация выставок передвижных выставок произведений регионального искусства или исторического наследия региона в региональных и локальных музеях; создание и поддержка творческой элиты региона, способной оказывать влияние на общество на региональном, страновом и мировом уровне; реставрация архитектурного

наследия, возрождение сельского образа жизни; защита природного наследия; публикация и поддержка региональной литературы, искусства, создание и поддержка научной среды и научных исследований. Именно это делает регион узнаваемым¹⁴.

Анализируя недавнее прошлое Ханты-Мансийского автономного округа, не трудно убедиться в том, что начиная с середины 90-х годов, были предприняты последовательные действия по формированию региональной идентичности, регионального самосознания. В культурной политике этого периода отчетливо прослеживаются тенденции с одной стороны – протекционизма в отношении региональной отрасли культуры, с другой – элементы инструментальной культурной политики и «городского маркетинга»: организуются значимые фестивали регионального и общероссийского статуса. Например – телевизионный фестиваль «Золотой Бубен», кинофестиваль «Дух огня», театральные фестивали «Чайка», крупные спортивные состязания, которые в первую очередь презентуют округ как территорию с высокими культурными потребностями в общероссийском масштабе, формируют новый образ Ханты-Мансийска как столичного города с насыщенной культурной жизнью. Формирование образовательной структуры округа: развитие собственных университетов в крупных городах Сургут, Нижневартовск, Ханты-Мансийск. Формирование научного сообщества. Активизация научной жизни и научных исследований на территории округа. Значительное место в научных исследованиях занимают темы, имеющие отчетливо выраженный региональный оттенок, особенно в гуманитарных, естественнонаучных и социально-экономических дисциплинах, что способствует укоренению научной элиты в пространство округа. Создание региональных творческих организаций в сфере искусства, развитие книгоиздания стимулирует региональную литературную жизнь – все это закладывает основы регионального самосознания, объединяя разнородные элементы, пришлого населения в некую общность.

К началу двадцать первого века округ заявил о себе как активный политический субъект, активно развивая внешние связи в стране и за ее пределами, выступая инициатором развивающих стратегий в рамках федерального округа. Стремление к диверсификации экономики и повышению качества жизни горожан выразилось в частности в изменении архитектурного облика городов и поселков округа, строительством новых объектов культуры. В среде администраторов культуры наблюдается тенденция к освоению современных подходов в управлении культурными процессами, технологиями и практик. Например, Сургутский фестиваль «60 параллель» и одноименный журнал сумели занять определенную нишу в российском сообществе нового поколения менеджеров культуры. Происходит активное развитие информационных технологий на территории округа и их проникновение в культурную жизнь. Можно предположить, что заявка на новый образ региона актуализирует потребность в новой культурной политике, способной сформировать и закрепить этот образ.

Примечания

- ¹ The cultural challenges for Europe's regions. – Strasburg, 1993. P. 108.
- ² Pike A., Rodriguez-Pose A., Tomaney. J. Local and Regional Development. – Routledge: London and New York : 2006. P. 10.
- ³ Там же, P. 35–38.
- ⁴ Скульмовская Л.Г. Регион как субъект функционирования и развития культуры. – Екатеринбург, 2005. С. 82.
- ⁵ Мурзина И.Я. Методологические аспекты изучения региональной культуры // Социологические исследования. 2004. № 2. С. 60–65.
- ⁶ Мальгина И.В. Этнокультурная идентичность: структура и историческая динамика // Фундаментальные проблемы культурологии: В 4 т. Культурная политика. – СПб.: Алетей, 2008. Т. 4. С. 133.
- ⁷ D'Angelo M., Vesperini P. Cultural policies in Europe: a comparative approach – Stracbourg: Council of Europe, 1998. P. 185–186.
- ⁸ Там же, P. 187.
- ⁹ Генисаретский О.И. Проблема культурной идентификации и практический смысл формирования внутреннего и внешнего образа территории: Доклад на семинаре в Петрозаводске в 1998 (из архива Центра культурных инициатив Карелии) [on line] метод доступа: <http://www.culturalmanagement.ru/infocnter/?cid=2&aid=850> – дата цитирования 17.03.2009.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Левинтов А.К. понятию регион. [on line] метод доступа: <http://www.circle.ru:8101/kentavr/rub1.html>. – дата цитирования 11.09.2008.
- ¹² См. подробнее Разумова И.А. Северяне: формы репрезентации локальной идентичности в текстах современной городской культуры // Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т.: Культурная политика / отв. редактор Д.Л.Спивак. СПб., 2008. Т. 4 С. 169–180.
- ¹³ Зуев С.Э. Отечественная культурная политика в поисках идентичности http://www.archipelag.ru/geoculture/cultural_policy/cultural_policy/search/ [on line] метод доступа: <http://www.culturalmanagement.ru/infocenter/?cid=2&aid=850>. – дата цитирования 27.03.2009.
- ¹⁴ D'Angelo M., Vesperini P. Cultural policies in Europe: a comparative approach – Stracbourg: Council of Europe, 1998. P. 186.

А.В.Лайтер

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ КАК ПРОБЛЕМА РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

В истории философской и социокультурной мысли найдется немного терминов, которые бы применялись столь широко и относились к столь разнообразным явлениям, как термин «нигилизм». Нигилистом именовали преданного анафеме в XII веке схоласта Петра Ломбардского, отвергнувшего человеческое естество Христа и тем самым подрывавшего одну из фундаментальных основ

христианства — догмат троичности. Нигилистами называли немецких философов и публицистов леворадикального направления в 30–40-х годах XIX века; это имя звучало обвинением и угрозой в охранительных и либерально-монархических изданиях в России 60-х годов позапрошлого столетия; в этот же период его с гордостью носили авторы демократического журнала «Русское слово» и группировавшаяся вокруг него молодежь. В философских учениях Ницше и Хайдеггера проблема нигилизма также занимала одно из центральных мест.

В этимологическом смысле слово «нигилизм» образовано от латинского «*nihil*» — ничто, что означает отрицание, негативное отношение к определенным, а то и ко всем сторонам общественной жизни. Словари определяют нигилизм в широком смысле слова, как «социально-нравственное явление, выражающееся в отрицании общепринятых ценностей, идеалов, моральных норм, культуры, форм общественной жизни»¹, как «умонастроение, связанное с установкой на отрицание духовных основ бытия (личности, общества, культуры) и сопровождающееся пафосом негативизма»². Указанные общие значения интенсивно используются в специальном лексиконе многих областей гуманитарного знания. Так, в искусстве и эстетике нигилизм — это характерное для формалистических течений XX века (футуризм, дадаизм, абстракционизм, сюрреализм) отрицание объективных законов взаимодействия субъекта и объекта в искусстве, традиций критического реализма, вообще большинства явлений искусства прошлого, полное игнорирование национальной специфики искусства, его связи с духовными ценностями и нравственной жизнью народа, с национально-своеобразными формами образного отражения мира. В этике — отрицание объективного содержания моральных норм и ценностей, оправдание крайнего индивидуализма и аморализма. В теории государства и права — отрицание норм права, роли законодательства, сведение права к совокупности произвольных действий представителей исполнительной власти, оправдание беззакония.

В научной литературе авторы предлагают различные классификации нигилизма на виды. Например, по объекту отрицания, вплоть до международного и патриотического. При этом, как полагает исследователь А.Н. Малинкин, первый проявляется в международной политике силы и беззакония, «нарушении существующего позитивного международного права», а второй — в «отрицании ценности родины как таковой, отрицании особого и незаменимого места родины в системе человеческих ценностей»³. Кроме этого, обозначают и выделяют нигилизм: религиозный, культурный, национальный, социальный и пр.⁴ Особое значение имеет нигилизм правовой.

Правовой нигилизм — это разновидность нигилизма, объектом отрицания которого является право.

Анализ имеющихся на сегодняшний день работ по изучению правового нигилизма показывает, что в настоящее время отсутствует единый подход к пониманию данного феномена культуры. Ряд исследователей относят к правовому нигилизму все формы пренебрежительного отношения к праву, включая совер-

шение правонарушений (В.А.Туманов, Н.И.Матузов и др.). Другие же (П.П.Баранов, В.В.Русских и др.) исходят из того, что правовой нигилизм есть такая форма деформации правового сознания, при которой требования закона игнорируются осознанно. На наш взгляд первая точка зрения является наиболее приемлемой, так как в этом случае наиболее полно отражается содержание и сущность правового нигилизма. Согласно В.А.Туманову правовой нигилизм — это «скептическое, негативное отношение к праву, вплоть до полного неверия в его потенциальные возможности решить социальные проблемы так, как того требует социальная справедливость»⁵. Н.И.Матузов определяет правовой нигилизм как «общее негативно-отрицательное, неуважительное отношение к праву, законам, нормативному порядку», а его сущность, с точки зрения корней и причин видит в юридическом невежестве, косности, отсталости, правовой невоспитанности основной массы населения⁶.

В последнее время очевидность положения о неисполняемости законодательства в регионах России стала неоспоримой. Об этом свидетельствует множество фактов: от уровня преступности и раскрываемости преступлений до проявленной озабоченности различными авторами в прессе. Круг причин пренебрежения законом необычайно широк. Попытаемся рассмотреть наиболее значимые и очевидные.

На наш взгляд, рассмотрение причин следует начать с качества самого законодательства.

Ни для кого не секрет, что российское законодательство, как на федеральном, так и на региональном уровнях, развивается как нельзя стремительно. Разрабатывается и принимается невероятное количество нормативно-правовых документов. Стремительность законотворческого процесса такова, что даже специалистам юриспруденции иной раз проблематично успевать за ритмом изменений в действующие нормативно-правовые акты, что уж говорить о людях, далеких от права, непрофессионалах. Так, например, областной суд Камчатской области, в 2001 году отказывая в иске военному комиссару города Петропавловска-Камчатского, сделал ссылку на Закон РФ «О воинской обязанности и военной службе» от 1993 года, в то время как уже несколько лет действовал Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 1998 года. И хотя сущность положений, по которым выносилось решение, совершенно не изменилось с принятием нового закона, тем не менее, ссылка на недействующий нормативный акт, позволяет оспорить решение суда.

Следующей причиной распространения правового нигилизма является криминализация общественных отношений в регионах. По данным Генпрокуратуры РФ, на каждое зарегистрированное преступление приходится несколько незафиксированных⁷. Поэтому общий (реальный уровень) преступности гораздо выше, чем показывает статистика. Несовершенство правовой базы и отсутствие сильной государственной политики в социальной сфере, снижение духовно-нравственного потенциала общества являются основными факторами, способ-

ствующими росту преступности, особенно ее организационных форм, а также коррупции.

Субъекты (граждане, должностные лица, государственные органы, общественные организации) попросту не соотносят свое поведение с требованиями правовых норм, а стремятся жить и действовать по своим правилам. Многие региональные чиновники или даже целые коллективы, субъекты федерации отказываются выполнять те или иные законы, так как они, по их мнению, «неправильные». Либо выставляют разные условия, ультиматумы, требования. Случается, что Указы Президента России не признаются или толкуются на свой лад местными властями. Так, только за одиннадцать месяцев 2006 года чиновники всех органов и уровней власти Уральского федерального округа преступили закон более 2,7 тысячи раз. При этом правонарушения были весьма разнообразны: и предоставление недостоверных сведений о личных доходах и собственном имуществе, подлежащем декларированию, и запрещенное совмещение государственной (муниципальной) службы с предпринимательской деятельностью, и незаконное использование вверенного казенного имущества, и нецелевое использование бюджетных средств в виде завышенных зарплат установленных себе⁸.

Граждане не доверяют власти, формально обязанной защищать их права, практически же совершенно не заботящейся о своих «подданных».

Еще римские юристы считали, что бездействующий закон хуже отсутствующего. В современной литературе также отмечается: «Игнорирование принятого закона — ситуация более опасная, чем заполнение правового вакуума свободным усмотрением и ведомственным нормотворчеством»⁹.

В регионах России идет война между федеральными и региональными актами. Большинство госчиновников по-прежнему руководствуются не законами, а инструкциями, многие из которых либо повторяют нормы законов и указов, либо противоречат им, извращают их суть, вводят дополнительные обязанности граждан. Таким образом, провоцируется появление бюрократического произвола и своеволия.

Единое культурно-правовое пространство страны размывается вследствие несоблюдения принципа приоритета норм Конституции Российской Федерации над иными правовыми нормами, федеральных правовых норм над нормами субъектов Российской Федерации, недостаточной отлаженности государственного управления на различных уровнях. Так, Волгоградская областная дума, несмотря на прямое предписание ст. 71 Конституции РФ и п. 1 ст. 3 Гражданского кодекса РФ о том, что гражданское законодательство находится в ведении Российской Федерации, приняла закон «О введении сборов с пассажиров, вылетающих из аэропорта «Волгоград». Законом предусматривалось, что пассажир, вылетающий из аэропорта «Волгоград» к стоимости авиабилета при его приобретении должен уплатить в кассу дополнительно 80% от размера минимальной оплаты труда для реконструкции аэропорта. Через некоторое время

закон был отменен. Однако пассажиры почти полгода по вине законодателя субъекта РФ переплачивали значительные суммы¹⁰.

Кроме этого, в субъектах Российской Федерации государственный орган или должностное лицо может уклоняться от исполнения решения суда, признавшего закон или иной нормативный правовой акт неконституционным или противоречащим федеральному законодательству. Может продолжать применять акты, признанные судом недействительными. Известным примером может служить определение Конституционного суда РФ от 2000 года, в котором признавались утратившими силу и не подлежащими применению отдельные положения Конституции Республики Башкортостан. Решение по данному вопросу являлось окончательным, не подлежало обжалованию и действовало непосредственно. Также оно подлежало опубликованию в официальных изданиях органов государственной власти Республики Башкортостан. Однако органы государственной власти и должностные лица Республики Башкортостан, в том числе Государственное Собрание Республики Башкортостан, Президент Республики Башкортостан, длительное время не принимали в пределах своих полномочий никаких мер по его исполнению¹¹.

По состоянию на 18 марта 2006 года по сведениям, имеющимся в Министерстве юстиции РФ, только в субъектах Южного федерального округа, в соответствии с федеральным законодательством не были приведены: 23 закона в Республике Ингушетия, 19 законов в Волгоградской области, 16 в Карачаево-Черкесии, по 10 законов в Астраханской области и республике Адыгея, по 8 законов в Краснодарском крае, Кабардино-Балкарии и Дагестане, по 6 в Ставропольском крае и в Северной Осетии-Алании, 2 закона в Калмыкии¹².

Установка на то, что «ради дела» или «здравого смысла» можно поступить с законом, владеет умами многих региональных чиновников высокого ранга.

На наш взгляд, даже самый плохой закон лучше самой благой целесообразности, поскольку последняя не имеет границ. Недопустимо, чтобы политическая лирика брала верх над юридической.

Вместе с тем, следует заметить, что идея законности и порядка при определенных обстоятельствах может быть использована заинтересованными лидерами и властными структурами как повод для применения силы и нарушения прав человека, равно как и необходимость борьбы с преступностью. Это своего рода правовой конформизм, когда идеи права и законности приспосабливаются к ситуации, когда они используются не во благо, а во вред.

Очень точно подобную метаморфозу выразил И.А.Ильин: «По своему объективному назначению, — писал он, — право есть орудие порядка, мира и братства; в осуществлении же оно слишком часто прикрывает собой ложь и насилие, тягание и раздор, бунт и войну»¹³.

Кроме войны юридической в регионах России идет множество других войн (парламентов, президентов, бюджетов, суверенитетов, компетенций, юрисдикций, телерадиоэфиров, политических деятелей и т.д.). В этих условиях ни один,

даже самый демократический, институт не в состоянии работать. Опыт показывает, что несогласованность действий, а подчас и прямая конфронтация ветвей власти — «перетягивание каната власти» — становятся серьезным препятствием на пути строительства сильного государства, на пути политической и общественной стабильности. Во многом в результате противостояния сложилось противоречивое законодательство. Хроническое противостояние исполнительной и законодательной власти не позволяет последовательно проводить реформы. Рецидивы такого противостояния не преодолены до сих пор.

Это своего рода «номенклатурный», или «элитарный», нигилизм, связанный с параличом власти, а любой паралич власти означает паралич права, закона. Принцип разделения властей, заложенный формально в Конституции, на деле пока не сложился, система сдержек и противовесов не отлажена.

Выражение «ветви власти» весьма точно определяет суть проблемы — ствол и корни всех ветвей едины. Разделение властей — всего лишь «деловое разделение труда, примененное к государственному механизму в целях управления и контроля». Это разграничение функций и полномочий является своего рода специализацией в области государственной деятельности — каждый должен заниматься своим делом, не вторгаясь в компетенцию другого, но помня, что он лишь часть целого. Нередко исполнительная власть, вопреки общепринятой мировой практике, формирует и контролирует законодательную, а не наоборот. Исполнительно-распорядительная власть оказалась, по сути дела, бесконтрольной, а потому самоуправной и во многом «свободной» от соблюдения законов, особенно на местах. Ее функции аморфны, размыты.

По данным МВД РФ, примерно половина всех граждан, подвергнувшихся преступным посягательствам (изнасилование, грабеж, нанесение телесных повреждений и т.д.), не обращаются ни в милицию, ни в прокуратуру, ни в суд, так как не верят в их возможности защитить и наказать виновного¹⁴. Общеизвестно: есть два способа разложить нацию — наказывать невиновных и не наказывать виновных. У нас допускается и то и другое. Устранение таких изъянов — один из путей формирования высокой правовой культуры общества, чувства законности и справедливости.

Человек перестает ценить, уважать, почитать право, когда он не видит в нем своего надежного гаранта и опоры. В таких условиях даже у законопослушных граждан вырабатывается нигилизм, недоверие к существующим институтам. Признание и конституционное закрепление естественных прав и свобод человека не сопровождается пока адекватными мерами по их упрочению и практическому претворению в жизнь. А невозможность осуществить свое право порождает у личности чувство отчуждения от него, правовую разочарованность, скепсис.

Таковы основные масштабы и сферы распространения правового нигилизма в российской региональной культуре. Есть и другие его «измерения» и модификации (правотворческие экспромты, декларативность и многословие законов, неуважение к суду, ведомственность, неконтролируемые процессы суверениза-

ции и сепаратизма, разбалансированность правовой системы, несогласованность в управлении, неплатежи, ошибка полномочий и юрисдикций различных органов, вседозволенность и т.п.).

Правовой нигилизм на всех этапах государственного здания регионов, как и среди населения, не знает пределов, поэтому и называется беспределом. Борются с ним обычными методами малоэффективно и непродуктивно, нужны глубоко продуманные, неординарные меры.

Необходимо, как советовал еще И.Е.Ильин, сделать все, «чтобы приблизить право к народу, чтобы укрепить массовое правосознание, чтобы народ понимал, знал и ценил свои законы, чтобы он добровольно соблюдал свои обязанности и запретности и лояльно пользовался своими полномочиями. Право должно стать фактором жизни, мерою реального поведения, силою народной души»¹⁵.

Таким образом, в основе любого правового нигилизма как феномена региональной культуры России лежит негативное отношение (как осознанное, так и неосознанное) какого-либо субъекта к праву другого субъекта или к нормативному акту или законодательству. Он несет в себе только деструктивное содержание, поскольку в результате отрицания права или закона его место занимает частный интерес, желание, мнение, что приводит к произволу. Правовой нигилизм, отрицая право, взамен не предлагает ничего рационального, и именно в этом состоит несостоятельность его позиции. Как писал Г.В.Ф. Гегель: «Ненависть к закону, праву, выраженному в законе, есть тот признак, по которому открываются и безошибочно познаются в их подлинном выражении фанатизм, слабоумие и лицемерие добрых намерений, во что бы они ни рядились»¹⁶.

Примечания

¹ Нигилизм // Философская энциклопедия. Т. 4. М., 1967. С. 64.

² Гальцева Р.А., Родянская И.Б. Нигилизм // Современная западная философия. Словарь. М., 1991. С. 211.

³ Малинкин А.Н. Понятие патриотизма: эссе по социологии знания // Социологический журнал. 1999. № 1.

⁴ См.: Абдигалиев А.У. Деформация правовой культуры: понятие, последствия, пути преодоления. // История государства и права. — 2006. — №3.

⁵ Туманов В.А. О правовом нигилизме // Советское государство и право. М., 1989. № 10. С. 20.

⁶ 6. См.: Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм. // Правоведение. 1994. № 2.

⁷ См.: Официальный сайт Генпрокуратуры РФ: <http://genproc.gov.ru>

⁸ Число коррупционеров в чиновничьей среде не уменьшается // Российская газета. Урал. № 4267. 2007, 12 января.

⁹ Манохин В.М. Правовое государство и проблема управления по усмотрению // Советское государство и право. 1990. № 1. С. 26.

¹⁰ Защита субъективных прав: история и современные проблемы. Материалы первой межвузовской конференции, г.Волжский, 5 марта 1999 г. Волгоград, 2000. С. 98.

¹¹ См.: <http://otechestvo-rb.narod.ru/2001/archiv/2000/12-5.html>

¹² Какой закон главнее. Минюст выявил «нарушителей правового пространства» в ЮФО // Российская газета. 2006. 8 апреля.

¹³ Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 225.

¹⁴ См.: Официальный сайт МВД РФ: <http://www.mvd.ru>

¹⁵ Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 31.

¹⁶ Гегель Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель — М., 1990. — С. 280.

А.А.Никуфорова

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА РЕГИОНА КАК ОДНО ИЗ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

В последние годы во всем мире наблюдаются тенденции пересмотра отношения к природному и культурному наследию. Из некогда преимущественно декоративного элемента жизни общества наследие все более зримо трансформируется в базовую ценность современной цивилизации. Специалисты различных отраслей знания все чаще признают, что именно наследию принадлежит решающая роль в обеспечении устойчивого развития человечества.

Однако, в последнее время все чаще встает вопрос о необходимости сохранения наследия. В соответствии с Федеральным законом от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» основной задачей в сфере культурного наследия является обеспечение сохранности объектов культурного наследия всех видов и категорий, включая осуществление их государственной охраны, сохранения, использования и популяризации в соответствии с законодательством¹.

Главным необходимым условием обеспечения сохранности объектов культурного наследия в настоящее время является совершенствование государственной политики на основе всестороннего учета состава и состояния объектов культурного наследия, современных социально-экономических условий развития общества, реальных возможностей органов власти, местного самоуправления, общественных и религиозных организаций, иных лиц, особенностей национально-культурных традиций народов Российской Федерации и множества других факторов.

Существующая система государственной охраны объектов культурного наследия была сформирована на основе принципов, определенных в 60-х – 70-х годах прошлого века, и обеспечивала сравнительно приемлемое состояние важнейших памятников в условиях социалистической плановой экономики. Колоссальные экономические и социальные изменения в России, произошедшие за последние 20 лет, потребовали коренной модернизации этой системы. Важным шагом на этом пути стало принятие в 2002 г. закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федера-

ции». Новый закон ввел целый ряд важных новых понятий и норм, предопределяющих регламентацию охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия. Однако его полноценное практическое использование требовало разработки и утверждения нескольких подзаконных актов, в частности Положений о Едином государственном реестре объектов культурного наследия, о государственной историко-культурной экспертизе объектов культурного наследия и др. К сожалению, все эти акты до сих пор остаются в стадии разработки².

В Ханты-Мансийском автономном округе функциями госоргана охраны памятников наделено Государственное учреждение культуры Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры³. В настоящее время Центр укомплектован штатом квалифицированных специалистов, необходимым оборудованием и в состоянии в полном объёме решить возложенные на госорган охраны памятников задачи.

В ходе реализации мероприятий по сохранению историко-культурного наследия на территории округа Центром регулярно выявляются случаи нарушения землепользователями законодательства об охране памятников. Результативность мер, принимаемых Центром по устранению нарушителями выявленных нарушений, часто бывает низкой, т.к. надзор за выполнением законодательства в функции госоргана охраны памятников не входит, а его предписания носят рекомендательный характер⁴.

Охрана памятников местного значения возлагается на муниципальные администрации и подведомственные им органы охраны памятников. К таковым на сегодняшний день относятся: муниципальный центр по охране памятников Сургутского района «Барсова гора» и муниципальный центр по охране памятников Нефтеюганского района. В систему госорганов охраны памятников истории и культуры муниципальные организации не входят, а права госорганов охраны памятников им не делегируются. Муниципальные образования могут привлекаться к решению задач охраны памятников федерального и окружного значения в районах при техническом надзоре со стороны госоргана охраны памятников.

Важной составляющей деятельности в сфере учета является анализ документации. За последний год от юридических и физических лиц, осуществляющих научно-исследовательские работы по выявлению и сохранению объектов культурного наследия, принято, обработано и передано на постоянное хранение несколько сотен документов для служебного пользования в Научный архив историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (Центр охраны культурного наследия). Кроме того, разработан проект Списка вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность на территории автономного округа, включающий 226 объектов культурного наследия.

Впервые в истории охраны объектов культурного наследия на территории Югры в 2007 году разработана Программа Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сохранение памятников архитектуры и градостроительства на

территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» на 2008–2010 годы. Реализация программы позволит спасти от разрушения 13 объектов архитектурного наследия регионального значения, расположенных в 5 районах автономного округа – Березовском, Октябрьском, Белоярском, Ханты-Мансийском и Нижневартовском⁵.

Непременным условием качественного осуществления процесса учета объектов историко-культурного наследия является его компьютеризация. В 2007 г. в рамках программы «Культура Югры 2006–2008 гг.» продолжена работа по созданию информационной базы данных, разработана подсистема «ГИС – информация» электронного реестра объектов историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Уникальные природные и культурные объекты дают возможность сохранить те неповторимые уголки природы и рукотворные памятники, которые демонстрируют богатство природы и возможности человеческого разума.

Примечания

¹ Культурная политика России: История и современность. Два взгляда на одну проблему / Ред. И.А.Бутенко. М., 1998. С. 109.

² Там же. С. 110.

³ См.: Историко-культурное наследие /www.admhmao.ru

⁴ Там же.

⁵ Организационные мероприятия// www.admhmao.ru

Н.С.Казакова

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ШКОЛ ПЕДАГОГИЧЕСКИМИ РАБОТНИКАМИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ УЧИТЕЛЬСТВА ОСТЯКО-ВОГУЛЬСКОГО ОКРУГА В 1930-е гг.

В первой половине 1930-х годов, как было уже отмечено, подготовка национальных педагогических кадров только начиналась, поэтому проблема обеспеченности школ учителями и школьными работниками стояла весьма остро. Власти пытались решить эту проблему привлекая к работе комсомольцев, окончивших школы-семилетки, иногда комсомольцы назначались на должность директоров школ¹. Так, в течение 1931/32 гг. на педагогическую работу было отправлено 25 комсомольцев². Также возвращали на педагогическую работу тех, кто имел педагогическое образование, но не работал по специальности.

Всю сложность работы в суровых климатических условиях осознавало и правительство, желая привлечь специалистов для работы на Севере, предоставляет льготы. И так, согласно положению о льготах для работников Крайнего Севера от 12 августа 1930 г. каждому работнику выплачивалась 10% надбавка

за каждый отработанный год, оплата проезда к месту отдыха (1 раз в три года), льготы по обучению работников и их детей, жилищному обеспечению и налогообложению. Отпуск у учителей, работающих на Крайнем Севере, продлевался на 12 рабочих дней к сроку, установленному Минтруда. Однако, достаточно много документов говорит о «бегстве» специалистов в крупные города. Многие молодые специалисты просто не выдерживали бытовую неустроенность, суровый климат. Органы власти пытались закрепить учителей на своих местах хотя бы на один учебный год, но безрезультатно.

Помимо количественного обеспечения школ учителями стоял вопрос об их качественной подготовке. В 1934 г. Совнарком принял постановление «О повышении квалификации учительства», согласно которому «все учителя, не имеющие соответствующего образования должны получить его. Учителя, не имеющие семилетнего образования, должны были его получить в течение этого года»³. В качестве стимула для повышения уровня образования и квалификации учителей в 1932 г. правительство ввело дифференцированную оплату труда учителей. Вводилось четыре разряда квалификации учителей в зависимости от их уровня образования и стажа работы. Для каждой ступени школы были определены отдельные требования к квалификации учителей. Самые мягкие требования предъявлялись к учителям национальных школ. Учитель четвертого (самого высокого) разряда средней школы должен был закончить педагогический ВУЗ, иметь печатные работы и должен был иметь практику методиста в работе с учителями. Подобные постановления принимались неоднократно. И все же ситуация с обеспечением школ округа квалифицированными кадрами была удручающей. В отчете по кадрам ОкрОно по Ларьякскому району за 1934 год даются следующие цифры: заведующие начальной школой – 7 человек, из которых 3 человека имели общее среднее образование, специальное низшее – 3 человека, учителей начальной школы – 6 человек, из которых общее среднее образование было у двух, специальное низшее – у трех человек⁴. Средний возраст учителей и работников Красного чума составлял 19–22 лет⁵.

Учителя, прибывающие на работу в национальные школы, нуждались в первую очередь в переподготовке. Для чего в 1930 г. были организованы двухмесячные окружные курсы при Тобольском педтехникуме, также проводились практикумы-семинары, на которых учителя обменивались опытом. Учителя должны были посещать курсы не реже 1 раза в год⁶. Особое внимание тогда уделялось обучению учителей родному языку учащихся. Для этого Институт народов Севера направлял своих работников-языковедов в северные национальные округа. Помимо обучения коренному языку, курсы должны были закрепить у учителей знание программного материала, обучить их методикой работы с учащимися. Для заведующих школ-интернатов Наркомпрос открыл центральные курсы повышения квалификации. Основная проблема в проведении подобных курсов было их не укомплектование учителями-курсантами⁷.

Для работы в школы для спецпереселенцев, как было отмечено выше, направлялись учителя из разных регионов страны. До тех пор пока школы не были укомплектованы приезжими учителями, их замещали учителя из числа спецпереселенцев.

Политика по их привлечению к преподавательской деятельности была не последовательна и определялась внешними обстоятельствами. Раскулачивание совпало с введением всеобщего начального образования, что вызвало повышенную потребность в кадрах. В этих условиях Наркомпрос пошел на временный компромисс – привлечение на учительские должности лиц, высланных в спецпоселение. Учителя – спецпереселенцы не имели право покидать свой поселок, для них организовывались специальные курсы на местах. По мере подготовки педагогических кадров потребность в учителях из числа спецпереселенцев отпадала. В апреле 1932 года на места был разослан циркуляр ГУЛАГа ОГПУ о преподавателях в школах спецпереселенцев. Отмечалось, что педагогов-спецпереселенцев «используют» неправильно привлекая их к работе в качестве преподавателей обществознания и заведующих школами⁸. 9 мая 1932 года Уралобком, а в июне того же года – Ханты-Мансийский окружкомы партии приняли постановления, которыми предписывалось: «Совместно с органами ОГПУ проверить в месячный срок состав педагогов в грамотном и политическом отношении, ... и укрепить педагогический состав этих школ лучшими работниками округа.... Немедленно снять заведующих школ и учителей из числа спецпереселенцев, не отвечающих требованиям. Оставить до конца года только тех учителей, зарекомендовавших себя преданными советской власти и имеющих переквалификацию⁹. Этим неблагонадежных учителей заменяли педагоги из числа комсомольцев, закончившие девятилетку и краткосрочные курсы. В ноябре 1933 года отдел народного образования Остяко-Вогульского округа сообщил, что среди учителей округа нет спецпереселенцев. Чистка педагогических кадров происходила и в последующие годы.

Проблема низкой квалификации учителей была характерна и во второй половине 1930-х гг. Уровень образования учителей Остяко-Вогульского округа отражается в следующих количественных данных (см. табл. 1)¹⁰.

Из данных таблицы видно, что большинство учителей имели только среднее образование и лишь 6% высшее. Несмотря на постоянно принимавшиеся постановления государственных и местных органов власти о необходимости повышения образовательного уровня учителей, эта проблема решалась достаточно медленно. О.Н.Гончаренко, исследовав процесс развития советской интеллигенции в Зауралье в 1917–1941 г., пришла к выводу, что интеллигенция, в т.ч. учительство в 1930 г. в Зауралье имела низкий уровень образования и профессионализма¹¹.

Состав учителей по образовательному цензу

Учебные годы	Всего учителей	Из них			
		С незаконченным средним образованием	Со средним образованием	С незаконченным высшим образованием	С высшим образованием
1933–34	487	Сведения не выявлены	286	Сведения не выявлены	11
1936–37	570	240	249	14	18
1937–38	586	149	369	43	25
1938–39	715	160	417	92	46

Проблемы низкой квалификации учителей дополнялась проблемой текучки кадров педагогов. Так, директор Березовской средней школы описывает существовавшие проблемы в его школе, одной из которых является безучастное отношение к проблемам школы (зав. районо за текущий учебный год посетил школу 1 один раз, инструктора районо практически не посещают школы). Далее характеризуется другая проблема – низкая грамотность учителей, где приводит пример, когда учительница русского языка в написании диктанта за 6 класс сделала 61 грамматическую ошибку; также отмечает, что преподаватели не были обеспечены необходимыми условиями работы и проживания (не обеспечены квартирами), что являлось причиной большой текучки кадров (за три года в школе сменилось 49 педагогов)¹². На протяжении десятилетия наблюдается увеличение количества учителей, о чем свидетельствуют следующие данные (см. табл. 2).

Таблица 2

Количество учителей школ Остяко-Вогульского округа в 1930-е гг.¹³

1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940
269	289	444	478	525	513	598	708	751	806

Данные, приведенные в таблице, свидетельствуют о том, что количество учителей увеличилось практически в два раза, главным образом за счет подготовки через краткосрочные курсы. По всей видимости, краткосрочные курсы учителя заканчивали за пределами округа, а в округе готовились учителя национальных школ. Охват курсами по подготовке учителей национальных школ за 1932–1935 гг. нашел отражение в следующих цифрах (см. табл. 3).

Из данных таблицы можно сделать вывод, что подготовка учителей для национальных школ через краткосрочные курсы осуществлялась до 1935 г. только на территории округа, а с 1935 г. начинает практиковаться командирование для обучения на краткосрочных курсах за пределы округа.

Охват по подготовке педагогических кадров 1932–1935 гг.¹⁴

Вид подготовки	1932–33 уч. г.	1933–34 уч. г.	1934–35 уч. г.
Курсы подготовки для учителей национальных школ	30	19	30
Командировки в национальное отделение педагогического института	—	—	40

Возможно, это было связано с желанием органов образования повысить качество подготовки учителей, т.к. в педагогических институтах, как правило, разрабатывались образовательные программы, которые затем внедрялись в школы и на курсах учителя обучались этим программам.

Вместе с тем, очень много описано примеров того, что педагоги применяли однообразные формы преподавания, не использовали наглядность, преподавали русский язык без учета особенностей родного языка, что приводило к низкой грамотности учеников. Так, 49 школах пяти районов Остяко-Вогульского округа только 19 учителей знают хорошо национальный язык, 27 учителей знают язык посредственно и 18 – плохо¹⁵. Данные государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа содержат несколько иные показатели: из 50 учителей и культработников, владевших хантыйским и мансийским языками: 22 знали язык хорошо, 17 – посредственно, 11 – плохо. Из них 20 – русские, 13 – националы, 17 – коми¹⁶. В любом случае, учителя владели родным языком учащихся слабо. Показательно то, что учителя не из числа коренных национальностей стремились к овладению родным языком учащихся – треть учителей знали родной язык своих учеников хорошо¹⁷. Руководители районных отделов образования зачастую не владели информацией о школах, находящихся в их подчинении, путали хантыйскую и мансийскую школы. Все это приводило к тому, что учитель, владеющий хантыйским языком, посылался на работу в мансийскую школу и наоборот. Хотя были и исключения, Гильц Тамара Дмитриевна, работавшая в Ханты-Мансийске, после окончания Омского педагогического института, вспоминает: «Заведующий ОкрОНО Иван Дмитриевич Непомнящих часто бывал в школе и уделял много внимания молодым учителям. Большинство учителей много работали над собой (читали, занимались музыкой, учились танцевать, ходили на лыжах). Стремлением к совершенствованию мы подавали пример своим учащимся. Помню, с какой любовью мы готовились к школьным вечерам. Я очень любила украшать зал и коридоры, особенно к Новому году. Заранее объявляли темы маскарада. И ребята, и учителя готовили костюмы».

Случалось, что учителя необдуманно приезжали для работы в школы на Север. Так, заведующий Сартынской русско-зырянской школой Тарунин прислал в районо следующее письмо: «Уезжая за Север, я ехал только за тем, чтобы как следует поохотиться на уток я гусей. Здесь же, в Сартынье, я не убил ни одной, утки, не то, что гуся. Зачем тогда я ехал на Север? Если вы меня не

переведете в Нары-Калы, оплатив проезд мне и моей семье, то сердце охотника и рыбака не вынесет и я уеду совсем»¹⁸.

Одной из проблем в обеспечении школ учительскими кадрами оставалась проблема частой смены учителей, что было характерно для всех культпросветработников. Важнейшей причиной их частой смены являлись тяжелые бытовые условия проживания и работы учителей, низкая оплата труда и чрезмерная загруженность различными обязанностями и поручениями. Задержки по выплате заработной платы составляли 2–3 месяца, о чем свидетельствуют постоянные обращения учителей округа в областные и окружные газеты.

Итак, увеличение количества школ и учащихся в них породило проблему обеспечения учительскими кадрами эти школы. Проблема нехватки педагогов, которая на протяжении десятилетия все же решалась, дополнялась низким уровнем профессионализма учителей. Попытки правительством и органами образования повысить профессиональный уровень учителей все же предпринимались – введение дифференцированной оплаты труда, курсы повышения квалификации. Однако проблема низкой квалификации учителей сохранялась и в последующие годы. В профессии учителя, тогда и сейчас, большую роль играют самообразование и инициативность, несмотря на тяжелые условия труд и проживания, многие учителя стремились сделать обучение интересным, учили родной язык своих учеников, во многом благодаря, таким учителям была заложена система школьного образования.

Примечания

¹ Трофимов П.Л. К истории введения всеобщего обучения в Западной Сибири (1930–1933 гг.) // Культурное строительство в Сибири / Отв. ред. В.Л.Соскин. Новосибирск, 1965. С. 109

² Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее ЦДООСО) Ф. 61. Оп. 1. Д. 521. Л. 117.

³ 3 Постановления партии и правительства о школе: сборник постановлений ЦК ВКП (б) и Совнаркома РСФСР о школе. М., 1939. С. 36

⁴ Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Ф.4, Оп.1, Д.6, Л.1.

⁵ Ишбаев М.М. Выход в свет: становление национальной школы в Ларьякском районе. Нижневартовск, 1998. С. 71.

⁶ Государственный архив Свердловской области. Ф. 233., ОП.1., Д.1556., Л.68.

⁷ О северной национальной школе (решения Наркомпроса и Комитета Севера о национальной школе). // Советский Север. 1935. № 5. С. 86.

⁸ Завгороднюк Н.И. Профессиональное обучение спецпереселенцев // Профобразование Тюменского края: история и современность. Тобольск, 1996. С. 66–73.

⁹ Там же.

¹⁰ Архивный вестник: Просвещение в Остяко-Вогульском округе в 1930-е гг. Сост. Набокова Л.В. Ханты-Мансийск, 2000. С. 30.

¹¹ Гончаренко О.Н. Становление советской интеллигенции в Зауралье 1917–1941 гг.: Автореф. дис. докт. Тюмень, 2005.

- ¹² Школы на Севере // Омская правда. 29 июня 1935 г.
- ¹³ Архивный вестник: Просвещение в Остяко-Вогульском округе в 1930-е гг. Сост. Набокова Л.В. Ханты-Мансийск, 2000. С. 22.
- ¹⁴ Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа. Ф. 5. Оп. 1. Д. 81. Л. 7.
- ¹⁵ *Баландин А.* Школы нашего Севера // Омская правда. 05 августа 1936 г.
- ¹⁶ Архивный вестник: Просвещение в Остяко-Вогульском округе в 1930-е гг. Сост. Набокова Л.В. Ханты-Мансийск, 2000. С. 36–39.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Баландин А.* Школы нашего Севера // Омская правда. 05 августа 1936 г.

Е.В.Казновецкая

РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ФИЛОСОФИИ ЧЕЛОВЕКА

В свое время Мартин Хайдеггер писал о «региональных онтологиях», имея в виду различные предметности в пространстве философского мышления и знания. В своей дискуссии с Иммануилом Кантом о возможности построения метафизики на основе философской антропологии М.Хайдеггер назвал последнюю «региональной онтологией». Речь здесь шла об отдельном «регионе сущего». Однако Хайдеггер растворял философскую антропологию в широчайшем поле метафизики, в рамках целостной онтологии сущего, и поэтому говорить о сформированности у немецкого мыслителя XX в. оснований касательно региональной философии человека было бы преждевременным.

Вместе с тем некоторые современные исследователи допускают наличие таких «региональных онтологий». Строго говоря, если иметь в виду различные онтологические идеи, выполняющие функцию своеобразного «онтологического предела», то таких региональных, предметных онтологий будет несколько. В истории философии в качестве онтологических идей выступали идеи Бытия, Бога, Человека, Природы, Деятельности, техники, Развития, Истории и т.п. Об этом писали многочисленные авторы – Аристотель, Ш.Монтескье, Л.Н.Гумилев и другие.

По этой аналогии вполне возможно в качестве рабочего варианта предложить и ряд направлений в пространстве антропологии и антропопрактики как региональные антропологии. Они будут отличаться друг от друга тем, что будут выделять различные сферы жизнедеятельности и различную геокультурную проблематику становления человека.

Последние исследования, позволяющие допустить содержательную возможность регионального подхода к изучению философско-антропологической проблематики, являются довольно весомыми. Так, например, в Украине регионально-культурологические поиски уже давно сориентированы именно на специфику способа человеческого бытия в культурном пространстве, образован-

ным определенными географическими границами; изучается возможность обоснования ментальности «украинского человека», исходя из специфики его взаимодействия с окружающей средой (Е.И.Андрос, Е.К.Быстрицкий, Н.Н.Киселев, С.Б.Крымский, В.С.Крысаченко, М.В.Попович, В.Г.Табачковский)¹. В художественных практиках как способах самопроявления человека не менее интересным и значимым выглядит этнорегиональный аспект, основательно исследуемый известными украинскими эстетиками и культурологами Л.Т.Левчук, В.А.Личковахом², В.И.Мазепой, Т.И.Орловой и др.

Попытка поставить вопрос о философии человека под углом зрения регионики была осуществлена также и современными российскими исследователями В.И.Полищуком, С.А.Смирновым³, Е.С.Черепановой⁴. Их методологические труды по культурологии, антропологии и истории философии отражают несколько иной от украинского подход, который основывается на учете масштабов и разнообразия этнических саморепрезентаций в Российской Федерации, и поэтому выглядит более сложным и проблемным.

В зарубежной философии человека региональная антропопроблематика развивается в контексте процессов глобализации и гуманитарных вызовов современного мира «post» (В.Клюксен, Я.Кучинский, А.Б.Олива, Г.Сколимовский, Ч.Тейлор, Д.Уорнер). Ключевыми категориями здесь становятся идентификация и самоидентификация, «глокализация», холистическая парадигма, универсализм, интегративизм и т.п. Расставленные таким образом «вехи» антропологической рефлексии скорее напоминают идеологию, нежели философию, однако некоторые подобные идеи, воплощающиеся в политической, социально-экономической или культурной жизни того или иного этноса, имеют в себе потенцию адекватной поддержки его возрождения и развития.

Параллельно с этим еще в послевоенный период выкристаллизовался культурно-экологический подход, который взаимодействовал с экологической психологией, культурной и социальной географией, экологией человека. Данный подход, получивший название «экологической антропологии», объясняет взаимодействие природной среды и культуры. В рамках этого подхода с опорой на концепцию культуры Л.Уайта был сформулирован метод культурной экологии (иными словами, экологической детерминированности культурных форм), который в дальнейшем нашел свое развитие в антропологической мысли второй половины XX века (М.Бейтс, Дж.Стюард, М.Салинс, М.Г.Левин, С.П.Толстов, Н.Н.Чебоксаров).

Как видим, сам факт активного обращения современных антропологических поисков на путь регионального подхода несет в себе задачу выработки методологической базы, которая позволила бы, с одной стороны, объединить и неконфликтно синтезировать многочисленные наработки гуманитарных наук (этнической, исторической и экологической психологии, эниоэстетики, истории, этнографии, социально-экономической географии, экофилософии, культурологической регионики и др.), а с другой – достичь статуса самостоятельной отрасли

человековедения, которая максимально приближается к бытийным, природным и культурным истокам человеческой сущности. Поэтому в данной статье мы ставим перед собой задачу критически исследовать возможности регионального подхода к осмыслению антропологической проблематики, обозначить некоторые фундаментальные принципы и дихотомии региональной методологии, в пределах которых может быть реализован данный подход.

Философская антропология, как известно, имеет дело с поиском и построением базового проекта человека, пониманием его родовой сущности. Религиозная антропология сосредоточена на идее Человека в ее соотношении с другой онтологической идеей – идеей Бога, на проблематике духовного становления личности. Социальная и культурная антропологии рассматривают человека сквозь призму социальности и культуры, а психологическая и педагогическая антропологии анализируют становление конкретных индивидуальных качеств человека в практике обучения и личностного развития.

В свою очередь, каждая региональная антропология потенциально могла бы стать по отношению к конкретным наукам (социологии, культурологии, психологии, педагогике) неким философским пределом и методологической основой с точки зрения прежде всего обнаружения и определения (фиксации онтологических рамок) базового проекта человека, где последний полагается не только как субстанция, но и – что не менее важно! – как экзистенция. Прояснение антропологических оснований и является главной задачей любой региональной антропологии, вступающей в союз с науками и искусством. Какими же должны быть этапы постановки фундаментальных вопросов региональной антропологии?

Первой, на наш взгляд, должна быть актуализирована проблема соотношения национального и регионального в философии в целом. Как уместно замечает исследовательница Е.Черепанова, в связи с повышенным вниманием современных историков философии к национальной идентификации тех или иных мыслителей и многочисленными дискуссиями по этому поводу, вполне естественной является методологическая задача определить, «как региональный подход выявляет типичность того или иного философского стиля»⁵. Ее решение зиждется прежде всего на глубоком содержательном и структурном анализе философских текстов и одновременно – на контекстуальном изучении и интерпретации. Антропологическая тематика сочинений часто содержит в себе наиболее актуальные личностные вопросы самого мыслителя, решение которых (или хотя бы приближение к этому) связано с судьбой конкретного человека – автора, стремящегося вывести индивидуальное бытие на плоскость бытия национального или, по меньшей мере, этнического. Яркими примерами, иллюстрирующими такую тенденцию, можно назвать «хуторскую философию» украинского писателя и общественного деятеля Пантелеймона Кулиша, «философию проселка» Мартина Хайдеггера, «региональный рационализм» Гастона Башляра и т.д. Однако позволяет ли «региональность» антропологической рефлексии

не потерять общементальные особенности и определяющие черты той или иной национальной философии?

С одной стороны, региональный подход как бы «оживляет» философствование, делает его человекомерным, особенно если реципиентом философского текста является индивид, личностный опыт и бытие которого в чем-то совпадают с авторским. Переживание действительности, культурная жизнь, деятельность, творчество в знакомом с детства, родном пространственно-временном континууме («родине») – все это неизменно отражается в антропологической рефлексии философа, оказывая влияние на стиль его философствования. Однако, с другой стороны, региональная специфика (в широком понимании) силой того же влияния может настолько отдалить мыслителя от понимания универсальных законов бытия, что его философские размышления больше напоминают медитации. Указанное противоречие регионального подхода доказывает мысль о том, что региональное измерение не является исчерпывающим и окончательным, однако без него наше понимание философского стиля того или иного философа невозможно.

В этом контексте закономерным будет и следующий вопрос: поскольку человек, безусловно, является творцом и одновременно творением культуры, можно ли интерпретировать одну и ту же культуру одновременно как национальную и региональную? Существуют ли жесткие критерии, по которым они различаются?

Как известно, любую культуру можно «диагностировать» на произвольных основаниях – это, так сказать, внешний произвол исследователя, который не ограничен никакими интерпретационными рамками. Если мы стремимся изучать всемирную историю философии как историю сосуществования национальных логосов, то будем определять специфику национального языка, национальной психологии и, соответственно, искать их отражение в философском стиле, в методологических основаниях и т.д. Однако может получиться, что особенное не выражается в полной мере в наборе национальных признаков, и тогда мы можем предпринять попытку применить региональный подход и рассматривать культуру как региональный феномен.

Осуществляя перенос данного размышления на плоскость философии человека, можно убедиться, что и в этом случае вышеуказанный вывод является вполне правомерным: специфика бытийных признаков и проявлениях экзистенции во многом является особенной, а иногда – и определяющей в становлении и формулировке антропологических позиций философа. Артикуляция собственного взгляда на человека, его сущность и способы самопрезентации миру неминуемо несет в себе региональную составляющую, объективированную в довольно четкой и конечной системе архетипов, символов и артефактов.

Региональная философия (и тем более – антропология) всегда с очевидностью отличается от национальной, поскольку в ней теоретически осмысливается проблема отношения «центр – регион», «целое – регион», т.е. отражаются

драматические черты регионального мышления. Если национальная философия в «снятом» виде тяготеет к идеям объединения, слияния, прогресса, интеграции, доминирования нации, то региональная более озабочена проблемой противостояния духовному центру и отстаивания собственной автономности и уникальности. Тематически региональная философская традиция склоняет своих представителей к обсуждению выбора пути, к изучению вопросов взаимодействия идеологий и культур, к критике устоявшихся национальных философских традиций. Примером этому может служить творческое наследие мыслителей Левобережной Украины или даже ее Чернигово-Сиверского региона (Л.Баранович, И.Галятковский и др.).

Значительную роль в формировании региональной философии, по мнению исследовательницы Е.Черепановой, играет выбор духовного центра, с которым устанавливаются региональные отношения. Безусловно, выбор этот не является случайным или произвольным, скорее наоборот – в нем наглядно проявляется историческая судьба. Что влияет на это выбор? Вопрос непростой и скорее всего имеет комплексный характер. Основанием выбора может быть и общность этнических корней (и тогда возникает тенденция к слиянию с великой «национальной культурой»), и общность языка, и стремление к некоему «цивилизационному стандарту», от которого по историческим причинам данная региональная философская традиция чувствует себя отстраненной. Появление такого центра явно указывает на то, что философская культура вступила в фазу региональной истории и поэтому может быть интерпретирована как региональная. Этот вывод имеет важное значение именно потому, что в философии всегда отражается прежде всего человек, осмысливается его место в социуме, его связи с жизненно важными природными явлениями, его идеалы и парадоксы существования. А наиболее ярко региональные отношения влияют на процессы идентичности, на процессы самоопределения человека в мире, в обществе, наедине с самим собой. В таком аспекте также обнаруживается особая значимость собственно истории формирования региональной целостности.

Исходя из этого, следующим вопросом является вопрос о сущностных признаках регионального подхода. Согласно с мнением Е. Черепановой, региональная философия – это «мировоззрение, отображающее рефлексии по поводу культурно-исторических противоречий с более значимым (для данного региона) духовным центром»⁶. И, соответственно, региональный подход в философии человека с необходимостью будет предусматривать типологию антропологической рефлексии по региональному признаку с ориентацией на духовную автономию философской культуры в пределах определенных территориальных и исторических рамок. Такой подход не просто побуждает исследователя видеть мир регионально, но и ставит перед ним задачу изучать философию как результат идентификационных процессов регионального мышления, определять тот культурный идеал, относительно которого в философии региона идут полемика

и дискуссии. Поэтому диалогический характер современного философствования фактически является отображением драмы идентичности как традиции региона.

Кроме этого, региональный подход предусматривает то, что исследователь готов видеть мир философии региональным, осознавая при этом, что у него всегда есть возможность оперировать отношением между национальной и региональной типологией философской культуры. Данный тезис означает признание того, что история становления наций, отразившаяся в не менее динамичной истории антропологической рефлексии, не может быть историей всего человечества и не способна охватить все разнообразие философских школ. Таким образом, методология регионального подхода позволяет привлечь к мировому мыслительному процессу несколько затененные, однако не менее интересные философско-антропологические традиции, которые в силу исторических причин не укладываются в линейную схему «прогресса наций». Региональный принцип, реализованный в соответствующей методологии, делает возможным синтез преимуществ логико-теоретической интерпретации философии человека с необходимым обоснованием культурно-исторической реальности.

Важной теоретической задачей в решении методологических проблем регионального подхода является поиск основоположных принципов и соответствующего тезауруса. На наш взгляд, эта задача имеет не столько содержательный, сколько технический характер. Речь идет о том, что большинство национальных философий уже имеют в себе довольно мощные наработки касательно становления регионального подхода, однако их конкретизация в этом направлении еще не произошла. Так, например, в известном принципе традиционализма, конкурирующим в современной философии с постмодернистским принципом ризоматичности, имеется прямое указание на такой онтологический параметр человеческого существования, как ориентация в пространстве. Последняя является не просто практической задачей путешественников, мореплавателей или картографов, но и экзистенциальной, духовной задачей каждого человека. Как известно, в самые отдаленные эпохи не только культовые (святые места, храмы), но и бытовые постройки (жилища) соотносились со сторонами света, в чем наглядно проявлялось сакральное отношение к пространству, направления которого имеют строго фиксированное символическое значение. Большую роль в жизни «органических» человеческих сообществ – народов и наций – всегда играла качественная организация пространства, в котором они формировались и впитывали его сакральное значение как составляющую национальной или этнической души: так, например, современный российский исследователь А.Дугин замечает: «Русские расценивали факт расположения «Святой Руси» на равнине как признак объективной богоизбранности»⁷, а в древних русских легендах присутствует сюжет, в котором Егорий Храбрый «прогоняет» горы со Святой Руси на периферию, образуя тем самым «райскую и круглую богоизбранную землю». Пространственные координаты как определяющие в антропологической метафизике часто фигурируют во взглядах украинских мыслителей и в устном на-

родном творчестве, как пишут об этом В.С.Крысаченко, Е.И.Андрос, Н.Н.Киселев и др.

Еще одним методологическим принципом регионального подхода является, по нашему мнению, принцип органичности. Его реализация в философско-антропологических поисках, в отличие от принципа технократизма, демонстрирует совсем иную логику, иной образ мышления. Понятие органичности предусматривает наличие метафизики, фундаментом для которой выступает «сакрализация» определенного региона бытия, признание некоего неразделимого ядра, или, согласно с высказыванием С.Б.Крымского, «ценностно-смыслового универсума» – отправной точки любого рационального суждения и деяния. Таким образом, методология регионального подхода с необходимостью включает в себя дихотомию сакрального и рационального – своеобразное поле напряжения, в котором индивид самовыражается посредством практики, творчества, психической жизни, духовности.

Существенным дополнением в деле построения региональной методологии могли бы стать наработки феноменологической традиции с ее понятиями «жизненного мира», «мира повседневности», «субъективности» и «интерсубъективности», «самодостоверности» и т.п.; философской антропологии М.Шелера; культурной антропологии М.Ландмана, Г.Плесснера, Э.Ротхакера, К.Ранера и др. Конечно, в силу своего дискуссионного характера вопросы о возможностях регионального подхода и его методологии будут порождать все новые и новые проблемы, особенно в сфере человекознания, однако, учитывая актуализировавшиеся в последнее время процессы самоидентификации наций, народов и этнических групп, они являются необходимыми и жизненно важными. Философская рефлексия касательно человека априорно бесконечна, и поэтому региональный подход – это еще одно приближение антропологической мысли к загадке homo sapiens.

Подводя итоги, заметим: выделение регионального аспекта в философии человека имеет скорее дополняющий, нежели определяющий, характер. Однако его игнорирование грозит унификацией человеческого индивида, что в определенных политических, педагогических, психологических, социальных или экономических антропопрактиках способно привести к тотальному нивелированию уникального и неповторимого мира личности, к уничтожению органичной для него среды, «массовизации» его культурного сознания и самосознания и, в конце концов, к потере им свободы. С целью предупреждения или хотя бы минимизации этих процессов современные антропология, культурология, социальная философия должны ориентироваться не только на глобальные феномены, но и изучать, так сказать, «жизненную глокалистику» отдельного субъекта, фундаментальные основания его региональной репрезентации, являющиеся формирующими принципами человеческой экзистенции.

Примечания

¹ Феномен української культури: методологічні засади осмислення / Відп. ред. В.Шинкарук, Є.Бистрицький. К., 1996. 478 с.

² Личковах В.А. Дивосад культури: Вибрані статті з естетики, культурології, філософії мистецтва / В.А.Личковах. Чернігів, 2006. 160 с.

³ Смирнов С.А. Современная антропология. Аналитический обзор / С.А.Смирнов // Человек. – 2004. № 1. С. 61–67.

⁴ Черепанова Е.С. Региональный принцип в историко-философском исследовании / Е.С.Черепанова // Рабочие тетради по компаративистике. Гуманитарные науки, философия и компаративистика. СПб., 2003. С. 35–38.

⁵ Там же, с. 35.

⁶ Там же, с. 37.

⁷ Дугин А.Н. Мистерии Евразии / А.Н.Дугин. М., 1996. С. 6.

Н.Г.Рубцова

РОЛЬ БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИЙ В АСПЕКТЕ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Современный бизнес – это сложное производство, коллективный характер труда, распоряжение огромными ресурсами. Поэтому коммуникации рассматриваются как средство сотрудничества, взаимодействия, обеспечения достижения целей работников, целей организации и целей общества. Понимание сущности бизнес-коммуникаций и владение методами их осуществления – это ведущий фактор в достижении делового успеха. Сотрудники современных организаций должны владеть научными методами познания, уметь проводить необходимые изыскания в сфере их профессиональной деятельности, используя внешние источники информации и знаний и проводя самостоятельные исследования в собственной организации. Независимо от типа организации деятельность по обмену информацией имеет огромное значение. Коммуникации одинаково важны и для организации, и для отдельных людей.

Процесс коммуникации напрямую связан с эффективностью управления. Коммуникации – связующий процесс. Качество обмена информацией может прямо влиять на степень реализации идей. Это означает, что для успеха сотрудников и компании в целом необходимы эффективные коммуникации.

Руководитель, желающий обмениваться информацией об оценке результатов работы, должен четко понимать, что идея состоит в том, чтобы сообщить подчиненным конкретную информацию об их сильных и слабых сторонах и о том, как можно улучшить результаты их работы. Идея не может заключаться только в похвалах или критике поведения подчиненных.

Существуют разные определения коммуникации. Это и понимание коммуникации как однонаправленного, субъективно-объективного, чисто информацион-

ного процесса, и как общения между двумя активными субъектами, в процессе которого происходит обобщение и увеличение информации.

По определению, данному в энциклопедическом словаре коммуникация (лат. communicatio, от communico – делаю общим, связываю, общаюсь): 1) пути сообщения, транспорта, связи, сети подземного коммунального хозяйства; 2) общение, передача информации от человека к человеку в процессе деятельности¹.

По мере развития теории коммуникаций как научной категории, количество определений коммуникации как основного элемента данной науки непрерывно росло. На сегодняшний день существует множество определений этого понятия. Анализ различных определений коммуникации, данных разными авторами, показывает, что основное их отличие заключается в том, что данная категория рассматривается в контексте различных теоретических и прикладных наук.

Б.А.Родионов определяет общение как взаимодействие людей, содержанием которого является познание и обмен информацией².

В.Г.Королько делает акцент на том, что передача информации и коммуникация – это не одно и то же. Другими словами простое распространение информации путают с актом коммуникации³.

Существует определение коммуникации в общих выражениях как *процесса* передачи информации от одного человека (трансммиттера) к другому (приемнику) с целью сообщения определенного смысла.

А.Б.Зверинцев⁴ рассматривает коммуникацию, прежде всего, как одну из форм взаимодействия людей в процессе *общения*, как информационный аспект общения.

Социологи⁵ подразумевают под коммуникацией передачу социальной информации.

Психологи обозначают термином «коммуникация» процессы обмена продуктами психической деятельности. «Коммуникация – процесс двустороннего обмена информацией, ведущей ко взаимному пониманию. Если не достигается взаимопонимания, то коммуникация не состоялась. Чтобы убедиться в успехе коммуникации необходимо иметь обратную связь о том, как люди вас поняли, как они воспринимают вас, как относятся к проблеме»⁶.

В.А.Сливак определяет коммуникацию в книге «Корпоративная культура»⁷: «Коммуникация ... – это обмен информацией в процессе деятельности, общение (а также пути сообщения)».

Но необходимо при этом различать информацию и собственно коммуникацию. Теоретик европейских связей с общественностью Люсьен Матра пишет об этом: «Многочисленные направления так называемой коммуникации, в области которых я работал, научили меня в первую очередь тому, что следует различать информацию (одностороннее сообщение) и коммуникацию (сообщение, на которое поступает ответ), или сообщение с «обратной связью». Другими словами, коммуникация, благодаря подразумеваемому наличию в ней обратной связи, позволяет узнать, получено ли сообщение, тогда как односторонняя информация

всегда в некотором роде бутылка с запиской, брошенная в море. Существуют разные коммуникации, более или менее согласующиеся между собой, в которых для достижения разных целей используются разные стратегии и языки. А разговор на нескольких языках одновременно, даже если говорят об одном и том же, отнюдь не способствует облегчению понимания»⁸.

Понимание сущности коммуникативного процесса является базовым знанием, необходимым для изучения коммуникаций в бизнесе как научной прикладной дисциплины. Невозможно переоценить важность коммуникаций в деятельности по связям с общественностью и формировании корпоративной культуры. Едва ли не все, что делают менеджеры и руководители, направлено на то, чтобы облегчить организации достижение ее целей. Если люди не смогут обмениваться информацией, они не сумеют работать вместе, формулировать цели и достигать их. Согласно многочисленным исследованиям, проведенным автором широко известной во всем мире теории ролей руководителя Г. Минцбергом, руководитель тратит от 50% до 90% всего времени на различного рода коммуникации. По сути, руководитель тратит все свое время на взаимодействие с людьми, на общение, являясь сосредоточением коммуникаций в организации. В подтверждение данной статистики можно привести высказывание известного американского исследователя Д.А. Беднара, который на основании многочисленных научных изысканий по данной проблематике заключил: «Неэффективные коммуникации на уровне личности и организации – одна из главных сфер возникновения проблем. Эффективно работающие руководители – это те, кто эффективен в коммуникациях»⁹.

Коммуникации имеют место во всех процессах, происходящих в организации. Среди них можно выделить межличностные и групповые отношения, обмен информацией, принятия решений, управленческие функции планирования, организации, мотивации и контроля, что, в свою очередь, непременно отражается на качестве корпоративной культуры. Именно потому, что коммуникации встроены во все основные виды управленческой деятельности, они являются связующими звеньями, оказывающими существенное влияние на эффективность всех процессов, происходящих в организации.

Таким образом, бизнес-коммуникации представляют собой не что иное, как систему коммуникаций (обмен информацией и взаимодействие), имеющих место в процессе жизнедеятельности любой организации. При исследовании бизнес-коммуникаций большинство авторов (Дж. Дункан¹⁰, Дж. К. Лафта¹¹, Г. Г. Почепцов¹²) традиционно уделяют значительно внимание формальным коммуникациям, то есть намеренно создаваемым руководством компании в целях достижения интересов компании. При этом коммуникации рассматриваются как процесс, связанный с межличностным и организационным общением при передаче информации как внутри организации, так и с внешней средой. Поэтому коммуникации подразделяются на внутренние и внешние. При этом значительное место

в подобных квалификационных схемах уделяется межуровневым внутренним коммуникациям:

— вертикальные коммуникации: коммуникации сверху – вниз (информация передается с высших уровней на низшие, исполняя роль прямой связи) и коммуникации снизу вверх (информация передается снизу вверх, выполняя роль обратной связи);

— горизонтальные коммуникации, которые осуществляются между сотрудниками, находящимися на одном иерархическом уровне.

При этом следует отметить, что практически все современные исследователи, занимающиеся проблематикой бизнес-коммуникаций, отмечают важную роль неформальных коммуникаций, которые обязательно имеют место в любой организации и в некоторых случаях оказывают большее влияние на корпоративную культуру.

Под неформальной коммуникацией понимается любой обмен информацией и взаимодействие сотрудников, не имеющие непосредственного отношения к выполняемым производственным функциям. Неформальные коммуникации оказывают существенное влияние на поведение сотрудников и, как следствие, влияют на уровень корпоративной культуры.

В этой связи С.В.Шекшня отмечает: «Особенностью неформальных коммуникаций является то, что они пренебрегают организационной структурой и понижают все иерархические уровни. Эта особенность делает всех членов организации участниками информационного обмена и придает ему особую значимость для управления человеческими ресурсами»¹³.

Таким образом, бизнес-коммуникации представляют собой систему коммуникаций, которые имеют место в процессе жизнедеятельности любой организации. Именно потому, что коммуникации встроены во все основные виды управленческой деятельности, они являются связующими звеньями, оказывающими существенное влияние на эффективность всех процессов, происходящих в организации.

При исследовании возможных типов бизнес-коммуникаций используются множество различных подходов, описывающих различные их виды. Но практически все эти подходы классифицируют бизнес-коммуникации по аналогичным признакам: по месту осуществления, по источникам регулирования, по видам каналов и средств коммуникации и т.п.

В любой организации – даже самой небольшой, используются как минимум два коммуникационных средства – устные коммуникации и записки. В более крупных организациях также используются: внутренние газеты – листки новостей, управленческие публикации, ежегодные отчеты организации, доски объявлений, внутреннее видео, Интернет и интранет, встречи с руководителями, слухи.

Коммуникации в организации характеризуются следующим образом¹⁴:

— Наличие «обратной связи» – возможности для занятых выражать свое мнение и даже возражения менеджменту. Занятые хотят иметь доступ к менеджменту, к руководству организации. Они хотят появления критических статей во внутренних публикациях, хотят, чтобы руководство придавало этому значение.

— Видимость и близость высшего руководства. Многие компании пытаются выровнять ранговые различия, элиминировать такие напоминания о статусе, как кафетерии, спортзалы и автостоянки для руководства. Управление «прохаживаясь вокруг» (management by walking around), – когда менеджер периодически обходит подразделения и рабочие места, неформально беседуя с людьми о проблемах и решениях, – позволяет усилить взаимопонимание менеджеров и занятых.

— Приоритет внутренних коммуникаций перед внешними. Занятые должны получать информацию о своей компании в ней самой, а не из вечерних новостей. Иначе сотрудники считают, что им не доверяют. Компания должна выпускать информацию, затрагивающую интересы сотрудников, сначала для самих сотрудников, а уже потом для внешних аудиторий.

— Ясность. Каждое сообщение для сотрудников должно быть понятно их широкому кругу, а не только тем, кто это сообщение выпустил.

— Дружественный тон. Лучшие компании создают «ощущение, чувство семьи» во всем, что они сообщают. Одна высокотехнологичная американская компания ввела порядок – все должны носить табличку с именем (первым именем, а не фамилией), написанным большими печатными буквами. Эта, казалось бы, мелочь, делает коммуникации более персонифицированными, то есть более личными, открытыми, убирая барьеры неизвестности и неопределенности.

— Чувство юмора разряжает серьезную обстановку компании, где люди беспокоятся о сохранности своей работы.

Задача менеджера – убедить занятых, что он не только стремится коммуницировать с ними, но также хочет делать это на правдивой, откровенной основе. Это сегодня одна из самых больших проблем внутриорганизационных коммуникаторов. Менеджмент должен быть правдивым, потому что организационная публика обычно знает, что происходит в организации и честно ли руководство с ней.

Ориентирами в построении внутренних коммуникаций служат следующие правила¹⁵:

— Регулярное исследование отношения сотрудников к организации им менеджменту позволяет выявить проблемы до того, как они станут кризисом.

— Последовательность и регулярность коммуникаций.

— Персонификация коммуникаций, их личный характер. Работники хотят личного внимания от тех, для кого они работают, особенно от ближайших менеджеров. Поэтому многие компании проводят встречи «на местах», в которых

менеджеры высшего уровня гастролируют по стране – в места размещения заводов, чтобы отвечать на вопросы занятых.

— Искренность коммуникаций все более значима в условиях растущего прагматизма, скептицизма работников и их возросших требований достоверности сообщений.

— Перспективная направленность коммуникаций. Сотрудникам нужно позволить мечтать и фантазировать, а также строить связи между реальностью и мечтой.

— Инновационность в выборе новых коммуникационных решений диктуется бурным развитием технологий и необходимостью конкурировать за внимание с огромным количеством ярких теле – и видеообразов, окружающих сотрудников в их повседневной жизни.

— Полицентризм и мультинаправленность коммуникаций. Необходимо отойти от модели однонаправленного централизованного потока информации «сверху-вниз» и обеспечить возможность активного участия занятых в коммуникациях с топ-менеджментом и друг с другом. Сотрудники должны иметь реальную возможность инициировать коммуникации в организации – задавать вопросы, поднимать проблемы и предлагать их решения.

Внутрикорпоративные коммуникации должны помогать компании в достижении своих внешних и внутренних целей, и, прежде всего, в формировании корпоративной культуры. После установки целей и определения стратегий коммуникации с занятыми необходимо разработать программу коммуникаций. Для этого проводится внутренний аудит коммуникаций – исследуется отношение занятых к их работе, к самой организации и ее менеджменту. Анализируются также существующие методы и формы коммуникации. Результаты такого исследования часто поразительны, всегда информативны и не могут быть проигнорированы. Они выявляют идеи и концепции, необходимых для организации средств коммуникации.

Сотрудники, как правило, хотят, чтобы коммуникации несли для них следующую информацию:

- что и почему происходит в организации;
- что должно произойти в организации;
- значение изменений или достижений для работников персонально;
- решения, принимаемые в организации и их причины.

Сотрудники хотят быть не только проинформированными, но и услышанными. Коммуникации – это двусторонний поток информации. Коммуникации с сотрудниками могут иметь синергический эффект. Часть работников нередко одновременно входит и в другие группы общественности – местных жителей, политических партий и др. Поэтому внутренний имидж организации проецируется на внешнее восприятие организации.

Строя коммуникации, следует учитывать, что сотрудники в первую очередь лояльны своей команде, затем – отделению, и только потом компании в целом. Чем более отдален топ-менеджмент, тем более он безличен для занятых. В крупных организациях коммуникации должны решать проблемы отдаленности работников от топ-менеджмента как центра управления жизнедеятельностью компании.

Результативность внутренних связей с общественностью определяется тремя основными факторами:

- открытый менеджмент;
- осознание менеджментом ценности и необходимости коммуникаций с сотрудниками;
- квалифицированный и опытный менеджер коммуникаций, обладающий современными техническими ресурсами.

Основными *задачами* внутриорганизационных коммуникаций являются:

1. Формирование корпоративной общности. Работники должны чувствовать себя членами одной корпоративной команды. Люди ощущают себя частью целого, когда у них есть общее информационное поле, которое их объединяет, и на котором каждый из них – игрок. Задача формирования и поддержки корпоративной общности особенно актуальна для территориально распределенных компаний, глобальных и мультинациональных компаний, а также компаний-конгломератов, включающих несколько разных отраслей деятельности и/или созданных в результате слияния или поглощения.

2. Поддержка и развитие корпоративной культуры – корпоративных ценностей и норм поведения. Работники должны знать – что такое хорошо и что такое плохо в компании и почему. Корпоративная культура для того, чтобы существовать и управлять событиями в компании не может просто декларироваться топ-менеджментом раз в год на ежегодном собрании. Культурные ценности необходимо постоянно транслировать в историях о текущей деятельности подразделений, о маленьких шагах отдельных сотрудников и компании в целом на пути к большому успеху. Внутриорганизационные коммуникации должны продвигать частные достижения, показывать их факторы, роль и значение для компании. В компании должны быть свои герои, которыми можно гордиться и которые служат примером для подражания.

3. Информационная поддержка управленческих решений. Для того, чтобы управленческие решения были адекватными и были реализованы на практике, они нуждаются в информационной поддержке. Адекватность решений требует сбора и анализа информации. Сотрудники выступают в этом случае экспертами – они знают ситуацию изнутри и эта информация важна для правильности решения. Реализация управленческих решений предполагает участие занятых и, по меньшей мере, отсутствие сопротивления с их стороны. Поэтому менеджмент должен объяснять им политику компании и то, как компания управляется.

Управление изменениями (реструктуризация компании, сокращение занятых, освоение новых технологий, слияние бизнесов) – та сфера, где коммуникации – критический фактор успеха. Недостатки коммуникаций менеджмента с сотрудниками при проведении изменений вызывают в компании атмосферу неопределенности, нелепые слухи, падение уровня доверия и морали, высокий уровень беспокойства, широко распространенное чувство бессилия и недостаток контроля над ситуацией. Такая ситуация – результат промедления в объявлении изменений; сокрытия информации, относящейся к изменениям и отсутствия комментариев о причинах сокрытия. Негативный фон создают также закрытый для работников процесс планирования изменений, противоречивость и неожиданность предоставляемой им информации.

Коммуникационные стратегии при проведении изменений предполагают:

- раннее объявление изменений даже в случае неполноты информации;
- установление графика информирования;
- комментарии причин невозможности представления большей информации;
- установление открытого и коллективного процесса планирования на основе максимального участия тех, кого затрагивают эти изменения;
- прояснение полезности и схемы решений об изменениях;
- информирование сотрудников прежде, чем СМИ;
- адаптация объявления к заботам каждой аудитории.

4. Объяснение финансовых результатов. Сотрудники ожидают от своих компаний информации о финансовых результатах работы. Они ожидают результативной работы менеджмента и прибыльной работы компании. Они хотят знать, как деньги компании зарабатываются и тратятся. Коммуникации должны содержать толкование данных квартальных и ежегодных отчетов. Для такого объяснения используются Интернет-сайт компании и электронная рассылка, внутренняя пресса, видеофильмы.

5. Выявление коммуникационных и управленческих проблем компании. Многие проблемы в компании могут носить скрытый, латентный характер. Занятые могут выступить ценным источником информации, позволяющим найти неожиданные варианты решения проблем. Организация Интернет-конференций или чатов по теме позволяет выявить спектр позиций занятых в режиме дискуссии.

6. Мобилизация ресурсов сотрудников и общественного мнения для решения корпоративных задач. Вовлечение занятых в процесс обсуждения корпоративных задач активизирует их участие в решении этих задач. Представив свою позицию по проблеме, сотрудник берет на себя некоторую ответственность в поиске решений, а значит и в самом решении проблемы. Иногда сотрудникам для более активного участия в решении проблемы нужна поддержка общественного мнения. Это мнение может быть представлено в средствах корпоративных коммуникаций.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод: каждая конкретная компания может использовать свой набор средств внутриорганизационных коммуникаций, который оптимален для нее и зависит от сферы деятельности, типа и спектра персонала, расположения рабочих мест, но, естественно, чем больше будет количество этих средств, тем эффективнее будут коммуникации, и, соответственно, выше уровень корпоративной культуры. Но в любом случае необходимо учитывать, что росту доверия способствуют: своевременные и более частые коммуникации; демонстрация доверия сотрудникам путем распространения как хороших, так и плохих новостей; вовлечение сотрудников в процесс коммуникаций и, собственно, решения проблем, запрашивая их идеи и мнения.

Примечания

- ¹ Энциклопедический словарь // Издательство «Русский язык». М., 1998.
- ² Родионов Б.А. Коммуникация как социальное явление. Ростов н/Д, 1984. С. 46.
- ³ Королько В.Г. Основы Паблик рилейшнз. Киев, 2000. С. 69.
- ⁴ Зверинцев А.Б. Коммуникационный менеджмент PR. СПб., 1997.
- ⁵ Колесников Ю.С. Прикладная социология. Ростов н/Д, 2001. С. 85.
- ⁶ Столяренко Л.Д. Основы психологии / для студентов вузов. Ростов н/Д., 1997. С. 632.
- ⁷ Сливак В.А. Корпоративная культура. СПб., 2001. С. 186.
- ⁸ Филипп А. Буари. Паблик рилейшнз или стратегия доверия. М., 2001. С. 39.
- ⁹ Bednar D.A. «Relationships Between Communicator Style and Managerial Performance in Complex Organizations: A Field Study», Journal Of Business Communications, vol. 19 (1982).
- ¹⁰ Дункан Дж. Основопологающие идеи в менеджменте: Уроки основоположников менеджмента и управленческой практики. М., 1996. С. 119.
- ¹¹ Лафта Дж.К. Эффективность менеджмента организации. Учебное пособие. М., 1999. С. 171.
- ¹² Почелцов Г.Г. Теория коммуникаций. М., 2001. С. 54.
- ¹³ Шекшня С.В. Управление персоналом современной организации // Учебно-практическое пособие. М., 2000. С. 148.
- ¹⁴ Алешина И.В. Паблик рилейшнз для менеджеров. Учебник. М., 2003 г. С. 238.
- ¹⁵ Там же.: С. 241.

СОДЕРЖАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПЕДАГОГА ПО СОЦИАЛЬНОМУ ВОСПИТАНИЮ УЧАЩИХСЯ

Жизнь ребенка в общеобразовательной школе упорядочена и организована, а внешкольная среда противоречива, специфична, в определенной мере стихийна. В школе и дома у ребенка есть свои конкретные обязанности, он под контролем. На улице же он чувствует себя свободным от контроля и от обязанностей. На современном этапе школа испытывает значительные трудности в решении задач социального воспитания детей в связи с изменением социальных ценностей общества. Причинами этих трудностей являются: длительность периода определения новых ценностей социума, что негативно отразилось на школе, которая вынуждена была сосредоточиться на учебных задачах; недостаточная целенаправленность процесса социального воспитания, в том числе социального развития личности вследствие отсутствия специалиста социального педагога; отсутствие диагностики социального опыта школьников, их готовности к вхождению в новую социальную среду.

Современная школа призвана координировать совместные усилия семьи и общественности по формированию социально благоприятной среды воспитания детей и взрослых. В ней создаются условия, которые снимают противоречия между целями воспитания и естественными потребностями нормально развивающегося человека.

Деятельность социального педагога по социальному воспитанию учащихся школы будет эффективной если,

- педагогическая диагностика является необходимым компонентом воспитательного процесса в школе;
- реализуется целевая программа социально-педагогической деятельности по социальному воспитанию учащихся.

Общеобразовательная школа призвана координировать совместные усилия семьи и общественности в формировании социально благоприятной среды воспитания детей и взрослых. В ней создаются условия, которые снимают противоречия между целями воспитания и естественными потребностями нормально развивающегося человека.

Сегодня фактор взаимодействия, взаимозависимости процесса воспитания с социальной средой, в которую погружен школьник, приобрел особую остроту и актуальность.

Социальное воспитание как система включает все то, что формирует человека, образует целостность разного. Очевидно, без школы не научиться жить среди людей, но ущербно и общественное воспитание вне органической связи со школьным.

Социальная педагогика имеет свои цели, содержание, структуру. Ее место действия – не только школа, семья, двор, но в целом социум или микросоциум.

Знания, умения и навыки ученика в процессе обучения возрастают, это можно зафиксировать, тогда как обнаружить результаты воспитания достоверно невозможно, социальный педагог лишь может наблюдать эффекты жизнедеятельности своих воспитанников и с большей или меньшей долей уверенности связывать их со своим воспитывающим влиянием.

Социальный педагог нигде и никогда не встречается с ребенком как «объектом» (если он действительно педагог, а не работник с «человеческим материалом»); в личностной позиции он всегда встречается с другим человеком, в собственно профессиональной – с условиями его становления и развития.

Социальный педагог – субъект воспитательного влияния во взаимодействии (прямом и опосредованном) с ребенком и детским сообществом школы, что предполагает его готовность и способность:

- строить общение с детьми на основе гуманистических принципов;
- выстраивать совместную деятельность с детьми как воспитывающую, на основе отношений сотрудничества и сотворчества;
- создавать воспитывающие ситуации в учебной, трудовой, игровой, художественной и других видах деятельности школьников;
- раскрывать и реализовывать воспитательный потенциал процесса обучения;
- взаимодействовать со школьниками как субъектами школьного самоуправления;
- поддерживать процессы самопознания, саморазвития, самореабилитации, ценностно-смыслового поиска ребенка, организуя необходимую групповую и индивидуальную работу;
- предоставлять реальные возможности для личностной самореализации, жизненного самоопределения ребенка в пространстве воспитательной системы школы;
- транслировать гуманистическую культуру отношений человека к себе, к окружающему миру;
- быть открытым к воспитательному влиянию детей на него самого;

Социальный педагог – субъект личностного и профессионального развития себя (саморазвития) как воспитателя, что, в свою очередь, предполагает его готовность и способность быть открытым личному опыту. Должен быть готов:

- совершенствовать свои профессиональные знания и умения педагога, оказывающего благотворное влияние на формирование и развитие личности ребенка;
- осваивать новые для себя способы общения и взаимодействия, исследовательской работы;
- учиться сочетать традиции и новации в воспитании;
- рефлексировать свою деятельность.

Социальный педагог – субъект формирования и развития педагогического коллектива как коллектива воспитателей, что предполагает его готовность и способность:

- системно видеть процессы обучения и воспитания в школе, определять свою позицию и роль в становлении и развитии воспитательной системы;
- свободно и ответственно представлять себя как личность в процессе ценностно-смыслового самоопределения педагогического коллектива в воспитательной системе, как активного участника педагогического самоуправления;
- поддерживать событийный (совместное бытие) характер отношений в педагогическом коллективе как профессиональной общности педагогов-воспитателей;
- осмысливать и обсуждать на теоретико-методологическом и практическом уровнях, привлекая возможности педагогики и других социальных наук, актуальные проблемы воспитательной системы школы;
- моделировать, проектировать, прогнозировать изменения в собственной деятельности и в деятельности педагогического коллектива по развитию гуманистической воспитательной системы;
- объединяться в самоопределяющиеся временные общности с другими педагогами с целью решения насущных проблем школьного обучения и воспитания, а также для педагогического самообразования;
- предоставлять возможность коллегам знакомиться со своим опытом воспитательной деятельности, самому пользоваться аналогично предоставляемыми возможностями.

Социальный педагог – субъект взаимодействия с семьей, представителями социума, социальными общностями (институтами), «выходящими» на ребенка, стимулирующий проявление их воспитательного потенциала.

- поддерживать положительную направленность семьи на воспитание ребенка; компенсировать возможные негативные проявления семейного воспитания;
- организовывать совместную деятельность педагогов, родителей и детей в условиях воспитательной системы школы;
- сотрудничать в решении воспитательных задач с социальными педагогами, психологами, педагогами дополнительного образования, валеологами, медицинскими работниками, работниками учреждений культуры, спорта и пр.;
- защищать интересы детей, содействовать реабилитации ребенка, оказавшегося в условиях конфликтного социума.

В центре общественных интересов стоит личность. Значит и социальная педагогика может выполнить свое назначение при условии, если создает ситуацию, в которой возможны будут в окружающей среде деятельность, отношения и общение этой личности, иначе окажется искаженной педагогическая формула: возможности среды, влияющей на формирование личности тем больше, чем сильнее деятельность этой личности способствует преобразованию данной среды. В противном случае – невежество и практицизм, иждивенчество и по-

требительство, распространившиеся в условиях робких попыток перейти на рыночную экономику.

В рамках социального воспитания в общеобразовательной школе основная часть работы, ложится на социального педагога. Социальный педагог работает по вопросу социального воспитания в общеобразовательной или профессиональной школе, внешкольных и дошкольных учреждениях, социальных приютах, детских домах, школах-интернатах, школах реабилитации и других образовательных учреждениях. В организации своей работы отдаёт приоритет созданию здорового микроклимата в коллективе, гуманизации межличностных отношений, способствует реализации способностей каждого, защите интересов личности, организации досуга, включению в социальную полезную деятельность, изучает специальные проблемы школьников и учителей, принимает меры к их решению. Поддерживает постоянную связь с семьями учащихся.

В современных условиях в работе различных структур в области социальной защиты определились основные направления социального воспитания, которым занимается и социальный педагог. Это организация оказания материальной помощи (денежная, патронат, пособия и льготы, помощь в быту); организация социальной заботы (работа с людьми, подбор сотрудников, проверка, пропаганда лучшего опыта); влияние на человека.

Социальный педагог работает в области защиты ребёнка, подростка, оказывает ему социальную или медицинскую помощь; он должен уметь организовать его обучение, его реабилитацию и адаптацию.

Педагогическая сущность деятельности по вопросам социального воспитания в общеобразовательной школе включает в себя следующие аспекты: забота о педагогической целесообразности воспитательной работы, проводимой семьёй, общественностью, всеми взрослыми с учащимися и их ближайшим окружением, оказание им постоянной разносторонней методической помощи.

В педагогике семьи традиционно делятся и дифференцируются между собой по тому, насколько они восприимчивы к педагогическим влияниям. В зависимости от этого выделяется несколько групп семей.

Первая группа – семьи, которые серьёзно, вдумчиво относятся к воспитанию собственных детей, являются активными помощниками воспитательных учреждений и стремятся поддерживать с педагогами единую воспитательную линию.

Другая группа – родители допускают отдельные ошибки воспитания, в силу педагогической некомпетентности, занятости, болезней и прочее, но при этом заинтересованы в их устранении. И, наконец, есть семьи, в которых родители не уделяют достаточного внимания воспитанию потому, что для них оно не является жизненно важной и значимой проблемой. Само по себе такое деление может служить педагогическим целям, но воспитательное воздействие на семью будет эффективнее, если учитываются особенности воспитания детей в семье. Для чего нужно дифференцировать семьи? Для того, чтобы при работе с ними пра-

вильно и по возможности точно выделить то особенное и существенное, что отличает одну семью от другой.

Проведение тщательного и вдумчивого изучения педагогического потенциала семей дает систематическую информацию о семьях учащихся, на основе которой педагогический коллектив Центра воспитательной работы осуществляет коррекцию воспитательной деятельности родителей.

Результативность работы с семьей по месту жительства во многом зависит от того, насколько глубоко она отражена в планах воспитательной работы. Условно можно выделить основные направления, по которым может планироваться и строиться работа педагогических коллективов в микрорайоне по руководству семейным воспитанием.

Специфической особенностью социального воспитания является то, что его нельзя обособить в какой-то специальный воспитательный процесс. Формирование морального облика протекает в процессе все многогранной деятельности детей (играх, учебе), в тех разнообразных отношениях, в которые они вступают в различных ситуациях со своими сверстниками, с детьми моложе себя и с взрослыми. Тем не менее, социальное воспитание является целенаправленным процессом, предполагающим определенную систему содержания, форм, методов и приемов педагогических действий.

Рассматривая систему социального воспитания, следует различать несколько аспектов. Во-первых, осуществление согласованных воспитательных влияний учителя и ученического коллектива в решении определенных педагогических задач, а внутри класса – единство действий всех учащихся. Во-вторых, использование приемов формирования учебной деятельности социальным воспитанием. В-третьих, под системой социального воспитания понимается также взаимосвязь школы и семьи, и взаимовлияние воспитываемых в данный момент моральных качеств у детей. В-четвертых, систему социального воспитания следует усматривать и в последовательности развития тех или иных качеств личности по мере роста и умственного созревания детей.

Современная система социального воспитания достаточно разнообразна. Она включает приемы и методы, направленные на социализацию личности; пути и способы, помогающие личности нормализовать отношения с окружающими людьми.

При организации и выборе методов воспитательной работы социальному педагогу следует помнить, что кроме него на ребенка влияют: природа; семья, школа, среда; собственная деятельность; средства массовой информации; литература, искусство; образ жизни ближайшего окружения, собственные планы, положение в коллективе.

Методы работы социального педагога могут быть групповые и индивидуальные, но и работая с группой, педагог в первую очередь имеет дело с личностью ребенка. Ученые классифицировали методы социального воспитания. Определив их как «способы целенаправленных действий в конкретной ситуации

взаимодействия с личностью и ее культурно-образовательной средой, обеспечивающие формирование социально значимых отношений и качеств личности».

Методы социального воспитания подразделяются на группы.

1. В зависимости от того, на что они направлены:

- формирование сознания (взглядов, оценок, понятий, суждений);
- формирование эмоциональных чувств и стремлений (мотивов, чувств, стремлений, идеалов);
- самовоспитание личности (самооценки, самоконтроля, самоорганизации);
- формирование социально-приемлемого поведения и деятельности личности, привычек, отношения с окружающими.

2. В зависимости от характера отношений воспитателя и воспитанника: организация деятельности; метод общения; опека; самореализация и индивидуальная коррекция действий.

3. В зависимости от характера влияния среды на личность: общение, мнение, тренировка, организация деятельности, общение – диалог; создание новой среды: новая деятельность, изменения смысла жизни, отношений, деятельности, изменение поведения, изменение ситуации, изменение среды.

Из этого обилия методов социального воспитания ученые сгруппировали их по содержанию работы: социально-экономические; организационные; психолого-педагогические.

Существует несколько видов наблюдения:

- включенное наблюдение, когда воспитанник и педагог в контексте;
- систематическое наблюдение – проводится длительно, непрерывно или по циклам (денно в неделю, неделю в году);
- несистематическое наблюдение – проводится в экстремальных ситуациях;
- ситуативное наблюдение – проводится в зависимости от ситуации: в привычной обстановке (в семье, со сверстниками) и в экстремальной (при отмене уроков, болезни учителя).

Метод беседы дает возможность педагогу проникнуть в духовную жизнь воспитанника, выяснить все трудности его жизни. Успех бесед зависит от профессионализма социального педагога, его умения выстроить беседу так, чтобы расположить к себе ребенка, а также от заинтересованности в беседе воспитанника.

Педагог должен быть подготовлен к беседе. Важно не только сформулировать вопросы. Но и выстроить их в определенной последовательности, логике, расположить их так, чтобы ключевые вопросы были в середине беседы. Ведение беседы требует от педагога серьезного анализа ее содержания и напряженной памяти.

Непременное условие успеха беседы – учет возраста ребенка, его индивидуальных особенностей, задатков и способностей.

Особо следует сказать об ознакомительной беседе. Она проводится в учреждении социальной помощи и поддержки, в приютах, детских домах, в учреждениях пребывания несовершеннолетних правонарушителей.

Метод анкетирования. Собрать материал, характеризующий воспитанника, можно методом анкетирования. Из анкеты социальный педагог может узнать его интересы и особенности, определить психологические проблемы, представить его прежние поступки.

Метод интервью дает возможность получить сведения на заранее продуманные вопросы. Они должны быть точно сформулированы. Исследование ведется в разговорной форме по одной определенной теме.

При фиксированном интервью вопросы раздаются заранее. Они позволяют исследовать личность в широком диапазоне. Практикуется объединение методов анкетирования и интервью.

Метод тестирования. В практике работе социального педагога используются различные виды тестирования. Оно может проводиться в форме опроса, наблюдения, эксперимента, краткосрочного задания. Чаще всего к этому методу социальный педагог прибегает, чтобы установить, подвергался ли ребенок физическому насилию, как к нему относились взрослые. В комплексе с этим методом используется наблюдение, беседа, интервью, анкетирование. Такое глубокое обследование помогает выявить эмоциональное насилие.

Метод преодоления конфликта. Педагог спокойно анализирует мнение конфликтующих сторон. Продумывает этапы разрешения противоречий между ними. Находит положительные точки соприкосновения конфликтующих, чаще – это общая деятельность. Важно выбрать момент, время, когда можно провести переговоры между конфликтующими.

Методы леченой педагогики. Данные методы основываются на принципах, которые отражают особенности работы социального педагога с этой категорией детей. Это ответственность за жизнь детей и бережное отражение к каждому ребенку, сочувствие и гуманность, учет возрастных особенностей детей, их задатков и способностей, характера их отношения к жизни, учебе, здоровью.

Методы лечебной педагогикой деятельности с больными детьми основываются на устоявшихся правилах: не вреди здоровью ребенка, научи заботиться о своем здоровье, уважай ребенка.

Индивидуальное обучение. Работая с семьей, где больной ребенок, социальный педагог осваивает методы индивидуального обучения, так как на практике эту проблему приходится решать ему.

Воспитание природой. Известно, что природная среда благоприятно влияет на формирование личности.

Одна из устойчивых традиций народного воспитания – закаливание и укрепление здоровья.

Методы коррекции развития. Так сегодня принято называть педагогическое воздействие на физически здорового ребенка с отклонениями в поведении. Эти

методы направлены на то, чтобы исправить недостатки ребенка, научить его понимать окружающих, видеть в окружающей среде положительное и опираться на него.

Методы коррекции в работе с семьей, с родителями предполагают изменение отношений родителей и детей, родителей и детей, родителей к процессу воспитания. Родители не всегда понимают особенности личности ребенка, завышая или занижая его возможности. Им необходимы квалифицированные консультации врача, психолога, педагога. Только при совместной работе педагога и родителей методы коррекции развития детей с отклонениями в развитии могут дать положительный результат.

Методы перевоспитания. Перевоспитание – это педагогическое воздействие, направленное на предупреждение и преодоление отклонений в поведении личности.

Существует две разновидности этого педагогического процесса: собственно перевоспитание – перестройка всей структуры личности и исправление – преодоление отдельных недостатков.

Составляя программу перевоспитания, педагог изучает среду, в которой вращается подросток, коллектив, где будет проходить процесс перевоспитания, а затем определяет конкретные меры воздействия на него.

В перевоспитании используются следующие методы: метод переубеждения, метод переучивания, метод переключения, метод «взрыва».

Метод самовоспитания. В процессе развития личности следует обратить внимание на важность самовоспитания. Самовоспитание – это процесс сознательного преобразования человеком самого себя, своих телесных, душевных сил и свойств, социальных качеств личности.

Это социальный процесс изменения человека, его физическое, духовное, нравственное, социальное и творческое совершенствование. Самовоспитание это сложный процесс. Здесь происходит не только познание самого себя, но и стремление изменить себя. При этом действия должны быть активны, необходимы вера в свои силы, умение сконцентрироваться, твердая уверенность, что успех будет достигнут. Соответственно, сложным является и педагогический процесс побуждения ребенка к самовоспитанию.

Потребность в самовоспитании является высшей формой развития личности. Она не возникает одновременно у детей одного возраста, так как личность не всегда готова воспринимать требования общества. Потребность в самовоспитании проявляется в подростковом возрасте. Она зависит от идеалов, волевых свойств подростка и той значимости, которую он придает среде сверстников. Важным является умение подростка анализировать, реально оценивать свои качества и поступки. Но для этого процесс социального воспитания нужно строить так, чтобы он способствовал накоплению у ребенка положительного опыта и соответствующего поведения. Педагог логикой убеждения заставляет подростка задуматься над своим поведением, обликом и поступками; понять,

что он должен изменить. А это значит включить все механизмы личности – сознание, волю, эмоции – чтобы человек хотел и старался бы лучше.

Отношение к профессии – существеннейший элемент в социальном воспитании человека. К числу важнейших моментов в этом комплексе относится понимание социальной значимости своего труда, чувство, что человек находится в гармонии с обществом, что он занят почетным делом. Отсюда важность соединения обучения детей с разнообразным социально одобряемым трудом, который только и делает ребенка членом общества, вводит его в жизнь общества.

Именно в форме утверждения себя в общественном труде происходит утверждение ребенком себя как личности, формируется потребность в груди, как содержательная форма отношений человека к человеку.

Универсальной формой этой жизни выступает социально значимый труд, участие в котором обеспечивает детям необходимую жизненную позицию. Характер, объем, функции трудовой деятельности, ее роль и степень воздействия различна в разных возрастах, но на всех этапах психического развития личности именно эта деятельность определяет отношение детей, развития их сознания и самосознания. Поэтому при всей непреходящей важности формирования ведущей деятельности, характерной для каждого периода онтогенеза, следует особое внимание обращать на включение всех детей в посильные виды социально полезной деятельности.

Сложный и многогранный процесс воспитания осуществляется при помощи разнообразных форм. Они весьма подвижны, динамичны. Выбор их зависит от содержания воспитательной работы, возраста учащихся, мастерства воспитателей, особенностей класса и других условий, в которых протекает процесс воспитания.

Главное – обеспечить целенаправленное деловое общение руководителя с учащимися, создать здоровую нравственную атмосферу.

Сегодня фактор взаимодействия, взаимозависимости процесса воспитания с социальной средой, в которую погружен школьник, приобрел особую остроту и актуальность. Проблемы ребенка и семьи заставляют учебное заведение и учителя стать реальным защитником детей. Способность видеть и понимать, спокойное дружелюбие, искренний уважительный тон, умение заражать своей корректностью обладает большой силой воздействия, формирует мотивы созидания, утверждает жизнеспособность ребенка. Это становится щитом от отрицательных эмоций и реакций среды.

**РАЗВИТИЕ КОНЦЕРТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ. ЗНАЧЕНИЕ PR
В ПРОДВИЖЕНИИ АКАДЕМИЧЕСКОГО ИСКУССТВА В РЕГИОНЕ
(150-летию Первой русской филармонии посвящается...)**

Ханты-Мансийский автономный округ – один из самых развитых регионов Российской Федерации. Обладая огромным экономическим потенциалом, сформированным преимущественно благодаря природным богатствам (нефть и газ), округ в лице Губернатора и Правительства поставил перед собой задачу повышения качества жизни населения. Культура – одно из приоритетных направлений социальной политики Правительства Югры; ежегодно только в окружной столице проходит более двухсот мероприятий российского и международного уровня в этой области. Факт реализации этих акций, достойное качество их проведения по замыслу организаторов должны способствовать решению поставленной задачи.

Первые годы XXI века связаны с активным развитием региона. Происходит консолидация муниципальных образований вокруг Ханты-Мансийска – административного, финансового, научного и спортивного центра края. Особое место в формировании имиджа окружной столицы занимает культура.

Анализируя культурный ландшафт округа, следует отметить, что он весьма разнообразен. Трудно переоценить значение пяти драматических театров, филлиала Российской академии музыки имени Гнесиных, Центра искусств для одаренных детей Севера. Сохраняя систему, созданную во времена Советского Союза, в Югре работают Дома и Дворцы культуры, репертуарный план которых реализуется самодеятельными коллективами.

Одним из значимых результатов позитивного и динамичного развития культуры Югры можно считать открытие Концертно-театрального центра «Югра-Классик» – одного из крупнейших в России учреждений подобного рода, реализующего большую часть проектов Правительства округа в сфере профессионального искусства.

Цель данной работы – проанализировать роль PR-отдела в деятельности КТЦ «Югра-Классик» при реализации проектов Центра.

Одной из основных проблем России в деле продвижения академического искусства всегда являлась ограниченность доступа к подлинным высоким художественным образцам.

С момента становления музыки как искусства и рода профессиональной деятельности, её достижения были доступны лишь привилегированному сословию. Многие аристократы для украшения своего быта содержали оркестры, которыми руководили выдающиеся музыканты. Иногда это были великие композиторы: Вольфганг Амадей Моцарт служил у архиепископа Зальцбургского и

работал при дворе австрийского императора Иосифа II; Йозеф Гайдн – у венгерского князя Николауса Эстергази¹. Профессиональная музыка была доступна простолюдям лишь в храмах.

В России первый шаг на пути решения этой проблемы был сделан в XIX веке пианистом, композитором и педагогом Антоном Григорьевичем Рубинштейном. Основав в 1859 году первое Русское музыкальное общество в Санкт-Петербурге, он открыл двери концертных залов людям «неблагородных сословий». Задача Музыкального общества – организация камерных и симфонических концертов. Это начинание приобрело много последователей: музыкальные общества были открыты в Москве, Киеве и других городах.

В годы советской власти идея музыкальных обществ была переосмыслена. В СССР филармония – это государственная организация, в задачи которой входила пропаганда музыкальных произведений и исполнительского мастерства, популяризация лучших образцов музыкального творчества. Фактически монополизировав всю концертную деятельность, филармонии занимались не только классической музыкой, но и музыкальным фольклором, песнями, танцами, эстрадой². Невозможно переоценить роль филармонии в развитии музыкальной культуры, особенно музыкального профессионального искусства.

С развалом СССР, активным развитием шоу-бизнеса филармоническая система пришла в упадок. Однако в последнее время наблюдаются позитивные тенденции в этом направлении. Прежде всего, это связано с изменением приоритетов филармоний в области менеджмента, усилением роли PR-служб, ориентацией на целевую аудиторию и рынок. В то же время, и сейчас филармония остается связующим звеном между академическим искусством и публикой. Вышеизложенное дает нам возможность утверждать, что данная отрасль может быть рентабельной.

Таким образом, в начале XXI века можно говорить о создании филармонии «нового типа», к которому, безусловно, относится КТЦ «Югра-Классик».

Многофункциональное здание (4 зала, гостиница, два клуба-ресторана), синтез жанров и стилей искусства, постоянное повышение квалификации сотрудников, поиск новых технологий PR и маркетинга – все это говорит о принципиально новом подходе к продвижению искусства.

Направления деятельности КТЦ «Югра-Классик»:

- концертная деятельность – организация гастролов в Югре ведущих музыкантов и музыкальных коллективов России и мира (Николай Демиденко, Дмитрий Алексеев, Гидон Кремер, Академический симфонический оркестр Петербургской филармонии под управлением Юрия Темирканова; Симфонический оркестр Мариинского театра Валерия Гергиева и др.).

- театральная деятельность – организация гастролов в Югре актеров и театров (Московский художественный театр Олега Табакова; Московский музыкальный театр «Геликон-Опера» Дмитрия Бертмана; Московский театр «Мастерская Петра Фоменко», Мариинский театр и др.).

- просветительские и образовательные программы – создание условий для повышения культурного, профессионального уровня молодых артистов Югры, менеджеров и жителей автономного округа.

- событийные акции и специальные проекты – обеспечение высокого уровня проведения правительственных и корпоративных мероприятий (Саммит Россия–ЕС; Всемирный финно-угорский конгресс; Вручение правительственных наград, грантов Президента и Губернатора; Новогодний бал Губернатора Югры и др.).

Реализуя вышеуказанные направления, Концертно-театральный центр воплощает в жизнь концепцию комплекса. Согласно этому документу миссия комплекса заключается в создании высокопрофессионального центра, способного сохранить культуру Западно-Сибирского региона и обеспечить интеграцию культуры Югры в мировое культурное пространство и тем способствовать повышению качества жизни в округе³.

Задачи Концертно-театрального центра:

- формирование культурного пространства округа;
- обеспечение равного доступа к образцам высокой культуры и просвещения для всех социальных слоев региона;
- создание профессиональной технологии оказания услуг в сфере культуры и просвещения;
- повышение привлекательности региона для специалистов высокого уровня различных сфер деятельности за счет улучшения качества жизни;
- создание защитных механизмов культуры, предотвращение оттока творческих ресурсов региона;
- поиск и освоение новых направлений и видов сотрудничества культуры с другими отраслями.

По мнению руководства КТЦ «Югра-Классик», решение вышеуказанных задач позволит комплексу стать всероссийским гастрольным центром⁴. Для достижения поставленной цели КТЦ организует проекты в области культуры и искусства с ведущими театральными и музыкальными коллективами, в творческом содружестве с ними создает совместные спектакли и концертные программы. Также КТЦ сотрудничает с зарубежными фирмами. Одним из ярких примеров международного партнерства центра можно считать приобретение рояля «Fazioli». Презентация первого в России рояля этой марки состоялась в августе 2006 году в Ханты-Мансийске с участием главы фирмы Паоло Фазиоли.

А в 2008 году состоялась инаугурация органа в Концертно-театральном центре «Югра-Классик», строительство которого осуществляла немецкая фирма «Иоганес Клайс Оргельбау». Орган стал поводом для расширения международного творческого содружества центра. За восемь месяцев существования органа в рамках абонемента «Главные органисты соборов Европы» в Югру приехали выдающиеся музыканты из Австрии, Великобритании, Германии, Дании, Франции. В 2010 году в Ханты-Мансийске планируется проведение Международного фестиваля молодых органистов.

В планах КТЦ, в рамках мероприятий, направленных на формирование культурного пространства округа, – создание окружных сессионных коллективов. Уже сейчас Центр в творческом содружестве с ведущими артистами округа создает концертные программы:

- Окружной джазовый ансамбль «Большой джаз Югры» объединяет музыкантов из восьми городов региона;
- Окружной камерный оркестр «Стиль Белых ночей» включает музыкантов семи городов региона;
- Окружная эстрадная программа «Югорский трамплин» (десять городов региона).

Выявление новых талантливых профессиональных коллективов, подбор молодых сотрудников для Центра – одна из задач работы «Югра-Классик». Для этого Центр разработал и внедрил новый проект «Летняя творческая школа «Мир через культуру» – программу обучения и воспитания молодых артистов и менеджеров. Цель школы – развитие творческого потенциала артистов, музыкантов и креативного менеджмента Ханты-Мансийского автономного округа. В течение восьми лет в рамках сессий Школы для творческой молодежи региона проводятся мастер-классы и семинары с участием преподавателей всероссийского и международного уровней по направлениям: менеджмент и маркетинг, арт-критика, исполнительское искусство, джаз, искусствоведение.

Данная система дала возможность организовать новую форму работы, позволяющую одновременно поддерживать местные таланты и реализовывать положение концепции о гастрольях в Югре ведущих российских и мировых исполнителей.

Как было замечено выше, Концертно-театральный центр уделяет особое внимание укреплению подразделений ответственных за PR, рекламу, маркетинг.

Остановимся на PR. Связи с общественностью могут заметно повысить степень осведомленности публики. Например, через средства массовой информации происходит привлечение публики к продукту, услуге, индивиду, организации, событию или идее. Определенные качества этих сообщений делают их важной составляющей частью маркетинговой функции⁵.

PR-сообщения вызывают у аудитории больше доверия, чем реклама, поскольку не выглядят как оплачиваемая информация, а скорее имеют вид новостей. Так, по мнению многих экспертов, влияние редакционной статьи оказывается в пять раз сильнее рекламы.

С другой стороны PR-сообщения дешевле, чем реклама. Очевидно, что интересная история может быть подхвачена множеством различных СМИ и передана в печать или в эфир.

Еще одно свойство PR применительно к культуре и искусству заключается в том, что связи с общественностью не только могут привлечь к проекту зрителя, но и подготовят его к тому, что будет происходить на сцене. Как заметил американский специалист по связям с общественностью Доналд Михаэлис: «Не под-

готовив аудиторию должным образом, вы окажете дурную услугу художественному руководителю, исполнителям и организаторам в целом»⁶.

Последнее видится нам особенно важным в работе с неподготовленной аудиторией, число которой в регионе доминирует. Поэтому PR-сообщение или PR-акция должны информировать о факте события, прошедшем или предстоящем, и интерпретировать его, разъясняя его особенности доступными для аудитории выразительными средствами.

Анализируя работу Концертно-театрального центра «Югра-Классик», отметим, что центр консолидирует вокруг себя лучших представителей культуры Югры, способствует их росту и реализации проектов, тем самым создавая особое творческое пространство в регионе. Гастроли ведущих коллективов, способствуя просвещению и развитию жителей региона, выполняют социально значимую функцию.

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать следующие выводы: важную роль в достижении поставленных целей играет не только спектр предлагаемых слушателю и зрителю программ (концертный отдел, театральный отдел, отдел специальных проектов), их качество и высокая художественность, но и технологии их продвижения, а, следовательно, отдел связей с общественностью и рекламы Концертно-театрального центра. Рассмотрение деятельности отдела по связям с общественностью КТЦ «Югра-Классик» показало, что в современных экономических и социальных условиях работа PR-службы важна не только для коммерческих организаций и политических институтов, но и для учреждений культуры. Отдел осуществляет ряд мероприятий, связанных с информационным обеспечением деятельности КТЦ, созданием и коррекцией его имиджа, развитием взаимоотношений с властью, инвесторами и партнерами и участвует в разработке стратегии развития предприятия.

Примечания

¹ Аколян Л.О. Моцарт. Путеводитель. М., 2006. С. 24.

² Большой энциклопедический словарь: В 2-х т. / Гл. ред. А.М.Прохоров. Сов. энциклопедия. 1991. Т. 2. С. 555.

³ Дуков Е.В. Концепция Концертно-театрального центра «Югра-Классик». – Ханты-Мансийск, 2004. С. 153.

⁴ Еремена Т.А. «Югра-Классик»: классика в Югре // Российская Федерация сегодня. 2008. № 11. С. 57.

⁵ Котлер Ф., Шефф Дж. Все билеты проданы. Стратегии маркетинга исполнительских искусств. М., 2004. С. 469.

⁶ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2007. С. 142.

ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Духовно-нравственное воспитание подрастающих поколений не только нерешенная, но и вовсе не поставленная проблема, связанная с резким падением духовного здоровья российского общества. Причины духовной стагнации заключаются в смене идеологических ориентаций, в появлении духовного вакуума (проникновение западной коммерческой культуры, культ насилия, эгоизма, обмана, порнографии и т.д.). Бездуховность, низкая нравственность, а также грубость, преступность, наркомания, алкоголизм и многие другие пороки нашего времени – все они разрушают человека, общество и государство.

Под «духовностью» мы понимаем состояние человеческого самосознания, которое находит свое выражение в мыслях, словах и действиях. Она определяет степень овладения людьми различными видами духовной культуры: философией, искусством, религией, комплексом изучаемых в вузе предметов и т.д.

Нравственность отражает общечеловеческие ценности. Нравственное воспитание предполагает организованное, целенаправленное воздействие на личность с целью формирования нравственного сознания, развития нравственных чувств и выработки навыков и умений нравственного поведения.

Духовно-нравственное воспитание – организованная и целенаправленная деятельность преподавателей, родителей и священнослужителей, направленная на формирование высших нравственных ценностей у студентов, а также качеств патриота и защитника Родины. В широком плане духовно-нравственное воспитание – интегральный, стратегический, интеллектуальный ресурс общества и всего государства.

Нужно учитывать, что духовная составляющая отражает (скорее всего, на бессознательном уровне) внутренний мир человека, соединение знаний с верой в Бога и играет роль установки. В конкретных условиях слабоосознаваемая или вовсе бессознательная установка интериоризируется в структуру сознания.

Нравственная составляющая духовно-нравственного воспитания формируется преимущественно воздействиями на сознание и влияет на внешнее поведение человека, на его отношения к миру природы и миру людей и является результатом воспитания направленности, отражая при этом ценностные ориентации личности.

О духовно-нравственном воспитании можно говорить как о ведущем направлении воспитания подрастающих поколений, которое находится в стадии становления.

Сущность духовно-нравственного воспитания можно уточнить, учитывая влияние двух факторов: религиозного и рационального.

Религиозный фактор строится на идее Творца (Абсолюта, Высшего Разума, Бога). Этот фактор помогает человеку осмыслить свое предназначение, принять свое подчиненное положение Высшему Разуму, развить стремление к самопознанию и самосовершенствованию.

Отсюда можно заключить, что стержнем духовно-нравственного воспитания должны стать учения основных конфессий, которые действуют в России.

Исторический анализ становления и развития духовно-нравственного воспитания в России показывает, что все праздники, ритуалы и обряды в образовательных учреждениях имели религиозную окраску. Любое начало и окончание каких-то великих и повседневных дел сопровождалось молитвой. Все это повышало ее нравственное, эмоциональное и волевое воздействие на обучаемых. Основой духовно-нравственного воспитания, по учению всех конфессий, является Страх Божий. Это и боязнь прогневить Бога греховными поступками, и добровольная необходимость делать добро своим близким. Главным средством духовно-нравственного воспитания является Любовь, которая проявляется в жертвенности и самоотдаче.

Рациональный фактор предполагает усвоение человеком национальной и мировой культуры. Духовно-нравственное воспитание с учетом этого фактора включает развитие интеллекта, сознательный поиск смысла жизни и своего места в ней, формирование умений управлять своей волей, эмоциями и чувствами. Предполагается накопление человеком объективной, субъективной и иррациональной информации об окружающем мире, создание алгоритмов анализа и синтеза поведенческих действий при определении добра и зла, а также адекватной самооценки.

Становление и развитие духовно-нравственного потенциала при использовании рационального фактора реализуется несколькими путями:

— через приобщение студентов и учащихся к искусству, живописи, музыке, театру, а также к различным видам творческой деятельности;

— через развитие образно-эмоциональной сферы молодых людей в повседневной жизни. Гармония человека с внешней средой при этом достигается через развитие потребностей, интеллектуальной, чувственно-волевой и мотивационной сферы, через стимулирование ускоренного развития социально значимых качеств личности, коммуникативных свойств и через создание внутриличностного, межличностного психологического комфорта;

— через оценку и самооценку уровня развития знаний, навыков и умений, которые студент получает при витагенном опыте и при овладении учебными предметами.

Критериями уровня оценки и самооценки духовно-нравственной воспитанности могут быть:

— наличие у молодого человека научного мировоззрения;

- наличие чувства внутренней свободы у учащихся и студентов, которое представляет собой гармонию со своим внутренним миром, природой и социумом;
- стремление к самореализации;
- успешность ведущей, в нашем случае, образовательной деятельности;
- адекватность самооценки;
- сформированность мотивов поведения в согласии с высшими принципами нравственности и религиозными ценностями.

В заключение нужно заметить, что человек не рождается богатым в духовном и нравственном смысле, поэтому нужно внешнее воздействие преподавателей, родителей, священнослужителей, всей образовательной среды высшего учебного заведения при голографическом единстве религиозного и рационального факторов духовно-нравственного воспитания. Для активной реализации духовно-нравственного воспитания необходимо вернуться к практике следования «Правилам поведения студентов». Эти правила нужно знать каждому наизусть, а их выполнение должно быть тактично, но твердо контролироваться всеми участниками образовательного процесса.

О.В.Кукса

РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В ГЕРМАНИИ И ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Как известно, в современном мире быстро укрепляются социально-экономические позиции туризма, доля которого в мировой торговле услугами составляет более 30%. Ежегодный рост инвестиций в индустрию туризма составляет около 35%. Туризм стал одним из самых прибыльных видов бизнеса и сегодня использует до 7% мирового капитала.

Объектом нашего исследования является проблема развития туризма в Германии и Тюменской области, анализ которой позволит увидеть не только современное состояние развития туризма в двух регионах, их потенциал, туристические ресурсы, но и перспективы развития, стратегические задачи, стоящие перед данной отраслью, а также те факторы, которые способствуют или тормозят развитие туризма. Кроме того, полагаем, что рассмотрение данного вопроса с позиции сравнительного анализа даст возможность более четко оттенить особенности, проблемы и перспективы развития регионального туризма. Исходя из вышеизложенного, мы остановимся на следующих вопросах: предпосылки, потенциал и туристические ресурсы Германии и Тюменской области; ключевые тенденции и современное состояние развития туризма в данных регионах; наиболее распространенные виды туризма в Германии и Тюменской области; факторы, способствующие или мешающие развитию туристической индустрии; перспективы развития туризма и задачи, которые необходимо выполнить для этого.

Рассматривая предпосылки, потенциал и туристические ресурсы Германии и Тюменской области, следует отметить, что оба региона как обладают значительным потенциалом, так и имеют свои особенности.

Туризм в Германии получил импульс и начал бурно развиваться после Второй мировой войны. В течение нескольких десятилетий была создана вся нынешняя система, которая в настоящий момент находится на высоком современном уровне и продолжает прогрессировать. Сегодня в Германии все маленькие фирмы, которые существовали изначально, концентрируются вокруг нескольких мощных объединений. Принцип всех немецких концернов, занимающихся туризмом, заключается в наличии собственной авиакомпании, собственной системы гостиниц и транспорта. Все это дает возможность концентрировать свою деятельность и предоставлять клиентам полный пакет услуг. В Германии нет министерства или департамента по туризму, поскольку в большей степени здесь развит транзитный и выездной туризм. Поэтому вся система туристического производства принадлежит министерству экономики.

Почему же миллионы туристов со всех уголков земного шара стремятся посетить Германию? Для этого существует много причин – это богатейшая история Германии и тысячи уникальных культурных достопримечательностей; живописная природа и великолепный ландшафт от северного побережья до южных гор; знаменитые немецкие праздники (всемирно известный и любимый Октоберфест, Кильская регата и многие десятки традиционных фестивалей, выставок и т.д.), но самое главное – это гостеприимный жизнерадостный немецкий народ, который всегда рад гостям.

Германия многолика, каждому она открывает новые миры и потрясает своим шармом: дворец Фридриха Великого Сан-Суси в Потсдаме и Дрезденская галерея, величественный собор в Кельне и улочки средневекового города в Гейдельберге, ганзейский город Любек и мистический замок Нойшванштайн в Баварии. В Германии есть чем удивить и поразить воображение. Если Вы любитель активного отдыха, Вас ждут великолепные горнолыжные курорты в Баварских Альпах, водные виды спорта на озерах Баварии и Баден-Вюртемберга. Если Вы хотите расслабиться и отдохнуть от шумной и нервной жизни мегаполиса – респектабельные курорты Немецкой Прибалтики и альпийских озер для тех, кто ценит комфорт и первоклассный сервис. Великолепные круизы по Рейну дают возможность увидеть средневековую Германию и красивейшие ландшафты. Знаменитые рождественские и новогодние ярмарки в Мюнхене и Нюрнберге переносят Вас в детскую сказку, романтический Баден-Баден, в котором отдыхали и поправляли свое здоровье представители всей европейской аристократии. Германия открывает также массу перспектив для делового человека. Франкфурт и Дюссельдорф, Берлин и Мюнхен – в мире современного бизнеса эти города значат не меньше, чем Нью-Йорк, Лондон или Амстердам. Кроме этого следует отметить высокий уровень экономического развития, уютные и красивые города, разнообразие сервисов в местах отдыха и т.д.

Подчеркнем также, что немцы – сами активные путешественники: 78% населения Германии путешествуют. При этом в последние годы наблюдается следующая тенденция: Германия становится номером один для отдыха – 32% немцев всех социальных слоев проводят свой отпуск в Германии. Среди наиболее популярных мест для отдыха являются: Балтийское море, Бавария, Северное море, озера Восточной Германии (земля Mecklenburg-Vorpommern), территория лесных массивов и горных хребтов Шварцвальда и др. 85 млрд. долларов – это общая сумма денежных средств, потраченных немцами на туризм в 2008 году. Специалисты утверждают, что в 2009 году немцами на туризм будет потрачено денег примерно столько же.

Положительное развитие туризма в Германии за последние пять лет подтверждают также следующие данные (всемирная туристская организация): по количеству ночевков в гостиницах (369,58 млн. в 2008 г.: 310 млн. ночевков приходится на туристов из своей страны), Германия занимает седьмое место в списке мировых стран, пользующихся популярностью среди туристов. Поступления от международного туризма составили в 2006 году 32 760 млн. долл.

Исходя из характеристики туристского потенциала Германии, можно выделить следующие виды туризма, которые особо находятся в центре внимания. Это культурный туризм, охватывающий собой посещение исторических, культурных или географических достопримечательностей. Культурный туризм – является самым популярным и массовым видом туризма. Основная цель таких путешествий – ознакомление с туристскими достопримечательностями (памятниками истории, архитектуры, искусства; природными и этническими особенностями; современной жизнью народа и т.п.). Экотуризм: согласно данным всемирной туристской организации доля экотуризма каждый год увеличивается от 10 до 15%. Экологический туризм пользуется популярностью также и в Германии, имеющей 145 парков, 12 из которых являются национальными парками.

Деловой туризм – наиболее быстро развивающееся направление современного туризма – позволяет сочетать деловые визиты с возможностями осмотра страны пребывания и краткосрочного отдыха. Особенностью современного делового туризма является устойчивый рост спроса на комбинированные программы, сочетающие 3–4 дня работы (деловые переговоры, установление контактов, приобретение или продажа продукции, поиск новых технологий или оборудования и т.д.) и 1–3 дня отдыха (экскурсии, активный отдых, развлекательные программы, культурные мероприятия и т.д.). Германия названа самым перспективным европейским направлением для бизнес-туризма и вторым в мире после США. Это связано в первую очередь с развитием системы международных полетов, а также возросшим качеством бизнес-центров: эксперты единодушно признали Германию экологически чистым, надежным и быстроразвивающимся направлением для профессионалов во всех областях. Выше всего оценены Берлин и Бавария, за ними следуют Гамбург и Баден-Вюртемберг.

Таким образом, туриндустрия является не только неотъемлемой частью экономики Германии, но и культурной традицией этой страны и народа.

Туризм в России, в том числе и в Тюменской области, в настоящее время переживает время быстрого роста. При этом отметим, что формирование российского туристского рынка началось всего лишь с 90-х годов XX столетия. Однако большинство туристических центров России сосредоточено в Москве и Санкт-Петербурге, так как в этих городах расположены самые известные достопримечательности страны.

Стратегия развития туризма в Тюменской области исходит из следующих основных предпосылок: политическая стабильность в регионе, значительный экономический и культурный потенциал, выгодное географическое положение в центре страны, развитая транспортная инфраструктура создают благоприятные возможности для интенсивного туристского освоения региона.

Каков же потенциал Тюменской области для развития туристской индустрии? Тюменская область – удивительный и уникальный край, где на перекрестке тысячелетий переплелись сотни тысяч судеб, история и современность, здесь легендами буквально дышит вся территория. Это и легендарный поход Ермака, и освоение русскими Сибири, архитектура старинных русских городов Тобольска, Тюмени, Ялуторовска, Заводоуковска, Ишима, родина Григория Распутина – село Покровское и многое другое. По числу объектов, составляющих туристские культурные ресурсы, Тюменская область входит в первые 7 регионов России и сопоставима с рядом развитых стран, таких как Канада, Норвегия, Германия.

Географическое положение Тюменской области, расположенной в пределах Западно-Сибирской равнины, также благоприятно для развития туризма. На территории юга Тюменской области расположены: 2 государственных природных заказника федерального значения – «Тюменский» и «Белозерский», 33 заказника регионального значения, 29 памятников природы. В 2006 году приток российских и иностранных туристов в Тюменскую область увеличился до 450 тыс. чел. (в 2004 г. – 390 тыс. чел.).

Для выработки и проведения государственной региональной политики разработана Стратегия развития туризма на территории Тюменской области. В рамках ее реализации проводится активная работа по созданию туристского центра Западной Сибири в г. Тобольске. Информационно-организационное обеспечение развития отрасли туризма наиболее эффективно реализуется посредством частно-государственного партнерства. В целях информационного обеспечения туристов в г. Тобольске создано Некоммерческое партнерство «Информационно-туристический центр Тюменской области».

В результате проводимых правительством мероприятий на территории области получили развитие такие виды туризма как: деловой; культурно-познавательный; охотничье-рыболовный; экстремальный; санаторно-курортный. Так, в Тюменской области разрабатываются увлекательные круизные маршруты по

рекам Туре, Тоболу, Иртышу и Оби. Санаторный отдых: основными лечебными факторами санаториев Тюменской области являются сапропелевая грязь озер Ахманка, Большой и Малый Тараскуль, минеральные воды для внутреннего и наружного применения из местных источников и чистейший лесной воздух. Активные и экологические туры в Марьино ущелье, Ингальскую долину, на озера Светлое и Темное, дадут возможность познакомиться со многими неповторимыми памятниками природы и археологии Тюменской области. Любителей спортивного туризма Тюменская область готова порадовать хорошо развитой инфраструктурой спортивных сооружений и большим количеством спортивных событий, привлекающих гостей из разных стран и регионов. Регион обладает исключительной особенностью – необычайной колоритностью растительного и животного мира, а также большим потенциалом для развития охотничье-рыболовного туризма. Тюменская область обладает высоким потенциалом в сфере делового и событийного туризма. Так, Тюмень входит в число крупнейших деловых, образовательных и культурных центров Урало-Сибирского региона. Познавательный туризм: территория Тюменской области богата многими выдающимися памятниками истории и культуры. Среди них: уникальный по своей красоте комплекс Тобольского кремля, который часто называют «жемчужиной Сибири».

Рассмотрим также развитие туризма в Ханты-Мансийском автономном округе, туротрасль которой начали создавать не так давно, около трех лет назад. Тем не менее уже выстроен событийный ряд, привлекающий туристов, с нуля создана туристская инфраструктура. В 2006 г. бюджет получил от отрасли 1,4 миллиарда рублей. Увеличивается и поток туристов. Если несколько лет назад в Югру за год приезжало 130 тысяч человек, то сейчас уже почти полмиллиона. Более сотни турфирм предлагают услуги по организации самых разных видов туризма: охотничье-рыболовного, экологического, этнографического, делового, событийного, культурно-познавательного, детского, спортивного. Особенно высока доля делового туризма. Гости, прибывающих в ХМАО в командировки, более половины от общего числа туристов. Относительно высоким – 36,6% – остается в последние годы число туристов, путешествующих с целью рекреации и отдыха. До 2003 года их было 10–11%. Очевидно, данный факт говорит о растущей туристской привлекательности округа. Следует отметить также событийный туризм. Это культурные события, собирающие огромное число зрителей: теле-, кино- и музыкальные фестивали с участием звезд эстрады и кино; спортивные турниры – всероссийские и международные. Так, на базе Центра лыжного спорта в Ханты-Мансийске, где находится крупнейшая равнинная биатлонная трасса мира, проводятся международные соревнования по биатлону. С 2007 года на территории округа три года подряд будет проходить заключительный этап Кубка мира по биатлону. В 2007 и 2009 годах в Ханты-Мансийске будет проводиться Кубок мира по шахматам, а в 2010 году город станет столицей Всемирной шахматной олимпиады. ХМАО-Югра имеет замеча-

тельные возможности для отдыха на природе, охоты и рыбалки, поскольку это территория с тысячами рек и озер, лесными массивами тайги. Своеобразный рельеф – холмы и долины, большое количество снега зимой способствуют развитию в округе активного туризма: горные лыжи, сноуборд. Популярны пешие и пеше-водные путешествия в горах Северного и Приполярного Урала, туры по Иртышу и Оби.

Этнографический туризм привлекает не только иностранцев и туристов из регионов России, но и жителей Югры. Все условия для знакомства с культурой коренных народов Севера созданы в Сургутском, Ханты-Мансийском, Нижневартовском районах. В рамках таких туров можно побывать на стойбищах, где гостям предложат отведать традиционное угощение – строганину из оленины или сибирской рыбы муксуна, покатают их на оленьих упряжках, познакомят с музыкальными инструментами древних северных народов. Другие маршруты предполагают посещение музеев и мест археологических раскопок. Один из таких исторических памятников, известных не только в России, но и за рубежом, – Барсова гора под Сургутом, где найдено древнейшее поселение аборигенов. Всего же в округе свыше трех тысяч памятников исторического наследия.

В округе создается необходимая туристская инфраструктура: средства телекоммуникации, современные гостиницы, рестораны, спортивные сооружения, концертные и выставочные залы, музеи. Здесь есть 11 аэропортов, из которых четыре международного статуса, совершенствуется система автомобильных, железнодорожных и водных путей. Среди направлений туротрасли есть и оздоровительный туризм. В частности, бальнеолечение – лечение термальными водами, которые присутствуют под землей по соседству с пластами нефти и газа, по сути, в неисчерпаемых количествах.

Однако, показывая интенсивность развития туристического бизнеса в Тюменской области, отметим необходимость решения комплекса задач: формирование и продвижение регионального турпродукта на российском и международном рынках; развитие локальных туристских центров (Тобольск, Ялуторовск, Ишим); повышение качества обслуживания в сфере туризма с внедрением нетрадиционных форм обслуживания, основанных на высоких туристских технологиях (специализированный, экологический туризм); развитие инфраструктуры туристского комплекса путем модернизации действующих средств размещения.

Выделение туристских зон и турцентров основывается как на имеющихся природных ресурсах, так и на историко-археологических, религиозных и культурных достопримечательностях.

Таким образом, развитие туристической индустрии в Тюменской области становится одним из приоритетных направлений. По самым предварительным оценкам, общая инвестиционная емкость туристической отрасли в ближайшие годы составит сумму более 3 млрд. рублей.

Следовательно, развитие туризма в Германии и Тюменской области имеет как похожие тенденции, так и ряд региональных особенностей, что обусловлено,

прежде всего, историческими, социально-экономическими, природными, культурными и др. факторами.

Кроме того, следует также подчеркнуть, что туризм помимо огромного экономического значения играет большую роль в расширении границ взаимопонимания и доверия между людьми разных культур и религий. Его деятельность не ограничивается только торговлей товарами и услугами и поиском новых торговых партнеров. Она направляется также на установление взаимоотношений между людьми разных стран, что особенно актуально в современном мире.

Д.Н.Наумов

БРЕНДИНГ ТЕРРИТОРИИ НА ПРИМЕРЕ ХАНТЫ-МАНСЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ

В последнее время, как никогда ранее, встает вопрос об актуальности формирования нового позитивного имиджа не только России (далее РФ) в целом, но и отдельных ее регионов.

Одним из важнейших условий повышения неценовой конкурентоспособности товаров и услуг отечественного производства на внутреннем и внешнем рынках является повышение оценки их качества и престижности потребления.

К числу важнейших инструментов создания осознаваемых потребителями различий между продуктами является формирование бренда, под которым понимается репутация, набор ожиданий и ассоциаций, связываемых потребителями с торговой маркой данного продукта, либо его производителя.

Большое значение в оценке потребительских свойств ряда товаров и услуг имеет репутация страны и региона происхождения. В этой связи, к числу приоритетных направлений государственной поддержки следует отнести поддержку региональных брендов.

Региональные бренды – бренды российских городов и регионов, выступающие инструментом маркетинга территорий с целью привлечения инвестиций, кадровых ресурсов и туристических потоков, а также бренды товаров и услуг, локализованных в определенной географической области.

Для РФ задача брендинга собственных регионов крайне важна, поскольку имеет прямое отношение к тому, сможет ли наша страна присоединиться к немногочисленному кругу экономических лидеров или согласится на роль страны догоняющей. В первую очередь, брендинг необходим трем объединенным в группы регионам: Москве и Московской области, Санкт-Петербургу и Ленинградской области, а так же Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре (далее ХМАО – Югра).

Такой выбор обуславливается рядом факторов, в той или иной степени способствующих возникновению глобальных постиндустриальных центров европейского уровня на данных территориях:

— наличие мощного транспортного узла традиционной индустриальной инфраструктуры: автомобильные дороги, железнодорожные линии, аэропорты, возможность морских перевозок;

— доступные и достаточные для старта крупных бизнес-проектов финансовые ресурсы;

— университеты и другие интеллектуальные центры, способные производить знания, специалистов и технологии, необходимые для развития инновационной экономики.

В настоящее время ХМАО – Югра представляет собой конгломерат территорий, объединенных в рамках одного субъекта РФ. Он на порядок опережает остальные субъекты РФ в отношении брендинга (кроме вышеупомянутых Москвы и Санкт-Петербурга). В конце 2007 года в Югре был принят закон о Программе, суть которой – усиление региональной идентичности, формирование единой социокультурной среды и мотивация населения на решение общих задач округа. Кроме данной программы Югра ведет активную деятельность по брендированию и в других сферах.

1. Экономическая политика (инвестиции, инновации, малый бизнес, транспорт, промышленность, ЖКХ). Ни для кого не секрет, что приоритетом экономического развития округа на ближайшие 2–3 десятилетия останется нефтегазодобывающая отрасль. На данный момент ряд проектов в нефтегазовой отрасли реализуется с участием иностранного капитала. Правительство автономного округа прилагает усилия по созданию благоприятного инвестиционного климата для деятельности нефтегазового сектора, прежде всего в области формирования регионального законодательства и в сфере создания необходимой инфраструктуры. Объем инвестиций в основной капитал по полному кругу предприятий автономного округа за счет всех источников финансирования в 2003 году составил 172,4 млрд. рублей

2. Социальная политика (демография, уровень жизни населения, занятость и безработица, здравоохранение, культура, образование и т.д.). Демографическая ситуация, сложившаяся в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре к началу 2006 года, носит позитивный характер. По предварительным данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по ХМАО – Югре, численность постоянного населения округа на 01.01.2006 г. составила 1478,2 тыс. человек и увеличилась за год на 9,2 тыс. человек. В целях формирования стратегии действий Правительства автономного округа по сохранению демографического потенциала, поддержания положительной демографической динамики принята и реализуется Концепция демографической политики ХМАО – Югры на период до 2015 года. Концепция включает оценку

современного геополитического положения округа, приоритеты и направления демографической политики в области укрепления здоровья и увеличения продолжительности жизни, стимулирования рождаемости и укрепления семьи, миграции. Цель реализации Концепции – формирование стратегии действий Правительства автономного округа по сохранению демографического потенциала, поддержанию положительной демографической динамики.

3. Информационная политика (СМИ округа, крупнейшие PR и маркетинговые акции). Порядка ста центральных, Уральского Федерального округа, региональных, муниципальных и ведомственных редакций газет, журналов, телерадиокомпаний и информационных агентств участвуют в информационном сотрудничестве с органами государственной власти автономного округа на договорной основе. Развитие сети печатных и электронных СМИ, постоянное увеличение объемов их информации создает все более благоприятные условия для обеспечения конституционного права жителей округа на получение оперативной и достоверной информации. Ежегодно в столице округа проходит более двухсот мероприятий, представляющих российскую и международную культуру самого высокого уровня. Подавляющее большинство акций подобного рода проходит в стенах концертно-театрального центра «Югра-Классик» – крупнейшего учреждения культуры РФ, которое успешно реализует большую часть проектов Правительства округа.

Российские регионы находятся в борьбе друг с другом за инвестиции, привлечение квалифицированной рабочей силы и другие ресурсы развития, что создает жесткую конкуренцию. Усиление бренда принесет Югре вполне ощутимые преимущества, легко трансформирующиеся в экономические и политические дивиденды.

Примечания

¹ Бренд и торговая марка: развод по-русски: Учеб. пособ. / Под ред. Н.Тесаковой и В.Тесакова. СПб, 2004. 267 с.

² Интегрированные бренд-коммуникации: Учеб. пособ. / Под ред. Ф.И.Шаркова. – М., 2004. 241 с.

³ Клифтон Р., Симмонз Д. Бренды и брендинг. М., 2008.

⁴ Формирование бренда средствами PR и рекламы: Учеб. пособ. / Под ред. В.Л.Музыканта. М., 2004. 606 с.

⁵ Шаромов А. Создание бренда Югры как новый тренд региональной политики России. М., 2008 www.e-executive.ru.

КОДИРОВАНИЕ И ДЕКОДИРОВАНИЕ НАИМЕНОВАНИЙ ФИРМ В ОБЛАСТИ СФЕРЫ УСЛУГ НА ПРИМЕРЕ г.НИЖНЕВАРТОВСКА

Сфера услуг – важнейшая составляющая экономики. С начала 90-х годов до настоящего времени отечественный рынок услуг непрерывно развивается. Увеличение числа фирм неизбежно влечет за собой рост конкуренции. В первую очередь, для того чтобы предприятие выделялось на фоне остальных, необходимо подобрать название, максимально точно передающее общую концепцию фирмы. Правильно подобранное наименование значительно облегает ее продвижение¹.

Любое коммерческое название обладает характеристиками, основными из которых являются:

- 1) информативность (фиксирование языковым сознанием связи между признаками называемого объекта и названием);
- 2) ассоциативное соответствие (наличие ассоциаций, которые раскрывают содержание коммерческой номинации);
- 3) фонетическая привлекательность (благозвучность);
- 4) мотивированность (наличие экстралингвистических причин выбора данного названия, очевидность их для потребителя);
- 5) эффективность².

В последние годы сфера бытовых услуг Нижневартовска активно развивается. По данным официального сайта администрации и Думы города Нижневартовска на сегодняшний день в сфере обслуживания функционирует около 4950 городских предприятий. Наибольшую долю в общей структуре бытовых услуг сегодня занимают парикмахерские, ремонт и продажа компьютеров и комплектующих (53 единицы), спортивно-оздоровительные центры (12 единиц). Прачечные (3 единицы), ювелирные мастерские (8 единиц) также пользуются спросом³.

В Нижневартовске перманентно открываются все новые салоны красоты (37 единиц), кафе и рестораны (79 единиц)⁴, среди которых лишь немногие открыты по франшизе (к примеру, салон красоты «Бабор», кафе «Баскин Роббинс», ресторан «Империя Суши»). Функционирование по франшизе дает определенные преимущества, особенно в области нейминга, ведь франчайзер использует уже готовую торговую марку, имеющую определенную степень узнаваемости потребителем.

По данным ассоциативного эксперимента наименований предприятий наиболее популярных отраслей, в котором приняли участие молодые люди от 20 до 35 лет, можно сделать вывод, что названия ювелирных мастерских являются ассоциативно соответствующими (например, «Изумруд», «Малахит», «Ювелиры Югры»). Большинство «неймов» спортивно – оздоровительных комплексов и фитнес – клубов имеют практически стопроцентную узнаваемость среди рес-

пондентов, даже несмотря на низкую информативность и ассоциативное несоответствие некоторых из них (фитнес-центр «Леди-Н», спортивно-оздоровительный комплекс «Бодрость»). Это объясняется малым количеством предприятий данного типа и, соответственно, высоким спросом на подобные услуги, следующего из пропаганды здорового образа жизни, столь популярной сейчас.

Среди названий ресторанов, салонов красоты и компьютерных магазинов встречаются как ассоциативно соответствующие названия, так и наименования, формирующие неоднозначные ассоциации. В качестве слов-стимулов были использованы «нэймы» непрямого номинации. Часто среди названий употребляются слова, связанные с предлагаемым товаром:

«Мегабайт» – компьютеры и комплектующие (наиболее частая ассоциация – компьютер); «Багира» – имидж-студия (ассоциация – грация, быстрота), «Пенальти» – спорт-бар (наиболее частая ассоциация – футбол).

Ассоциативно неудачными оказались названия, напрямую не связанные с предлагаемыми услугами, имена собственные, широко не известные, а также наименования, вызывающие неадекватную реакцию: «Зодиак» – кафе (большинство респондентов указывали свой знак зодиака); «Касса Маре» – кафе (никто из респондентов не дал конкретного ответа); «Фокстрот» – магазин компьютерной техники (ассоциация – танец, старина); «Малибу» – парикмахерская (ассоциация – пляж, коктейль).

По итогам работы можно сделать вывод, что при выборе названия для фирмы, создаваемой в Нижневартовске, необходимо выяснить, насколько развита отрасль, в которой планируется работать в дальнейшем, есть ли конкуренты; определить целевую аудиторию фирмы и на основании этого выбрать название (если услуга рассчитана на продвинутого, молодого потребителя, то без опасений можно использовать иностранные слова: «Мегабайт» – компьютеры, «Star» – модная одежда, или имена собственные, термины, широкому кругу потребителей неизвестные: «Муха» – ресторан «для людей со вкусом»). Наиболее успешными будут являться названия, вызывающие определенную ассоциацию с товаром или услугой, «понятные» неискушенному потребителю.

Примечания

- ¹ Слободянюк Э.П. Настольная книга копирайтера. М., 2008. С. 10.
- ² Новичихина М.Е. Как вы фирму называете... М., 2007. С. 66.
- ³ Сайт телерадиокомпании «Самотлор» <http://samotlor.tv> [электронный ресурс – доступ свободный].
- ⁴ Бесплатный электронный справочник организаций «Дубль ГИС» <http://nizhnevartovsk.2gis.ru> [электронный ресурс – доступ свободный].

ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПРОФИЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ УЧАЩИХСЯ РЕГИОНА КАК ОСОБЫЙ ВИД РАЗВИТИЯ ЭТНОКУЛЬТУРЫ

Мы живем в многонациональном Евразийском государстве. На его территории проживают многочисленные этносы, принадлежащие к разным типам цивилизации, к различным религиозным, культурным зонам и традициям. Проживающие на этом географическом пространстве этносоциумы выступают не только объектами, но и субъектами специфического типа цивилизованного процесса, накладывая элементы своей культуры на общий характер цивилизации России. Поэтому проблему взаимодействия национального самосознания, общегражданского сознания, вопросы формирования у подрастающего поколения гуманистической культуры межэтнических взаимоотношений в полиэтничном обществе требуют взвешенного, обдуманного решения и определения гибкой, разумной национальной политики.

Социальная стабильность, мир в многонациональном, поликультурном государстве возможны только при толерантном сосуществовании различных культур, при их совместном созидательном содружестве, веротерпимости. В многонациональном сообществе ребенок формируется при огромном влиянии социальной поликультурной среды и должен адаптироваться к ней. Критерий успешности воспитания не может считаться оправданным и рациональным только на ценностях одной культуры, приоритете одной культуры в ущерб другим¹.

Нравственные нормы поведения людей на основе национальных и общечеловеческих ценностей формируются в процессе коммуникации с окружающей социальной средой. Она включает на современном этапе такие компоненты как стремление к возрождению этнической культуры, социально-политическую обстановку, рост национального самосознания людей всех этносоциумов. Все это требует продуманного, взвешенного подхода к организации учебно-воспитательного процесса школьников.

Образовательно-воспитательная система, построенная по поликультурному принципу, призвана обеспечить передачу из поколения в поколение многовековой традиционной культуры каждого народа, его духовно-нравственных устоев, которые способны предотвратить духовное обнищание молодежи, обеспечить социальную стабильность многонационального общества.

Модернизация общеобразовательной школы, сегодня уже набравшая темп, предопределяет изменение целей и ценностей образования. Ее главной целью становится обеспечение качественного образования для каждого обучаемого в соответствии с его интересами и склонностями. Соответственно изменениям социально-экономических условий меняются и цели обучения и воспитания школьников. Без профильной дифференциации обучения, предпрофильной

подготовки учащихся теперь не обойтись. А это в свою очередь приводит к необходимости изменения и существенной корректировки содержания образования.

Главная задача российской образовательной политики на современном этапе — обеспечение современного качества образования на основе сохранения его фундаментальности и соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства. Цель модернизации состоит в создании механизма устойчивого развития системы образования, а также отработки системы специализированной подготовки (профильного обучения) в старших классах общеобразовательной школы, ориентированной на индивидуализацию обучения и социализацию обучающихся, в том числе с учетом реальных потребностей рынка труда.

Переход к предпрофильной подготовке и профильному обучению, призван наиболее полно обслуживать интересы граждан, не покушаясь на ценности, заложенные в международных и российских документах о правах народов, человека и гражданина. Конституция, а также федеральные и региональные документы концептуального и программного характера продолжают гарантировать права граждан в реализации и этнокультурных и образовательных потребностей. В этнорегиональной образовательной системе, важнейшим элементом которой выступает школа с этнокультурным содержанием образования, принцип этнокультурной направленности может быть реализован наиболее полно.

Общекультурная проблема «экологизации духа» приобретает в настоящее время глобальное значение, стратегический характер, что требует формирования новой философии воспитания и обучения.

Процесс формирования духовного мира человека рассматривают разные науки: философия, социология, педагогика, психология, этнопедагогика.

В широком смысле проблемы духовности рождаются из философии — науки, обобщающей размышления людей о мире, о человеке в нем, о тайнах мироздания, о судьбах человечества. Этими же вопросами на эмпирическом и теоретическом уровнях занимается народная педагогика, которая изучает как единое целое традиционный народный опыт воспитания. Философские суждения народа о мире, природе, о человеке, жизни и смерти тесно переплетаются с идеями просветителей, с религиозными идеями.

Философия возникла на основе потребности осмыслить и понять мир с точки зрения его целостности и единства, позволяющих человеку определиться в этом мире. Философия, исследуя всеобщие законы развития природы, общества и мышления, особое внимание обращает на систему отношений «мир—человек». Так как фундаментом философии является понимание мира и человека с позиций разума и знаний, она решает проблемы объяснения материально-го мира и его воздействия на познание и поведение человека.

Философию следует рассматривать как методологию народной педагогики². Философия помогает охарактеризовать общие социально-исторические предпосылки возникновения и развития народной педагогики, проанализировать ее

философско-мировоззренческие аспекты.

Философские суждения народа о мире, природе, человек, жизни и смерти могут быть предметом анализа с различных позиций: этнографического, социологического, культурологического и др.

Основываясь на закономерностях философской науки, педагогика изучает всеобщие объективные закономерности воспитания и сама является формой общественного сознания.

Философия образования обосновывает правильность педагогической деятельности. Философия образования считает, что надо учить не знанием, а мышлению.

С точки зрения современной философии образования, цель образования – развивать личность, в том числе помогать личности вписаться в реальную культурную и общественную жизнь. В.М.Розин считает, что «современная философия образования, обсуждая основы современной педагогической мысли, предлагает теоретические проектные знания о человеке и коммуникацию разных подходов включения его в современный мир»³.

Этнические особенности являются результатом этнического воспитания и влияние соответствующей этнической среды, а своеобразие педагогических традиций народа, его духовной культуры объясняется историческими условиями. В историко-педагогической, философской литературе сложились следующие трактовки понятия «народная педагогика»:

1. Духовный феномен, присущий созданию народных масс – эмпирические знания, сведения, идеалы, идеи, взгляды, представления, установки воспитательных действий.

2. Педагогическая практика разных народов.

3. Наука о народном образовании и воспитании.

4. Единство педагогической мысли и педагогической деятельности народных масс.

В философском миропонимании разных народов человек представлен как частица огромного материального мира, как результат творения космических и земных естественных законов. Опираясь на такое учение, народная педагогика формировала у человека чувство гармонии между человеком и космосом, человеком и окружающей средой. Другими словами, человек – дитя природы, поэтому первая заповедь, определяющая смысл его бытия, заключается в бережном отношении к природе. Второе суждение – о труде: только упорный труд ведет к материальной обеспеченности. Человек, который ведет паразитический образ жизни, лентяй наказывается матерью-землей. Воспитывать трудолюбие, умение трудиться нужно с раннего детства.

Поликультурное образование в школах с многонациональным составом учащихся может стать моделью школы будущего. Это связано и со стремлением народов как к обновлению этнической культуры, так и сохранению самобытности древнего исторического менталитета своего народа с уникальной судь-

бой, что требует определения путей возрождения, обновления и развития демократической, гуманистической, многокультурной школы.

Этнокультурность воспитания на духовно-нравственных ценностях народа должна лежать в основе всей деятельности школы и других социальных институтов.

Воспитание в духе дружбы народов, интернационально-патриотическое воспитание растущей молодежи – этап в становлении и развитии интерсоциального образования.

В основу положения, определяющего содержание образования с этнокультурной ориентацией полиэтнической школы, включены три взаимосвязанных компонента:

- ✓ компонент, обеспечивающий подрастающему человеку возможность самоопределиться как представителю того или иного этносоциума, той или иной национальной культуры;
- ✓ компонент, создающий условия для вступления личности в диалог с этнокультурным окружением, иной культурой;
- ✓ компонент, через содержание которого должна быть обеспечена включенность личности в современные цивилизованные процессы, общекультурное мировое пространство.

Поскольку в составе населения России насчитывается множество этносов, то естественно, создание полиэтнических школ с изучением национальных языков, культуры, традиции стало важнейшей задачей современности.

В «Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» определен ряд взаимосвязанных тенденций, которые оказывают непосредственное влияние на межнациональные отношения в стране. Это, с одной стороны, стремление народов к самоопределению, а с другой – объективный процесс интеграции российского общества, потребность в проведении общего курса реформ и одновременно разные социально-экономические возможности регионов, их историческая и хозяйственно-культурная специфика.

Отказ системы образования от авторитарной педагогики в пользу этнически и лично ориентированной способствовал возникновению различных видов образовательных учреждений и расширению спектра разноуровневых образовательных программ. Изменение образовательной системы Российской Федерации выражается сегодня в ее многоуровневости, многопрофильности и в учете этнорегиональных особенностей культуры. В Законе РФ «Об образовании» одним из важнейших принципов называется принцип защиты системой образования национальных культур, традиций в условиях многонационального государства.

Этнокультурное образование основывается на единстве культурного и образовательного пространства, равноправии на сохранение и развитие языков народов, населяющих территорию, и направлено на защиту и развитие культуры и традиций коренных народов.

Цель национального образования – удовлетворение этнокультурных образовательных потребностей коренных народов, формирование и корреляция этнокультурной самоидентификации обучающихся, подготовка их к жизни, как в традиционном, так и современном социуме.

Говоря о профильном обучении, одни считают, что это некий аналог существующих гимназий и лицеев, другие приравнивают его к углубленному изучению предметов определенной предметной области с целью поступления в вуз. При этом упускается главное: при профильном обучении старшеклассник образовательной школы может выбрать с учетом своих жизненных планов, интересов, склонностей и возможностей ту индивидуальную образовательную траекторию, которая отвечает его личным желаниям. Для того чтобы учащийся мог сформировать индивидуальный профиль своего обучения, школа должна предоставить ему возможность выбора любых профильных и элективных курсов, ориентироваться в которых ученик сможет, исходя из планов, касающихся его деятельности в будущем. При этом учащийся обязан посвятить изучению модулей, выбранных из числа профильных курсов и из числа элективных курсов, определенный учебным планом процент времени, а школа обязана обеспечить ему эту возможность. Поэтому при планировании блока профильных и элективных курсов важно иметь информацию о предпочтениях и приоритетах учащихся.

Переход к профильному обучению на старшей ступени и введение предпрофильной подготовки в 9-х классах затрагивает всех участников образовательного процесса в большей или меньшей степени. По сути, профильное обучение предполагает значительные изменения в целях, содержании и организационных формах обучения на старшей ступени. Как всякое новшество, оно может вызывать более или менее обоснованные опасения и неприятие, которые в крайних случаях могут принять протестные формы. Нередко негативное отношение к нововведениям обусловлено недостаточной информированностью или искажением информации, доносимой до участников образовательного процесса.

Примерами социализирующих профилей могут быть этнокультурные профили, профессионально-этноориентирующие профили, технологические профили.

Для каждого социализирующего и предвузовского профиля соответственно на муниципальном и федерально-региональном уровнях разрабатывается программа профильного обучения, являющаяся основанием для сертификации учителей, образовательных учреждений и итоговой аттестации учащихся.

Реформы образования происходят сейчас в большинстве развитых стран мира. При этом особое место в них отводится проблеме профильной дифференциации обучения.

В большинстве стран Европы (Франции, Голландии, Шотландии, Англии, Швеции, Финляндии, Норвегии, Дании и др.) все учащиеся до 6-го года обучения в основной общеобразовательной школе формально получают одинаковую подготовку. К 7-му году обучения ученик должен определиться в выборе своего

дальнейшего пути. Каждому ученику предлагаются два варианта продолжения образования в основной школе: «академический», который в дальнейшем открывает путь к высшему образованию и «профессиональный», в котором обучаются по упрощенному учебному плану, содержащему преимущественно прикладные и профильные дисциплины. При этом многие ученые-педагоги европейских стран считают нецелесообразной раннюю профилизиацию (в основной школе).

Российская школа накопила немалый опыт по дифференцированному обучению учащихся. Первая попытка осуществления дифференциации обучения в школе относится к 1864 г. Соответствующий Указ предусматривал организацию семиклассных гимназий двух типов: классическая (цель — подготовка в университет) и реальная (цель — подготовка к практической деятельности и к поступлению в специализированные учебные заведения)⁴.

Развития профильного обучения в российской школе в основном соответствует мировым тенденциям развития образования.

Вместе с тем сеть общеобразовательных учреждений с углубленным изучением предметов (гимназии, лицеи и др.) пока развита недостаточно. Для большинства школьников они малодоступны. Это ведет к таким негативным явлениям, как массовое репетиторство, платные подготовительные курсы при вузах и т.п. Профилизиация обучения в старших классах школы должна внести позитивный вклад в разрешение подобных проблем.

Важнейшим вопросом организации профильного обучения является определение структуры и направлений профилизиации, а также модели организации профильного обучения. При этом следует учитывать, с одной стороны, стремление наиболее полно учесть индивидуальные интересы, способности, склонности старшеклассников (это ведет к созданию большого числа различных профилей), с другой – ряд факторов, сдерживающих процессы такой во многом стихийной дифференциации образования: введение единого государственного экзамена, утверждение стандарта общего образования, необходимость стабилизации федерального перечня учебников, обеспечение профильного обучения соответствующими педагогическими кадрами и др.

Общеобразовательное учреждение с профильным обучением на старшей ступени предусматривает возможность разнообразных комбинаций учебных предметов, что и будет обеспечивать гибкую систему профильного обучения. Эта система должна включать в себя следующие типы учебных предметов: базовые общеобразовательные, профильные и элективные.

Базовые общеобразовательные предметы являются обязательными для всех учащихся во всех профилях обучения. Предлагается следующий набор обязательных общеобразовательных предметов: математика, история, русский и иностранные языки, физическая культура, а также интегрированные курсы обществоведения (для естественно-математического, технологического и иных

возможных профилей), естествознания (для гуманитарного, социально-экономического и иных возможных профилей).

Профильные общеобразовательные предметы – предметы повышенного уровня, определяющие направленность каждого конкретного профиля обучения. Например, физика, химия, биология – профильные предметы в естественнонаучном профиле; литература, русский и иностранные языки – в гуманитарном профиле; история, право, экономика и др. – в социально-экономическом профиле и т.д.

Достижение выпускниками уровня требований государственного образовательного стандарта по базовым общеобразовательным и профильным предметам определяется по результатам единого государственного экзамена.

Элективные курсы – обязательные для посещения курсы по выбору учащихся, входящие в состав профиля обучения на старшей ступени школы. Элективные курсы реализуются за счет школьного компонента учебного плана и выполняют две функции. Одни из них могут «поддерживать» изучение основных профильных предметов на заданном профильным стандартом уровне. Другие элективные курсы служат для внутрипрофильной специализации обучения и для построения индивидуальных образовательных траекторий. Количество элективных курсов, предлагаемых в составе профиля, должно быть избыточно по сравнению с числом курсов, которые обязан выбрать учащийся. По элективным курсам единый государственный экзамен не проводится.

Этнокультурное образование будет эффективным фактором формирования у современных школьников основ национального менталитета, если:

- содержание этнокультурного образования будет представлять собой совокупность предметного, внепредметного и надпредметного компонентов, обеспечивающих развитие интеллектуальной, мотивационной сфер личности, будет базироваться на ценностях родной природы, родного языка, отечественной истории и культуры;
- процесс формирования основ национального менталитета будет строиться на технологии продвижения от включения на первом этапе отдельных элементов этнокультурного материала в образовательную и воспитательную программы, через дополнение содержания образования специальными курсами и предметами к культурному принципу преподавания учебного материала в старшем звене;
- обеспечивается сопровождение субъектов образовательного процесса, ведется мониторинг результатов педагогических воздействий, оперативно вносятся коррективы, осуществляется целенаправленная подготовка педагогического коллектива, поддерживается связь школы с социумом.

Таким образом, профильное обучение с этнокультурным содержанием образования должно представлять оптимальный выбор и комбинирование ресурсов, позволяющих наиболее полно удовлетворять индивидуальные образовательные потребности учащихся. Это является одной из ключевых задач образо-

вательных учреждений, а сама по себе возможность их удовлетворения становится новой самостоятельной ценностью в системе массового образования.

Содержание образования структурируется в соответствии с федеральным и национально-региональными компонентами государственного образовательного стандарта. Регионы разрабатывают концепции, программы развития своих национально-региональных систем образования. Имеет место существенно разное положение этносов по степени «утраты этничности» и состоянию устойчивости каждого из российских локальных общностей, которые и принято обозначать понятием этнос.

Нынешний век уже назван учеными веком технологической революции. Хотелось бы верить, что эта революция положительным образом воздействует на социально-экономический потенциал нашей страны. В этой связи необходимость и полезность профильного обучения, предусматриваемого Концепцией модернизации российского образования, не подлежит сомнению.

Вариативность, адаптивность, демократизация и гуманизация постепенно становятся ключевыми понятиями, характеризующими качественные изменения, происходящие в сфере школьного образования. В этом контексте введение профильного обучения может рассматриваться как новый важный шаг к построению такой модели школы, которая предусматривает дифференцированный подход обучения. При этом во главу угла при организации образовательного процесса ставятся, прежде всего, познавательные интересы и потребности учащихся, реализуемые в соответствии с их возможностями и способностями. Это является одной из ключевых задач образовательных учреждений, а сама по себе возможность их удовлетворения становится новой самостоятельной ценностью в системе массового образования. Вопрос только в том, как не разрушить имеющееся, чтобы построить нечто прогрессивное и важное.

Примечания

¹ Екатеринбург, 1998. 120 с.

² *Розин В.М.* Философия образования [Текст] / В.М. Розин // Вест. выс. шк. 1992. №1.

³ Разработка модели профильного обучения для школ с этнокультурным содержанием образования ХМАО – Югры / В рамках научно-исследовательского проекта (рук. Ибрагимов Л.А.). Нижневартовск, 2008.

⁴ *Ибрагимов Л.А.* Поликультурное образование в многонациональном обществе. М., 2006. 210 с.

МЕТОДЫ ПРОДВИЖЕНИЯ ТУРИСТИЧЕСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОДУКТА НА ПРИМЕРЕ ХАНТЫ-МАНСКИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ

Туризм в настоящее время является весьма интенсивно развивающейся отраслью. Почти любой запрос туриста может быть удовлетворен. Однако, учитывая важность качественной подготовки и проведения обслуживания, нельзя не признать и большое значение грамотного продвижения и реализации туристической продукции.

Турист выбирает обслуживание и определенный маршрут заочно, находясь вдалеке от предполагаемого места отдыха. Поэтому именно в туризме актуальны вопросы квалифицированной деятельности в области формирования сбытовой сети, PR, рекламы и других методов продвижения¹.

Экономическая суть туризма заключается в продаже туристического продукта и получении выгоды от туристской деятельности для экономики страны или отдельного региона. Основные выгоды состоят в:

- 1) увеличении местного дохода;
- 2) создании большого количества новых рабочих мест;
- 3) увеличении валютных поступлений;
- 4) развитию отраслей, связанных с производством туристических услуг²;
- 5) интеграции, диалоге культур между разными народностями;
- 6) восстановлению памятников истории и культуры, возрождения традиций.

Именно сейчас, во время финансового экономического кризиса появилась необходимость развивать альтернативные направления экономической деятельности в России и в ХМАО – Югре в частности, в этом и состоит актуальность темы данного исследования.

Наиболее экономически выгодными считаются въездной (обслуживание туристов своей страны на территории другой страны) и внутренний туризм (обслуживание туристов своей страны на территории этой страны)³.

По данным Всемирной туристской организации (ЮНВТО) (UNWTO) в настоящее время доля России в объеме мирового экспорта туристских услуг весьма незначительна и составляет менее 0,6% от общей величины. При этом в Российской индустрии туризма преобладает выездной туризм, характеризующейся объемом 2,4% от мирового импорта туристских услуг. Низкие показатели туристской активности России на мировом рынке, в особенности четырехкратное превышение импорта над экспортом туристских услуг свидетельствуют о недостаточной конкурентоспособности отечественной индустрии туризма⁴.

Все главные конкурентные преимущества въездного и внутреннего туризма могут быть сформированы на уровне регионов России, при условии высококвалифицированного стратегического учета выигрышных региональных особенно-

стей используемых в туристской индустрии и построения эффективной схемы управления этой сферой деятельности. На Федеральном уровне необходимо проведение соответствующих законодательных мероприятий, создание благоприятной налоговой и инвестиционной среды для интенсивного развития индустрии въездного и внутреннего туризма в регионах, развитие туристической инфраструктуры, некоммерческого продвижения регионов России как туристического направления на международном и внутреннем туристских рынках и создания условий для повышения туристской активности населения. Таким образом, на региональном уровне необходимо выявление индивидуальных природно-географических, исторических и т.п. факторов, а также разработка и внедрение научных методов развития и управления индустрией туризма, обеспечивающих последовательное повышение ее конкурентоспособности.

Ханты-Мансийский Автономный округ – Югра является благоприятным регионом для развития туризма. Здесь сосредоточено множество культурных, спортивных, природных и других условий, необходимых для качественного отдыха.

По мнению руководства округа, Югра – один из самых перспективных регионов для развития внутреннего туризма. И в первую очередь, делового (по данным Госкомстата, в Ханты-Мансийском округе деловые поездки составляют сегодня 82% в общем объеме туризма), событийного (например, Чемпионат мира по биатлону или кинофестиваль «Дух огня»), а также культурно-познавательного (концертно-театральный зал «Югра-Классик», который организует гастроли для видных деятелей искусства в области музыки, кинематографа, театра, фотографии. Кроме того, этот зал славится своей акустикой и уникальными музыкальными инструментами (орган «Иоганнес Клайс Оргельбау» и рояль «Фацциоли»), этнического, приключенческого, речного. В округе за последние годы удалось создать необходимую инфраструктуру для развития туризма: построены 12 аэропортов, современные дороги, налажена телефонная связь. Сегодня из любого поселка можно дозвониться в 150 стран. Однако одной из существенных проблем остается недостаточное количество гостиниц в округе⁵.

В Ханты-Мансийске активно развивается сноубординг. Зимние виды спорта чрезвычайно популярны в России и за рубежом, а столица Югры может принимать туристов, любящих активный отдых почти круглый год (это связано с продолжительной зимой и большим количеством снега, который необходим для этих видов спорта). Наиболее благоприятным временем для проведения отпуска в ХМАО считается декабрь и начало января, а также середина июня и июль.

По мнению местных туроператоров, Югра считается экзотикой для иностранцев. Особенно интуристов восхищают киса и малица – национальная одежда из оленьих шкур, сосновые шишки и клюква. Однако для самих жителей региона, Югра является менее привлекательной. По данным проведенного опроса, в котором принимали участие молодые люди от 18 до 30 лет, югорчан отдых в регионе не привлекает из-за холодного климата, многим хочется сменить обстановку, познакомиться с культурой других стран. Среди прочих причин

также называют обилие кровососущих насекомых (комаров, мошек) и однообразие в развлечениях. К более предпочтительным вариантам отдыха относится пляжный отдых, культурное просвещение и осмотр достопримечательностей.

Сегодня региональные туристические компании предлагают следующие виды туристических услуг:

- 1) охота и рыбалка в Корликах и Нижневартовске;
- 2) активный туризм (сплав по рекам на лодках и катамаранах, джип-сафари);
- 3) экскурсии (Аган, Мегион, Нижневартовск, Варьеган, Ханты-Мансийск);
- 4) семинары и конференции;
- 5) размещение (гостиницы, оздоровительные центры, охотничьи избы, круизные теплоходы)⁶.

Однако одной из проблем, с которой можно столкнуться при продвижении ХМАО – Югры как туристического продукта – это создание крупного туристического оператора, который смог бы обеспечить перевозки и другие туристические услуги для большого числа людей. В настоящее время в регионе действует несколько мелких туристических фирм, которые организуют туры по городам ХМАО – Югры, однако они не расширяют свой сегмент рынка и обеспечивают туристические услуги только для жителей региона, выпуская из внимания другие регионы страны и зарубежье. Однако ведется активная работа по созданию крупного туроператора Югры совместно с комитетом по туризму округа.

Для того чтобы разрабатывать систему продвижения, следует определить ключевую аудиторию. Туризм в ХМАО – Югре предполагает активный отдых (лыжи, сноуборд), охоту и рыбалку, культурное просвещение (концерты классической музыки, театральные и кинофестивали). Соответственно такого рода отдых может привлечь молодежь (18–30 лет) и работающее население (если говорить об охоте/рыбалке, то это в основном мужчины до 45–50 лет).

Примерные варианты продвижения:

- 1) личные продажи, осуществляемые через агента;
- 2) прямая рассылка информации и работа с различными базами данных;
- 3) прямой маркетинг (почтовая рассылка для перспективных корпоративных клиентов);
- 4) стимулирование сбыта (купоны на скидки, конкурсы, розыгрыши, бонусные программы);
- 5) PR (пресс-тур для журналистов и ведущих менеджеров туристических агентств);
- 6) деловой туризм;
- 7) реклама⁷.

С 2003 года округ представлен на крупнейших международных туристических выставках. На этих мероприятиях округ осуществляет свое позиционирование как регион привлекательный для туризма, способный обеспечить безопасность туристов и организовать насыщенную и разнообразную программу их

пребывания. Участие в выставках является важным и престижным фактором⁸. Комитет по туризму тесно сотрудничает со СМИ и различными туроператорами страны. Однако этого недостаточно. Следует провести пресс-тур, куда можно пригласить не только ведущих менеджеров турфирм, но и журналистов федеральных и региональных информационных компаний. Пресс-тур является наиболее эффективным средством продвижения. Т.к. после таких поездок менеджеры турфирм размещают информацию о стране (регионе, отдельном курорте) в своих каталогах, а представители СМИ делают различные репортажи информационного характера. Кроме того, такие поездки стимулируют интерес со стороны турфирм, упрощает заключение совместных договоров о сотрудничестве.

Пресс-тур призван помочь в информационном освещении и продвижении туристического продукта ХМАО – Югра, в процессе которого можно распространять различные информационные, PR и рекламные материалы. Например, CD-визитки с красочными фотографиями, описанием региона и всех туристических услуг.

Итак, всю систему продвижения следует разрабатывать для представителей турфирм других регионов страны и зарубежья. Так как жители округа Югра не считают отдых в пределах региона чем-то экзотичным и зачастую от отдыха ждут эмоций, связанных с чем-то необычным, нестандартным. А для жителей европейской части страны, где другой климат и ресурсы, могут заинтересоваться отдыхом в Югре. Также и иностранные туристы, для которых самобытность региона и климат может сыграть ведущую роль в выборе места отдыха в пользу ХМАО – Югра.

Примечания

¹ Ильина Е.Н. Туроперейтинг: продвижение туристического продукта / Учебник. М., 2008. С. 1.

² Грачева О.Ю. и др. Организация туристического бизнеса: технология создания турпродукта: Учебно-практическое пособие. М., 2009. С. 23.

³ Грачева О.Ю. и др. Организация туристического бизнеса: технология создания турпродукта: Учеб.-практ. пособие. М., С. 24.

⁴ Морозова И.Г. Рационализация индустрии туризма как отрасли региональной экономики на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: Дис. ...канд. экон. наук. г.Ханты-Мансийск. 2008. С. 4.

⁵ Приложение к распоряжению Правительства автономного округа Югра Об информации о развитии туризма в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре за период 2003–2005 годы от 31 августа 2005 г. №462-рп.

⁶ Сайт туристического агентства «Спутник» www.sputnik-nv.ru [электронный ресурс – доступ свободный].

⁷ Ильина Е.Н. Туроперейтинг: продвижение туристического продукта: учебник. М., 2008. С. 96–97.

⁸ Приложение к распоряжению Правительства автономного округа Югра Об информации о развитии туризма в Ханты Мансийском автономном округе – Югре за период 2003–2005 годы от 31 августа 2005 г. №462-рп.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Абрамов А.В. Д. пед. н., проф., зав. лаб НИЛ прикл. дидактики НГГУ
2. Белькова А.Е. Науч. сотр. НИЛ прикл. дидактики, асс. кафедры рус. яз. и методики его преподавания НГГУ
3. Вовненко А.И. Студент 3 курса гуманитарного ф-та НГГУ
4. Гасникова С.Ю. Ст. преподаватель кафедры всеобщей истории и документоведения НГГУ
5. Георге И. В. Ст. препод. кафедры математики и информатики Нижневартковского филиала ТГНГУ
6. Гумерова Г.А. К.к., доцент кафедры СКСиТ
7. Жевлакова Н.Н. Аспирантка Томского гос. пед. ун-та
8. Зарубей Е.А. Аспирантка кафедры культурологии и философии
9. Извекова П.В. Студентка 2 курса ф-та сервиса и туризма НГГУ
10. Казакова Н.С. Учитель истории МСОШ №31 (г.Нижневартовск)
11. Казновецкая Е.В. Черниговский ГПУ им.Т.Г.Шевченко (г.Чернигов)
12. Ковалева Л.Е. Соискатель кафедры философии Тюменского государственного ун-та
13. Кукса О.В. Студентка 1 курса ф-та сервиса и туризма НГГУ
14. Лайтер А.В. Аспирант кафедры культурологии и философии НГГУ
15. Лицук А. А. К. филос. н., доц. НГГУ
16. Махутов Б.Н. К.т.н, директор Центра тестирования НГГУ
17. Махутова Г. М. Ст. преподаватель кафедры иностранных языков НГГУ
18. Наумов Д.Н. Студент НГГУ
19. Никифорова А.А. Аспирант кафедры культурологии и философии НГГУ
20. Паржницкая Е.В. Студент гуманитарного ф-та НГГУ
21. Полищук В.И. Д.ф.н., профессор кафедры культурологии и философии НГГУ
22. Рубцова Н.Г. Муниципальная общеобразовательная средняя школа №17 (г.Нижневартовск)
23. Салаватова А.М. Аспирант НГГУ
24. Токарева Г.З. Социальный педагог, МОУ «Лицей» (г.Нижневартовск)
25. Федоров Р.Ю. Ст. науч. сотрудник Тюменского научного центра СО РАН
26. Фозилова А.Э. Студент гуманитарного факультета НГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абрамов А.В., Белькова А.Е.</i> Основные направления исследований Лаборатории прикладной дидактики Нижегородского государственного гуманитарного университета.....	3
<i>Полищук В.И.</i> Философия кризиса Гуссерля.....	20
<i>Гумерова Г.А.</i> Культ животных в мировоззрении обских угров	24
<i>Лицук А.А.</i> Истоки и традиции отечественной философии права.....	29
<i>Гасникова С.Ю.</i> К проблеме межкультурного диалога России и Европы: исторический аспект.....	41
<i>Махутов Б.Н.</i> Модель качества целеполагания оценочных средств в условиях компетентностного подхода	52
<i>Махутова Г.М.</i> Организация иноязычного общения на основе проблемных ситуаций.....	57
<i>Георге И.В.</i> Проблемы организации самостоятельной работы в профессиональной подготовке будущего специалиста.....	60
<i>Белькова А.Е.</i> Современное учебно-воспитательное пространство как условие развития личности выпускника	70
<i>Белькова А.Е.</i> Концепт как лингвистическая категория, организующая структурно-семантический уровень делового текста	76
<i>Федоров Р.Ю.</i> Регион как социокультурное пространство: структура, коммуникации, ценности	87
<i>Зарубей Е.А.</i> Основные феминистские подходы к «природе женщины»	95
<i>Жевлакова Н.Н.</i> Культура народов самодийской группы.....	98
<i>Ковалева Л.Е.</i> Региональная идентичность, региональная культура, региональная культурная политика: варианты конструкций	108

<i>Лайтер А.В.</i>	
Правовой нигилизм как проблема региональной культуры России	114
<i>Никифорова А.А.</i>	
Культурная политика региона как одно из перспективных направлений государственной политики.....	121
<i>Казакова Н.С.</i>	
Обеспечение школ педагогическими работниками и профессиональный уровень учительства Остяко-вогульского округа в 1930-е гг.....	123
<i>Казновецкая Е.В.</i>	
Региональное измерение философии человека	129
<i>Рубцова Н.Г.</i>	
Роль бизнес-коммуникаций в аспекте корпоративной культуры.....	136
<i>Токарева Г.З.</i>	
Содержание деятельности социального педагога по социальному воспитанию учащихся	145
<i>Вовненко А.И.</i>	
Развитие концертных организаций в Ханты-Мансийском автономном округе. Значение PR в продвижении академического искусства в регионе (150-летию Первой русской филармонии посвящается...)	154
<i>Извекова П.В.</i>	
Проблемы духовно-нравственного воспитания молодежи	159
<i>Кукса О.В.</i>	
Развитие туризма в Германии и Тюменской области: состояние, проблемы, перспективы	161
<i>Наумов Д.Н.</i>	
Брендинг территории на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры	167
<i>Паржницкая Е.В.</i>	
Кодирование и декодирование наименований фирм в области сферы услуг на примере г.Нижневартовска	170
<i>Салаватова А.М.</i>	
Философские и социально-педагогические условия профильного обучения учащихся региона как особый вид развития этнокультуры	172
<i>Фозилова А.Э.</i>	
Методы продвижения туристического регионального продукта на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.....	180
Сведения об авторах.....	184